

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Сборник научных трудов
Выпуск 18
Психология

Горловка
2022

УДК 009
ББК Ф66/Ш81
Г69

*Рекомендовано к изданию на заседании Учёного совета
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(протокол № 8 от 30.03.2022)*

Ответственный редактор: С. Э. Зябрева – к. пед. н., доц. ГОУ ВПО «ГИИЯ», г. Горловка (ДНР)

Редакционная коллегия:

С. А. Кочетова – д. филол. н., проф. ГОУ ВПО «ГИИЯ», г. Горловка (ДНР); И. А. Герасименко – д. филол. н., проф. ГОУ ВПО «ГИИЯ», г. Горловка (ДНР); В. В. Липинский – д. ист. н., проф. ГОУ ВПО «ДонНУ», г. Донецк (ДНР); И. А. Андреева – к. психол. н., доц. ГОУ ВПО «ГИИЯ», г. Горловка (ДНР); М. Р. Арпентьева – д. психол. н., ст. науч. сотрудн. Калужского государственного ун-та имени К. Э. Циолковского (РФ); Н. В. Евсюкова – к. ист. н., доц. ГОУ ВПО «ГИИЯ», г. Горловка (ДНР); Н. А. Егорова – к. пед. н., доц. Белорусского государственного университета, г. Минск (Республика Беларусь); Р. А. Назмутдинов – к. психол. н., доц. Костанайского государственного пед. ин-та (Казахстан); В. В. Патерыкина – д. филос. н., доц. Алчевского технического ун-та (ЛНР); Н. В. Фунтикова – к. пед. н., доц. Луганского национального университета имени Владимира Даля, г. Луганск (ЛНР); Д. А. Чернышёв – д. пед. н., проф. ГОУ ВПО «ДонНУ», г. Донецк (ДНР)

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016 (редакция от 03.10.2016).

Г69 **Гуманитарный вестник** : сб. науч. тр. / ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков». Редкол. : С. Э. Зябрева и др. – Горловка : Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2022. – 160 с.

Сборник посвящён исследованию актуальных проблем психологических дисциплин. Для научных работников, аспирантов, студентов, практических психологов.

УДК 009
ББК Ф66/Ш81

УДК 159.9

**СПЕЦИФИЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО РЕЧИ:
ОПРЕДЕЛЕНИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ, КЛИНИЧЕСКАЯ
ОЦЕНКА И КОРРЕКЦИЯ**

Во время детства у ребенка могут возникать различные нарушения развития, значительно ограничивающие его психологическое функционирование, независимо от возраста и/или общественной среды. Например, специфическое расстройство речи – одно из самых общих и частых нарушений развития коммуникации. Эта клиническая проблема характеризуется наличием ограничений в одном или более языковых компонентов (напр., фонологического, лексического, синтаксического и т.д.), ухудшая будущее развитие других психологических процессов, таких, как чтение и письмо, необходимых для успешной адаптации во время школьного этапа [3].

Согласно исследованиям в этой области, раннее выявление расстройств зависит от соответствующих процессов их оценки и коррекции, с помощью подробного анализа результатов тестирования и контроля различных факторов, относящихся как к самому субъекту, так и к окружающей его среде.

В данной статье будет идти речь о диагностике этого нарушения развития и других важных аспектах, связанных с его клинической оценкой и коррекцией.

Специфическое расстройство речи (англ. *specific language impairment*, SLI) или алалия является расстройством развития, характеризующимся наличием трудностей на уровне одного или более языковых компонентов (напр., фонологического, лексического, синтаксического, семантического, прагматического) и часто сопровождающимся следующими симптомами: сокращенный словарный запас, проблемы в организации и структуре фразы и предложения, существенные ограничения в семантическом поле и дефекты в коммуникации (прагматическое нарушение) [2; 15; 16; 17]. В настоящее время при подобном нарушении специалисты выявили также ряд других трудностей на уровне некоторых когнитивных процессов, связанных с функционированием речи и играющих важную роль в её развитии, таких, как внимание, рабочая память и программирование эфферентных функций [10; 11].

Существуют различные варианты этого расстройства, в зависимости от измененного языкового компонента (напр., подтипы фонологического программирования, фонологическо-синтаксический, лексическо-синтаксический, семантико-прагматический). Обычно это расстройство диагностируется уже на ранних этапах развития человека, с двухлетнего возраста. Как

правило, анализ его клинических характеристик будет зависеть от некоторых факторов, таких, как возраста и выраженности проблемы у конкретного пациента [9].

В результате мультидисциплинарного исследования и текущего обновления систем клинической классификации, выделяют следующие типы специфического расстройства речи [4, 6]:

- *Слухоречевая агнозия*, при которой дети не могут распознавать речевые сообщения, однако понимают смысл символических жестов.

- *Вербальная диспраксия*, характеризующаяся наличием значительных проблем при производстве речи, особенно связанных с фонетическим аспектом речи (артикуляцией). Дети с таким диагнозом испытывают трудности с произнесением правильных фонем и беглостью речи, независимости от ситуации, в которой они находятся.

- *Дефицит в фонологическом программировании*, когда у детей наблюдается неточное и неразборчивое произнесение слов. Отличие этого типа специфического расстройства речи от вербальной диспраксии состоит в том, что в первом случае динамика развития речевых навыков лучше, чем во втором, благодаря сохраненной способности к беглой речи.

- *Фонологическо-синтаксический дефицит*, у детей с таким диагнозом возникает несколько проблем различного характера (как экспрессивных, так и импрессивных): на уровне артикуляции (фонетики), фонологии и морфо-синтаксиса. Они часто строят слишком краткие предложения, и пропускают функциональные слова и другие морфологические маркеры. Экспрессивные нарушения при этом диагнозе более выражены, чем импрессивные, особенно в ситуациях, связанных с употреблением абстрактной и деконтекстуализированной речи.

- *Лексико-синтаксический дефицит*, в этой группе находятся дети преимущественно с лексическими и морфологическими проблемами. Обычно они не могут подобрать правильные слова и используют парафазии, как коммуникативные стратегии, во время взаимодействия с другими людьми.

- *Семантико-прагматический дефицит*, который характеризуется наличием нарушений на уровне прагматического компонента речи, связанных с его употреблением в социальных контекстах. Дети с этой проблемой не могут понимать контекстуальные (буквальные) сообщения, несмотря на то что у них сохранены другие речевые компоненты (напр., фонологический, лексический, синтаксический). Вследствие этого у таких детей часто возникают проблемы с адаптацией к различным ситуациям. При данном типе расстройства также выявляются другие коморбидные

нарушения речи, такие как персеверации и эхолалии. В современной клинической практике термин «нарушение коммуникации» используется специалистами для обозначения детей и подростков с этим типом специфического расстройства речи.

Оценка и коррекция расстройства речи. Для адекватного диагноза у этого или других связанных с ним клинических случаев, оценка нарушений является основным и необходимым процессом. Одновременно, этот клинический анализ будет зависеть от подхода, выбранного специалистами: с одной стороны, количественного, с помощью психометрических (логопедических, нейропсихологических) тестов, такие как тесты Векслера (*Wechsler Preschool & Primary Scale of Intelligence* [WPPSI-IV], *Wechsler Intelligence Scale for Children* [WISC-V]), клиническая оценка основ речи (*Clinical Evaluation of Language Fundamentals* [CELF]), тест словарного запаса изображений Пибоди (*Peabody Picture Vocabulary Test* [PPVT-5]) и т.д. [5; 9; 12; 13; 14]. Ис другой стороны, качественного подхода, посредством контролируемого использования стимульного материала, такого, как педагогические карточки или списки слов (в функции возраста и особенных характеристик случая). Для их правильного применения специалисты должны адаптировать каждый из этих материалов к реальной ситуации для каждого случая, вне зависимости от наличия неблагоприятных факторов в его анамнезе [8].

В результате оценки вида и степени нарушений специалисты смогут разработать эффективные программы коррекции для этого или других сходных расстройств, адаптируя методы к индивидуальным особенностям пациента. Существует много подходов к коррекции расстройств речи, используемых специалистами: с одной стороны, существуют программы развития речи, ориентируемые на построение лингвистических шаблонов, методы психологической подготовки семьи, общей стимуляции, сфокусированной стимуляции, *conversational recast* и дифференцированного ответа по уровням практики. С другой стороны, есть программы ранней грамотности, ориентируемые на стимуляцию функционирования фонологического сознания и ранних способностей чтения, с помощью некоторых компьютерных программ, таких как *Fast For Word Language* [1; 18].

Таким образом, как во время клинической оценки нарушения, так и во время его коррекции, эффективность методов будет зависеть от других значимых социальных факторов, таких как профессиональная подготовка специалистов, семейная помощь, окружающая среда, и т.д.

Выводы. Специфическое расстройство речи – это одно из общих расстройств развития человека, характеризующееся наличием нарушений на уровне языковых компонентах и других связанных

с ним когнитивных процессов (напр., рабочей памяти, программ эфферентных функций).

Его клиническая оценка будет зависеть от подхода специалистов: с одной стороны, от выбора и применения психометрических тестов, часто используемых для измерения степени выраженности нарушения и сравнения индивидуумов, имеющих данное расстройство. С другой стороны, от подбора техник и педагогических материалов, адаптированных к особенностям каждого пациента.

Таким же образом, коррекция этого нарушения будет зависеть от выбранного метода (как ориентируемого на строение лингвистических шаблонов, так и на стимуляцию функционирования фонологического сознания и ранних способностей чтения) и подробного анализа факторов, присутствующих у индивидуума и в его окружающей среде.

Однако для получения эффективных результатов многие специалисты рекомендуют анализировать ряд дополнительных характеристик (напр., клинических, социальных) и интегрировать различные методы и техники, учитывая особенности пациента, его физические возможности и реальные отношения, присутствующие между субъектом и его окружающей средой, в данный момент его развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Acosta, V. La intervención logopédica en los trastornos específicos del lenguaje // Revista de Logopedia, Foniatría y Audiología. – 2012. – № 32. – С. 67-74.
2. American Psychiatric Association. Diagnostic and statistical manual of mental disorders. – W. D.C., 2013.
3. Bishop, D. Ten questions about terminology for children with unexplained language problems // International Journal of Language & Communication Disorders. – 2014. – № 4. – С. 381–415.
4. BuizaJ., Rodríguez-Parra M., AdriánJ. Trastorno específico del lenguaje: subtipos de una patología compleja // Revista de Logopedia, Foniatría y Audiología. – 2015. – № 36. – С. 36-52.
5. Carballo, G. Guía para la evaluación del TEL: algunas consideraciones // Revista de Logopedia, Foniatría y Audiología. – 2012. – № 32. – С. 87-93.
6. Narbona, J., Chevrie-Muller C. El lenguaje del niño. Desarrollo normal, evaluación y trastornos. – B., 2003.
7. Dunn, D. Peabody Picture Vocabulary Test (5th ed.) – B., 2019.
8. Mendoza, E. La evaluación del lenguaje: orientaciones alternativas // Revista de Logopedia, Foniatría y Audiología – 2010. – № 30. – С. 167-173.
9. Mendoza, E. Trastorno específico del lenguaje (TEL) – M., 2009.
10. Quintero, I., Hernández S., Verche E., Acosta V., Hernández A. Disfunción ejecutiva en el Trastorno Específico del Lenguaje //

- Revista de Logopedia, Foniatría y Audiología. – 2013. – № 33. – С. 172-178.
11. Verche, E., Hernández S., Quintero I., Acosta V. Alteraciones de la memoria en el Trastorno Específico del Lenguaje: una perspectiva neuropsicológica // Revista de Logopedia, Foniatría y Audiología – 2013. – № 33. – С. 179-185.
 12. Wechsler, D. Wechsler Preschool and Primary Scale of Intelligence. – Fourth Edition – S.A., 2012.
 13. Wechsler, D. Wechsler Intelligence Scale for Children. – Fifth edition (WISC-V) – S.A., 2014.
 14. Wiig, E., Semel E., Secord W. Clinical Evaluation of Language Fundamentals. – Fifth Edition (CELF-5). – B., 2013.
 15. World Health Organization. ICD-11. International classification of diseases for mortality and morbidity statistics. – G., 2017.
 16. Микадзе, Ю. В. Нейропсихология детского возраста / Ю. В. Микадзе. – СПб. : Питер, 2021. – 352 с.
 17. Смирнова И. А. Логопедия: иллюстрированный справочник / Смирнова И. А. – СПб. : Речь, 2020. – 187 с.
 18. Смирнова, И. А. Логопедическая диагностика, коррекция и профилактика нарушений речи у дошкольников с ДЦП. Алалия, дизартрия, ОНП / И. А. Смирнова. – СПб. : Питер, 2004. – 298 с.

АННОТАЦИЯ

Агилар Валера Хосе Алонсо. Специфическое расстройство речи: клинические характеристики

Специфическое расстройство речи или алалия является одним из общих расстройств развития человека, которое характеризуется наличием значительных ограничений, присутствующих на уровне языковых компонентов, независимо от возраста и/или социокультурной среды субъекта. Таким же образом, можно выявить другие проблемы, связанные с некоторыми когнитивными процессами, играющими важную роль в развитии речи (рабочая память, организация эфферентных программ). В этих случаях клиническая оценка и коррекция будут зависеть от специфических характеристик проблемы (типа синдрома), процедуры и материалов (тестов, педагогических карточек), выбранных специалистами, генетических и эпигенетических факторов (связанных с конкретным случаем), социальных аспектов и т. д. Правильная интеграция всех этих элементов определит успешный подход специалистов, работающих с этим типом случаев.

Ключевые слова: специфическое расстройство речи, речь, когнитивные процессы, клинический анализ, клиническая оценка, коррекция.

SUMMARY

Aguilar Valera Jose Alonso. Specific language impairment: clinical characteristics

Specific speech disorder or alalia is one of the common human developmental disorders, which is characterized by significant limitations at the level of language components, regardless of the age and/or socio-cultural environment of the person. It is possible to identify other problems associated with some of the cognitive processes in the same way which play an important role in the development of speech (working memory, organization of efferent programs). In these cases, clinical assessment and correction will depend on the specific characteristics of the problem (type of syndrome), procedure and materials (tests, educational cards), chosen by specialists, genetic and epigenetic factors (related to the specific case), social aspects, etc. Proper integration of all these elements will determine the successful approach of professionals working with this type of case.

Key words: specific language impairment, language, cognitive processes, clinical analysis, clinical assessment, rehabilitation.

Азуреева Елена Юрьевна

г. Киров, РФ,

Втюрина Татьяна Анатольевна

г. Киров, РФ,

Низовских Нина Аркадьевна

г. Киров, РФ

УДК 159.9.01

МЕНТАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

«ВНУТРЕННЕГО РЕБЁНКА»

КАК ЛИЧНОСТНЫЙ РЕСУРС ЧЕЛОВЕКА

Актуальность исследования эго-состояний личности определяется стремлением современного человека к авторству самого себя, предполагающего ответственность за собственное психологическое благополучие и эффективность социального функционирования. Каждое из эго-состояний личности, получивших в транзактном анализе Э. Берна названия «Родитель», «Взрослый», «Ребёнок», вносит свой вклад в решение задачи строительства себя и своей жизнедеятельности. Эго-состояние «Ребенок» («внутренний ребенок» в таких его вариантах, как «естественный», «интуитивный», «свободный» и др.) является все еще недостаточно оцененным в научной психологии как важнейший личностный ресурс.

Изучение личностных ресурсов представляет собой перспективное и активно развивающееся направление исследований в современной психологии [4, с. 102]. Теоретический анализ категории личностных ресурсов, предпринятый отечественными

специалистами, позволил определить понятие личностные ресурсы как «неспецифические индивидуальные психологические переменные, связанные с успешным осуществлением деятельности и психологическим благополучием человека» [4, с. 86]. Опираясь на теорию ресурсов С. Хобфолла и концепцию личностного потенциала Д. А. Леонтьева, авторы выделили ряд личностных ресурсов, позитивные эффекты которых подтверждены эмпирическими исследованиями. К числу таких личностных ресурсов относятся жизнестойкость, резилиентность, оптимизм, самооценка, самоэффективность, толерантность к неопределённости [4, с. 85].

Мы исходим из предположения о том, что ментальные репрезентации «внутреннего ребенка» можно причислить к личностным ресурсам человека, поскольку они связаны с психологическим благополучием и осуществлением деятельности человека.

Цель данной статьи состоит в представлении и обсуждении результатов теоретико-эмпирического исследования ментальных репрезентаций эго-состояний «внутреннего ребенка» в их связях с психологическим благополучием личности.

Феномен «внутреннего ребенка» в настоящее время широко представлен в обыденном сознании, к работе с «внутренним ребенком» обращены многие психологические и психотерапевтические практики. Так, получила известность комплексная психотерапия Т. Д. Зинкевич-Евстигнеевой [3]. Специальные научные исследования феномена «внутреннего ребенка», выявляющие его роль в обеспечении психологического благополучия личности, не попадали в поле нашего зрения.

Исследование, предпринятое одним из авторов данной статьи Е. Ю. Агуреевой в 2018-2020 гг. в рамках магистерской диссертации является в этом плане пионерским. В задачи исследования, в частности, входило определить содержание и эмоциональную окрашенность ментальных репрезентаций «внутреннего ребенка» в индивидуальном сознании респондентов; выявить наличие и характер связи между ментальными репрезентациями «внутреннего ребёнка» с психологическим благополучием.

Мы исходили из предположения о том, что позитивно окрашенные ментальные репрезентации внутреннего ребенка, имеющиеся в индивидуальном сознании, а также ментальные репрезентации эго-состояния «естественного ребенка», выявленные с помощью специальных опросных методов, будут положительно коррелировать с психологическим благополучием личности.

Обратимся к анализу понятия «ментальная репрезентация». Согласно краткому словарю когнитивных терминов, ментальная репрезентация – это «ключевое понятие когнитивной науки,

относящееся как к процессу представления (репрезентации) мира в голове человека, так и к единице подобного представления, стоящей вместо чего-то в реальном или вымышленном мире и потому замещающей это что-то в мыслительных процессах [5, с. 447]. Репрезентации могут быть *образными* (то есть «картиноподобными», когда для представления чего-то используются картинки, образы, рисунки, схемы и т.п.) и *вербальными* (то есть «языкоподобными», это репрезентации языковых единиц – слов, их частей, предложений, клишированных конструкций и т.п.) [там же].

С точки зрения исследования эго-состояний значимым является различие «*модальных*» и «*амодальных*» репрезентаций. К первым относятся представления об ощущениях (зрительных, слуховых, тактильных и пр.), а ко вторым – символические, вербальные репрезентации. Для эмпирического исследования ментальных репрезентаций эго-состояний важно то, что и модальные, и амодальные репрезентации «могут быть выведены и выводятся на один уровень – уровень ментальных репрезентаций, уровень концептуальной структуры (Jackendoff 1993 i: 17; 1984: 54)» [по: 5, с. 448]. На уровне ментальных репрезентаций, как пишет, ссылаясь на точку зрения Р. Джекендоффа, Е. С. Кубрякова, «информация, полученная по разным каналам, – сенсорная, моторная и т.п., оказывается сопоставимой с информацией вербальной» [5, с. 447]. Принципиально важно, что «ментальные операции с образными репрезентациями аналогичны тем, которые совершаются с вербальными репрезентациями» (Kosslyn 1980), а так же то, что «переход от одних к другим тоже не представляет никаких трудностей» (Badecker 1991; Canseco-Gonzalez et al. 1990) [по: 5, с. 448].

Необходимо различать репрезентации хранимые в долговременной семантической памяти, и репрезентации текущих событий [9, с. 381]. Отметим, что ментальные репрезентации внутреннего ребенка, как и любые другие ментальные репрезентации, могут храниться в долговременной семантической памяти человека, но в любой момент могут стать для него «текущим событием», оказывая влияние на его деятельность и благополучие. Один из смыслов психологической работы с внутренним ребенком может состоять в развитии когнитивной дифференцированности в сфере репрезентации эго-состояния Ребенка наряду с эго-состояниями Родителя и Взрослого.

Репрезентации эго-состояний «внутреннего ребёнка» личности вне всякого сомнения заслуживают внимания.

Исследования «внутреннего ребенка» в психологии были начаты работами К. Г. Юнга [10; 11]. Архетип ребенка трактуется К. Юнгом как «предсознательный аспект детства коллективной души»; нечто

большее, чем личные воспоминания детства; веками складывавшийся коллективный опыт. Все сюжеты, связанные с «детской» темой, в соответствии с мыслью К.Г. Юнга, являются важным посланием из глубины веков.

Значительный вклад в психологическое исследование «внутреннего ребенка» внес транзактный анализ Э. Берна, представляющий позитивный взгляд на его сущность и проявления. Э. БERN исходит из того, что репертуар эго-состояний человека включает в себя три их типа: состояния Я, сходные с образами родителей (Родитель); состояния Я, автономно направленные на объективную оценку реальности (Взрослый); состояния Я, все еще действующие с момента их фиксации в раннем детстве (Ребенок). Э. БERN полагает, что в каждый данный момент человек проявляет одно из состояний Я: Родителя, Взрослого или Ребенка, и с разной степенью готовности может перейти от одного состояния к другому [1, с. 22]. Любой человек несет в себе впечатления прежних детских лет, которые при определенных условиях могут активизироваться, поскольку «каждый таит в себе маленького мальчика или девочку». Во многих отношениях «Ребенок» выступает как одна из «ценных составляющих личности, так как вносит в жизнь человека то, что настоящий ребенок вносит в семейную жизнь: радость, творчество и очарование» [1, с. 23]. Ребенок может проявлять себя двумя способами: 1) как приспособившийся Ребенок и 2) как естественный Ребенок. Приспособившийся Ребенок ведет себя так, как этого хотели бы отец или мать: например, очень зависимо от них или не по годам самостоятельно. Естественный Ребенок проявляет себя в спонтанном поведении: например, в непослушании, бунте или в проявлении творческого порыва [1, с. 24]. Модель эго-состояний личности и метод транзактного анализа получают в настоящее время дальнейшее развитие.

М. Джеймс и Д. Джонгвард выделяют три состояния «внутреннего ребёнка»: Естественный Ребёнок, Маленький Профессор, Приспособившийся Ребёнок [2]. Приведем объемную цитату из книги «Рожденные выигрывать» [2, с. 82], чтобы показать, как именно авторы раскрывают данные состояния, и как они определяют их истоки. Авторы пишут: «В каждом из нас находится внутренний маленький мальчик или девочка. Когда Вы ведете себя или чувствуете подобно тому, как это было с Вами в детстве, Вы находитесь в состоянии Я Ребенка. «Естественный Ребенок» чувствует себя свободным и делает то, что он хочет. Когда Вы бываете выразительны, нежны, веселы, эгоистичны или отстаиваете свои права, Вы, скорее всего, выражаете Вашего «Естественного Ребенка». «Маленький Профессор» – это находчивый маленький ребенок в каждой личности. Когда Вы чувствуете себя интуитивным,

переживаете моменты творчества, создаете что-нибудь для удовольствия или манипулируете кем-нибудь, чтобы получить, что Вы хотите, то в этом участвует Ваш «Маленький Профессор». «Приспособившийся Ребенок» – это воспитанный ребенок, который ведет себя так, как этого хотели бы Ваши отец или мать, например, очень зависимо от них или не по годам самостоятельно, но иногда чувствует себя не о'кей. Когда Вы бываете вежливыми, послушными, избегаете конфронтации, отдаляетесь, медлите или чувствуете себя не о'кей, Вы, вероятно, проявляете вашего «Приспособившегося Ребенка» [2, с. 82].

Мы полагаем, что приведенная выше цитата раскрывает важные для современного человека характеристики его внутренних состояний, знание о которых весьма полезно. Л. А. Петровская в послесловии к книге М. Джеймс и Д. Джонгвард написала об это так: «У вынесенного в заголовок этой книги ключевого слова «выигрывать» (to win) много значений. В нашей культуре обычно под этим подразумевается прежде всего умение взять верх над кем-либо или чем-то вовне. Авторы данной книги <...>исходят из представления гуманистической психологии о Выигрывающем как об аутентичной личности, то есть подлинной, открытой в своих проявлениях, принимающей на себя ответственность за то, какова она есть. В этой полноте бытия, собственно, и состоит ее выигрыш» [2, с. 149].

В нашем исследовании данный подход в трактовке «внутреннего ребенка» является определяющим. Внутренний ребенок – это не только страдающая часть, которая требует исцеления, но и основа проявления аутентичности и активности личности.

Безусловно важно то, как эго-состояние «внутренний ребенок» соотносится с другими эго-состояниями личности. Д. Дюсей разработал «эгограмму» состояний Родитель, Взрослый, Ребенок [12, с. 3]. Эгограмма (гистограмма) иллюстрирует актуальное «распределение энергии» между эго-состояниями: одна ось служит для отображения психической энергии, а другая – для эго-состояний. Д. Дюсей выделяет пять эго-состояний (Контролирующий Родитель, Заботливый Родитель, Взрослый, Свободный ребёнок, Адаптированный ребёнок), полагая, что эгограммы необходимо рисовать интуитивно. Характер эгограммы, если не предпринимать попыток к глубинному изменению своей личности, остается постоянным на протяжении всей жизни. Самой интересной информацией, которую можно извлечь из эгограммы, являются не абсолютные значения выраженности эго-состояний, а соотношение высоты отдельных столбцов, предъявляющих то или иное эго-состояние. Эгограмма не дает представления о том, насколько велик или мал общий запас психической энергии, а лишь показывает,

каким образом человек распределяете эту энергию между наиболее наглядно проявляющими себя частями личности.

Еще одним теоретическим основанием для проведения наших исследований являются работы В. А. Петровского, который трактует эго-состояние «Ребенок» как отголосок нашего детства: тех чувств и потребностей, которые мы испытывали, когда были детьми [7]. У состояния Ребенок есть два возможных «варианта»: Естественный ребенок и Адаптированный ребенок (негативный и позитивный). *Естественный ребенок* – спонтанный, непосредственный, креативный, отражающий то, как мы играем, придумываем шутки, весело общаемся со своими детьми. *Позитивный адаптированный Ребенок* – тот, кто, подавляя свои желания, приспособился к ожиданиям своих родителей и требованиям общества. *Негативный адаптированный Ребенок* постоянно бунтует и протестует [там же]. Транзактный анализ помогает человеку укрепить позиции Родителя, научиться разрешать свои проблемы с позиции Взрослого, вновь обрести в себе Естественного ребенка [там же].

Разработки выше названных и некоторых других авторов выступили теоретико-методологическими основаниями исследования, определили выбор методик.

Методика

Эмпирическое исследование ментальных репрезентаций эго-состояний внутреннего ребенка проведено в 2019 году. В качестве респондентов в исследовании приняли участие 78 мужчин и женщин в возрасте от 40 до 60 лет. Характеристика выборки по полу, возрасту и образованию представлена в табл. 1.

Таблица 1 – Характеристика выборки по полу, возрасту, образованию

Пол	Возраст	Образование, кол-во (%)				
		Среднее	Среднее специальн.	Неоконч. высшее	Высшее	Учемая степень
Женщины (n = 51)	M = 48,3 SD = 6,0	–	11 (21,6)	–	37 (72,5)	3 (5,9)
Мужчины (n = 27)	M = 49,3 SD = 6,3	1 (3,7)	3 (11,1)	1(3,7)	21 (77,8)	1 (3,7)
Вся выборка (n = 78)	M =48,6 SD = 6,1	1 (1,3)	14 (17,9)	1(1,3)	58 (74,4)	4 (5,1)

В исследовании, в частности, применялись методики: 1) методика незаконченных предложений; 2) анкета «Мой «внутренний ребёнок»»; 3) методика «Выбор слов»; 4) «Шкала удовлетворенности

жизнью» Э. Динера [13]; 5) Шкала психологического благополучия К. Рифф в адаптации Н. Н. Лепешинского [6].

Результаты

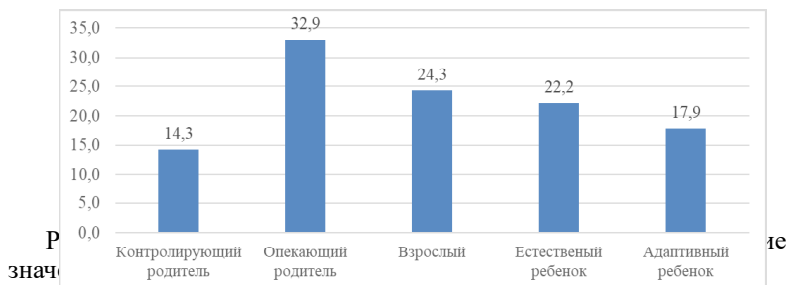
В методике незаконченных предложений респондентам было предложено завершить одним или несколькими словами три предложения: «В детстве я был (была)...»; «Когда я был(а) ребёнком, у меня были...»; «Когда я был(а) ребёнком я больше всего...». Заканчивая первое предложение респонденты в большинстве случаев дали положительно окрашенные ответы (55,5%), а также выразили нейтральное (37,2%) и негативное (7,3%) отношение к детству. Мы полагаем, что это хороший результат. Более половины людей, участвовавших в исследовании, вспоминают о детстве тепло и радостно. Воспоминания о собственном детстве имеют у респондентов по большей части искреннюю, непосредственную, романтическую окрашенность, но также вспоминаются страхи и опасения. Необходимо отметить, что эмоциональная окрашенность ответов на второе незаконченное предложение имеет значимые положительные корреляции со шкалами «положительные отношения», «личностный рост», «цели в жизни», «психологическое благополучие», что позволяет судить о положительных взаимосвязях «воспоминаний о детстве» и шкалами психологического благополучия. Ответы на третье незаконченное предложение имеют значимые положительные корреляции со шкалой «личностный рост» и шкалой «психологическое благополучие (интегральный показатель)». Это, несомненно, является значимым результатом исследования.

Анкетирование включало два вопроса: «Слышали ли Вы о том, что в каждом человеке есть «внутренний ребенок?» и «Знаете ли Вы своего «внутреннего ребенка»? В результате мы выяснили, что 87,2% участников исследования слышали о том, что в каждом человеке есть «внутренний ребенок». Знают своего «внутреннего ребенка» 61,5% респондентов.

Кроме того, респондентам предлагалось следующее задание: «Подберите пять слов (словосочетаний), которыми вы могли бы описать своего «внутреннего ребенка»». Выявление содержательных характеристик «внутреннего ребенка» производилось методом контент-анализа. При описании своего «внутреннего ребенка» респонденты назвали 287 слов и словосочетаний. Анализ часто встречающихся описаний, которые упоминали хотя бы 7% респондентов, показал, что «внутренний ребенок» репрезентирован как веселый (16,7%), добрый (15,4%), капризный (15,4%), любящий (10,3%), радостный (10,3%), мечтательный (7,7%).

Методика «Выбор слов» была направлена на выявление следующих эго-состояний респондентов: Контролирующий Родитель, Опекающий Родитель, Взрослый, Естественный ребёнок, Адаптированный ребёнок. Участникам исследования предлагалось подчеркнуть содержащиеся

в таблице слова, интонации, мимику, отношение к другим людям, наиболее характерные для них. Анализ эмпирических данных, полученных с использованием методики «Выбор слов» (подсчитывалось количество выборов), позволил определить выраженность усредненных эго-состояний респондентов: Контролирующий Родитель, Опекающий Родитель, Взрослый, Естественный ребенок, Адаптированный ребенок (рис.1).

Наибольшую выраженность, как мы можем видеть, имеет эго-состояние Опекающий Родитель, что логично для данной возрастной выборки. Эго-состояния Естественный ребенок и Адаптированный ребенок занимают 3-ю и 4-ю ранговую позицию соответственно.

Результаты полученные по методике психологического благополучия К. Рифф, в адаптации Н. Н. Лепешинского [6], представлены в табл. 2.

Таблица 2 –Показатели психологического благополучия респондентов

Шкала	Значения по выборке		Нормативные значения (по Н.Н. Лепешинскому)	
	М	σ	М	σ
Позитивные отношения	64,45	9,852	65,07	8,587
Автономия	55,71	9,624	55,24	7,539
Управление средой	61,19	8,436	62,31	8,472
Личностный рост	62,24	9,793	63,03	7,682
Цели в жизни	64,15	9,793	66,10	8,782
Самопринятие	60,00	10,089	61,48	9,067
Психологическое благополучие	367,74	46,559	373,23	39,692

Результаты измерения по «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера показали, что 59% респондентов очень довольны или в высшей степени довольны жизнью; средние оценки показали 29,5% респондентов; 11,5% респондентов недовольны или слегка не удовлетворены жизнью.

Таблица 3 – Коэффициенты корреляции эго-состояний с удовлетворенностью жизнью и показателями психологического благополучия

Шкалы опросников	Эго-состояния				
	Контролирующий родитель	Опекающий родитель	Взрослый	Естественный ребёнок	Адаптированный ребёнок
Удовлетворен-сть жизнью	,116	,337**	,199	,186	0,065
Позитивные отношения	,093	,300**	,284*	,386**	,134
Автономия	,106	,008	,219	,173	-,032
Управление средой	-,041	,246*	,201	,263*	,034
Личностный рост	-,035	,304**	,326**	,408**	,092
Цели в жизни	,075	,227*	,241*	,358**	,067
Самопринятие	,023	,224*	,278*	,318*	,058
Психологическое благополучие (интегр. показатель)	,03	,268*	,323**	,386**	,08
Примечание: ** - $p \leq 0,01$; * - $p \leq 0,05$					

Как свидетельствуют данные, приведенные в таблице 3, эго-состояние «естественный ребёнок» положительно и статистически значимо коррелирует с интегральным показателем психологического благополучия и еще с пятью показателями психологического благополучия в числе которых личностный рост, позитивные отношения, цели в жизни, самопринятие и управление средой. Это свидетельствует о том, что чем больше выражено эго-состояние «естественного ребёнка», тем выше субъективное самоощущение целостности и осмысленности личностью своей жизни.

Обсуждение результатов

Эго-состояние «естественный ребенок», выявленное по методике «Выбор слов», выражено у респондентов нашей выборки достаточно хорошо. В описании В. А. Петровского «естественный ребенок» в нас – это человек спонтанный, непосредственный,

креативный, отражающий то, как мы играем, придумываем шутки, весело общаемся со своими детьми [7]. Можно привести множество примеров из жизни, когда мы видим ярко выраженное эго-состояние «естественного ребёнка». Это актёры во время спектакля, это взрослые мужчины-болельщики футбола и других спортивных игр, это родители, играющие со своими детьми. Э. Берн, подробно и ярко описывая то, как проявляется эго-состояние «естественного ребенка», указывает на его роль в функционировании личности как на «источник интуиции, творчества, спонтанных порывов и радости» [1, с. 25].

Эго-состояние «естественный ребёнок» положительно и статистически значимо коррелирует с интегральным показателем психологического благополучия и еще с пятью показателями психологического благополучия, в числе которых личностный рост, позитивные отношения, цели в жизни, самопринятие и управление средой. Это свидетельствует о том, что чем больше выражено эго-состояние «естественного ребёнка», тем выше субъективное самоощущение целостности и осмысленности личностью своей жизни.

Заключение

Изучение ментальных репрезентаций эго-состояния «внутреннего ребенка» как личностного ресурса является перспективным направлением. Результаты представленного в статье теоретико-эмпирического исследования подтвердили предположение о связи позитивно окрашенных ментальных репрезентаций «внутреннего ребенка» и выраженностью «естественного внутреннего ребенка» с психологическим благополучием личности. В современном мире гуманистически ориентированная психотехническая работа по поддержке и развитию позитивного восприятия своего «внутреннего ребенка» представляется необходимой и значимой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берн, Э. Игры, в которые играют люди / Э. Берн. – М. : Эксмо, 2013. – 352 с.
2. Джеймс, М. Рожденные выигрывать. Трансактный анализ с гештальт-упражнениями / М. Джеймс, Д. Джонгвард. – М. : Прогресс, 1993. – 336 с.
3. Зинкевич-Евстигнеева, Т. Д. Концепция Внутреннего ребёнка в комплексной сказкотерапии [Электронный ресурс]/ Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева // Международный союз комплексных сказкотерапевтов. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://cka3ka-union.com/publikaczii.html> (дата обращения : 07.04.2020).
4. Иванова, Т. Ю. Современные проблемы изучения личностных ресурсов в профессиональной деятельности [Электронный

- ресурс] / Т. Ю. Иванова, Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин и др. // Организационная психология. – 2018. – №1. – С. 85–111.
5. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов (фрагменты) [Электронный ресурс] / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина// МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2014. – №4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kratkiy-slovar-kognitivnyh-terminov-fragmenty> (дата обращения: 30.04.2020).
 6. Лепешинский, Н. Н. Адаптация опросника «Шкалы психологического благополучия К. Рифф» / Н. Н. Лепешинский// Психологический журнал. – 2007.– № 3. – С. 24– 37.
 7. Петровский, В. А. Реализация мечты [Электронный ресурс] / В. А. Петровский // Персональный сайт. Транзакционный анализ. — Режим доступа: <http://petrowskiy.ru/publish/tranzakt.html> (дата обращения 11.01.2019 г.).
 8. Селигман, М. Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни / М. Селигман. – М. : София, 2006. – 368 с.
 9. Чуприкова, Н. И. Психология умственного развития: принцип дифференциации / Н. И. Чуприкова. – М. : Столетие, 1997. – 480 с.
 10. Юнг, К. Г. Божественный ребенок: воспитание / К. Г. Юнг. – М. : О. АСТ-ЛТД, 1997. – 400 с.
 11. Юнг, К. Г. О становлении личности. Доклад, прочитанный в Культурном союзе (Вена, 1932 г.) пер. Т.А. Ребеко / К. Г. Юнг // Конфликты детской души. – М.: Канон, 1997. – 470 с.
 12. Dusey J.: How much better are your patients; TAB 4:13. 1965.
 13. Satisfaction with Life Scale, или SWLS. Diener, Emmons, Larsen, &Griffin, 1985.

АННОТАЦИЯ

**Агуреева Елена Юрьевна, Втюрина Татьяна Анатольевна,
Низовских Нина Аркадьевна. Металльные репрезентации
«внутреннего ребёнка» как личностный ресурс человека**

Статья посвящена изучению ментальных репрезентаций эго-состояния «внутреннего ребенка» как личностного ресурса. Представлены результаты теоретико-эмпирического исследования, которое подтвердило предположение о связи позитивно окрашенных ментальных репрезентаций «внутреннего ребенка» и выраженностью «естественного внутреннего ребенка» с психологическим благополучием личности. В современном мире гуманистически ориентированная психотехническая работа по поддержке и развитию позитивного восприятия своего «внутреннего ребенка» представляется необходимой и значимой.

Ключевые слова: личностный ресурс, «внутренний ребенок», психологическое благополучие личности, «естественный ребенок».

SUMMARY

Agureeva E.Yu., Vtyurina T.A., Nizovskikh N.A. Metal representations of the “inner child” as a personal resource

The article is devoted to studying mental representations of the ego state of the «inner child» as a personal resource. We have presented the results of a theoretical and empirical study, which confirmed the assumption about the connection of positively colored mental representations of the «inner child» and the expression of the «natural inner child» with the psychological well-being of the individual. In the modern world, humanistically oriented psycho-technical work to support and develop a positive perception of one's «inner child» seems necessary and significant.

Key words: personal resource, «inner child», psychological well-being of the individual, «natural child».

*Антасова Александр Михайловна
г. Горловка, ДНР*

УДК 159.9

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ СОЗНАНИЯ МОЛОДЁЖИ XXI ВЕКА

Наш мир стремительно меняется, появляется все больше различных технологий, и человеку приходится приспосабливаться к новым реалиям жизни. Сознание, отражая бытие и пространство, также претерпевает изменения.

Сознание изучалось многими отечественными и зарубежными учеными. Так, в психологии сознание определяется часто как высшая ступень развития психики; свойственная человеку форма обобщенного отражения объективных устойчивых свойств и закономерностей окружающего мира, формирования у человека внутренней модели внешнего мира, в результате чего достигается познание и преобразование окружающей действительности [4].

В данной статье анализируется влияние процесса социализации на сознание молодых людей в условиях цифровизации. Безусловно, интернет и цифровизация делают жизнь человека проще во многих аспектах, однако нельзя не заметить и негативного влияния. Под цифровизацией в широком смысле понимается современный общемировой тренд развития экономики и общества, который основан на преобразовании информации в цифровую форму и приводит к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни.

Сознание возникает как отраженное и осмысленное бытие, воспроизведение определенного образа жизни человека и общества. В силу этого ни одно явление сознания невозможно объяснить вне учета реального контекста жизни человека, который всегда включен в определенную систему социально-исторических отношений, все индивидуальные, социальные, классовые и общечеловеческие проблемы, которые ставит перед человеком жизнь, своим теоретическим основанием имеют понимание природы сознания личности как духовного явления, детерминированного общественно-историческими факторами [5]. Проблема развития сознания актуальна и в наше время, поскольку мы переживаем изменения в разных областях жизни человека. Одной из ключевых сфер жизни человека является профессиональная деятельность. Проблема заключается в том, что в наше время возникает большое количество новых, ранее не существовавших видов деятельности человека, которые требуют развития в когнитивной и социальной сферах. Скорее всего в будущем человек просто не сможет конкурировать с программы в некоторых видах деятельности, однако сейчас человек, изменяя свое восприятие, «соперничает» с вычислительными машинами.

На благо ли человеку такая конкуренция? Развитие интернет – профессий требует усовершенствования определенных навыков и качеств. Однако система образования не способна так быстро перестроиться, и дать требуемые обществом знания и навыки. Одним из таких качеств является быстрая переключаемость между разными типами информации. Переключаемость между большими объемами информации порождает «клиповое сознание», которое может воспринимать информацию кусками, но неспособно к длительному исследованию материала и погружению в суть текста. Педагоги мыслят терминами понятийного мышления, вдаваясь в детали, от одного предложения к другому разворачивается нужная мысль. Молодежь же мыслит образами и стремится все упаковать в образ, без лишних объяснений и подробностей. Слово «clipping» (с английского языка, как вырезка или газетная вырезка), дает понимание, что сознание как бы сформировано из небольших по объему кусков информации. Досуг зачастую также связан с моментальным переключением внимания с одного смысла на другой, видео или текст вливается в поток сознания и сразу же исчезает, освобождая место другому по содержанию эпизоду.

Мы можем наблюдать, что молодые люди, у которых есть тенденция к «клиповому сознанию», испытывают скуку или раздражение, если приходится «вникать» в информацию, вдумываться и размышлять над объектом дольше, чем они привыкли.

Глядя на ситуацию со стороны, вспоминаются строки из книги Брэдли: «Сокращайте, ужимайте! Пересказ Пересказа!

Экстракт. Из Пересказа Пересказов! Политика? Одна Колонка, Две Фразы, Заголовок! И через минуту все уже испарилось из памяти. Крутите человеческий разум в бешеном вихре, быстрее, быстрее! – руками издателей, предпринимателей, радиовещателей, так, чтобы центробежная сила вышвырнула вон все лишние, ненужные, бесполезные мысли!» [7]. «В отличие от знака, клип не отсылает нас к другим частям. Клип как бы погружен сам в себя. Клип избавляет сознание от необходимости обобщать. В нем и общее предстоит осязательно. Посредством клипа сознание пытается проникнуть за пределы языка для осязательного прикосновения к миру. При этом сознание фрагментируется, ибо оно попадает в зеркальную комнату, в которой видит только свое отражение» [1].

Таким образом, тенденция такова, что молодые люди и подрастающее поколение способно быстро ориентироваться в больших объемах данных, но постепенно им становится все сложнее сфокусироваться на одном предмете и погрузиться в более серьезное исследование. Мышление также неразрывно связано с языком, речь представляет собой материальное выражение сознания. Общаясь через краткие сообщения в сети Интернет, речь многих молодых людей становится сленговой в реальной жизни. Многие слова сокращаются до неузнаваемости, становятся убогими, что отражается негативно в последующем на способности составлять красивые и емкие предложения.

Таким образом, языковая ситуация характеризуется «стремлением» к упрощению и сокращению: слов, предложений, смысла. Цифровизация в образовательных учреждениях также приводит к тому, что люди больше печатают и меньше пишут. Если письмо от руки влияет на состояние и развитие теменных и лобных отделов коры головного мозга, то отсутствие письма естественно может негативно сказаться на этих структурах. Сухомлинский об этом говорил так: Истоки способностей и дарований детей находятся на кончиках пальцев». Учеными давно доказана связь развития кончиков пальцев с развитием мозга. Следовательно, уже сейчас многие студенты переходят от рукописных текстов к печатным. К сожалению, внедрение компьютеров и планшетов в школах в будущем приведет нас к негативным результатам [6].

Сознание молодёжи находится порой в критической ситуации, поскольку после окончания школы или университета многие молодые люди не находят своего места в жизни. Из-за молниеносного развития новых видов труда и ухода старых профессий, мы наблюдаем кризис личности, когда молодой человек имеет желание действовать, но не всегда имеет инструменты для этого. Психика порой не способна адаптироваться к быстрому темпу изменений в мире. Определённая часть молодых людей впадает в состояние апатии и депрессии. Если

раньше люди имели возможность овладевать знаниями постепенно, то сейчас темпы развития ускорились в несколько раз.

С другой стороны, еще никогда ранее нас не окружало столько различной рекламы и шаблонов успешной жизни, как сейчас. Люди находятся под постоянным давлением массмедиа, не всегда осознавая свои реальные потребности и желания. Чаще мы видим, как, следуя навязанным стандартам успеха, многие не находят себя в нем. Поскольку навязанные стандарты являются массовыми и «забирают» у нас уникальность. Неоднократно говорилось о том, что современные люди осознают себя больше как потребляющие, а не творящие индивидуумы. Ученый В.А. Кутырёв пишет о том, что в наших реалиях трансгуманизма работает «телесное» сознание, заменяя собою «сознание духовное».

Информационная среда становится для многих подростков и молодежи местом выражения своих взглядов и предпочтений, однако она же нередко и диктует ценности, которые не схожи с ценностями других поколений.

Также можно отметить, что если ранее социальная жизнь и жизнь виртуальная разграничивались, то в современных реалиях они все чаще сливаются воедино. Ранее чтобы что-то приобрести, приходилось идти в магазин, сейчас же люди все чаще продают и покупают товары через интернет. Общение со сверстниками также плавно перемещается в интернет-пространство, что дает некий отпечаток технологичности коммуникативным способностям человека. Как уже отмечалось, информационная среда приобретает для человека характер второй, субъективной реальности. Ту ее часть, которая содержит информацию, неадекватно отражающую окружающий мир, и те ее характеристики и процессы, которые затрудняют или препятствуют адекватности восприятия и понимания человеком окружающего и самого себя, можно условно обозначить как «иллюзорная реальность». Несмотря на свою иллюзорность, и даже в силу своей иллюзорности, но в форме кажущейся реальности, она является основным внешним источником угроз информационно-психологической безопасности личности [2].

Еще одно негативное влияние интернета связано с изменением ценностных структур личности подростка. Так, популярность в интернете любой ценой, даже ценой своей собственной жизни, часто приводит к плачевным результатам. Восемнадцатилетние юноши и девушки идут буквально на все ради одобрения в сети Интернет. Ценность славы, с ее положительными характеристиками, такими как слава за достижения в учебе или защиту родины, трансформируется в «славу любой ценой», когда личность совершает поступок ради ошеломительности, ради «гнусной» популярности. Популярность со времен создания человеческого общества была важна как гарант, что

человека примут в общество. Но в данном случае происходит искажение популярности. Ведь совершая противоправные или опасные поступки, личность становится еще более оторванной от массового сознания с представлениями о добре и зле.

Подводя итоги, можно сказать, что нам следует осторожно относиться к введениям в жизнь большого количества технологий, поскольку мы еще не вполне понимаем, какой вред эти введения могут нанести человеческому сознанию и мышлению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиренок, Ф. И. Клиповое мышление / Ф. И. Гиренок. – Текст: электронный // Литературная газета : сайт. – URL: <https://lgz.ru/article/-49-6490-10-12-2014/klipovoe-myshlenie/> (дата обращения: 05.10.2021).
2. Грачев, Г. В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты / Г. В. Грачев. – Текст: электронный – URL:<http://licman.narod.ru/books/psychology/01/gratchov.htm> (дата обращения: 21.10.21)
3. Морылева, Э. А. Функциональное значение социально-профессиональной мобильности в подготовке педагога в вузе/ Э. А. Морылева. – Текст: электронный // Педагогическая библиотека: сайт. – URL: <http://www.tgpi.tob.ru/info/nauka/conf/old/cond%20>. – (дата обращения: 21.10.21).
4. Столяренко, Л. Д. Основы психологии / Л. Д. Столяренко. – Текст: электронный // Онлайн-библиотека: сайт. – URL: http://univer.nuczu.edu.ua/tmp_metod/883/Stolyarenko.pdf (дата обращения: 07.10.2021).
5. Спиркин, А. Г. Сознание и самосознание / А. Г. Спиркин. – Текст: электронный // Онлайн-библиотека: сайт. – URL: <https://studfile.net/preview/2782314/>
6. Сухомлинский, В. А. Сердце отдаю детям / В. А. Сухомлинский. – Текст: электронный // Педагогическая библиотека: сайт. – URL: http://pedlib.ru/Books/1/0214/1_0214-76.shtml (дата обращения: 09.11.2021).
7. Брэдбери, Р. 451 градус по Фаренгейту / Р. Брэдбери. – Текст: электронный // Педагогическая библиотека: сайт. – URL: <https://www.livelib.ru/quote/331741-451-gradus-po-farengejtu-rej-bredberi> (дата обращения: 09.11.2021).

АННОТАЦИЯ

Аптасова Александра Михайловна. Проблема развития сознания молодёжи XXI века

В статье анализируется проблема сознания молодежи в век цифровизации и развития информационных технологий, влияние интернета на сознание и мышление.

Ключевые слова: сознание, молодежь, цифровизация, клиповое мышление, профессиональная деятельность, понятийное мышление, ценности.

SUMMARY

Aptasova A.M. The problem of developing the consciousness of the youth in the 21st century

The article reveals the essence of the phenomenon of human consciousness in the age of digitalization and the development of information technologies, as well as the influence of the Internet on consciousness and thinking.

Key words: consciousness, youth, digitalization, clip thinking, professional activity, conceptual thinking, values.

*Бараболя Елена Викторовна
г. Горловка, ДНР*

УДК 159.9

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ ЛИЧНОСТИ ОПТИМИСТОВ И ПЕССИМИСТОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

Ритм жизни в современном обществе по праву можно охарактеризовать как стрессовый, иногда даже экстремальный и критический. Это связано со многими факторами, включая текущие социально-экономические изменения, политическую ситуацию, экологическое состояние окружающей среды и возрастающую информационную нагрузку, которой все люди неосознанно подвергаются, военные конфликты, пандемии и пр. Все это влияет на психическое здоровье человека, его эмоциональное благополучие.

При описании экстремальной ситуации большинство исследователей определяют ее как понятие, посредством которого дается интегративная характеристика радикально или внезапно изменившейся обстановки, связанных с этим особо неблагоприятных или угрожающих факторов для жизнедеятельности человека, а также высокой проблемностью, напряженностью и риском в реализации целесообразной деятельности в данных условиях.

Экстремальной называется ситуация, выходящая за пределы обыденного, «нормального» человеческого опыта. Степень экстремальности ситуаций определяется факторами, к которым люди еще не адаптированы и не готовы действовать в подобных условиях; её определяют непривычностью, новизной, продолжительностью и силой проявления данных факторов.

Экстремальность ситуаций обусловлена не только реальной, объективно существующей угрозой жизни для человека или его значимых близких, но и отношением людей к происходящему. Так как восприятие одной и той же ситуации каждым конкретным человеком является индивидуальным, критерий «экстремальности» пребывает, скорее, во внутреннем, психологическом личностном плане [2, с. 47].

Экстремальные ситуации подразумевают наличие угрозы потери здоровья или жизни людей, поэтому нарушают в значительной степени базовое чувство безопасности людей, веры в то, что их жизнь организована соответственно с определенным порядком и они могут её контролировать. Чрезвычайные ситуации способны приводить к развитию различных болезненных состояний: посттравматического и травматического стресса, а также иных психических и невротических расстройств.

Степень влияния того или иного фактора экстремальной ситуации на поведение данного конкретного человека обусловлена не столько силой разрушительного воздействия неблагоприятных факторов и не слабостью адаптационных, биологических и физиологических систем его организма, а прежде всего определяется зрелостью его личности, направленностью на активные действия по преодолению экстремальной ситуации. В основе поведения и реакций организма человека в этих ситуациях лежит работа личности по совладанию со своими переживаниями в условиях катастрофичности ситуации и сохранение возможности действий по преодолению их, в условиях, когда нет времени на сомнения, неуверенность, оценку своих действий и ресурсов.

При преодолении экстремальных воздействий многое зависит от психологической готовности личности к совладанию. Когда человек на протяжении жизни ставит перед собой самостоятельно трудные задачи, уверен в их разрешении и для их преодоления умеет мобилизовать индивидуальные силы, в кризисные моменты жизни он способен мобилизовать личностные ресурсы. По этой причине важную роль играют такие специфические стратегии, как «предвосхищающая печаль» и «антиципирующее совладание», помогающие людям, обладающим опытом неудач в прошлом, подготовиться к всевозможным трудностям в будущем. Подобная стратегия способствует психологической подготовке к бедствиям и заблаговременному обозначению методов предупреждения несчастий.

Существуют в психологической науке и определённые способы приспособления к экстремальным ситуациям: эксплуатация техник совладания с эмоциональными нарушениями, вызванными неустраняемыми отрицательными событиями (подавление, отчуждение, уход и т.п.); положительное толкование ситуации,

позволяющее успешнее переживать экстремальное событие; придание ситуации нейтрального смысла (изменение отношения к ситуации).

Жизнестойкость как внутриличностный ресурс имеет большое практическое значение, так как устойчивость защищает человека от дезинтеграции и психических расстройств; обеспечивает крепкое здоровье, высокую работоспособность, создает основу для внутренней гармонии. Дезинтеграция личности, в свою очередь, означает потерю организационной роли высшего уровня психики в регуляции поведения и деятельности, распад структуры иерархии потребностей и смыслов, целей и мотивов [4, с. 6].

Термин «жизнестойкость» был введен Сальваторе Мадди и Сьюзан Кобейс и находится на стыке теоретических взглядов экзистенциальной психологии, прикладной области психологии стресса и совладания с ним [3, с. 3].

Отечественные исследователи рассматривают жизнестойкость с разных позиций:

- как неотъемлемый признак противостояния негативным воздействиям окружающей среды, преодоления жизненных трудностей, трансформации их в ситуации развития субъекта;
- как личное состояние субъекта, влияющее, развивающее и обогащающее все области его психики;
- как интегральную способность личности в рамках теории активности и способностей [3, с. 3].

Основываясь на этом, жизнестойкость как система убеждений способствует готовности субъекта участвовать, контролировать, справляться с экстремальными ситуациями, воспринимать негативные события как опыт и успешно справляться с ними.

Основываясь на междисциплинарном подходе к этому явлению, Д.А. Леонтьев считает, что жизнестойкость – это мера способности человека противостоять стрессовой ситуации, сохраняя при этом внутреннее равновесие и не снижая успешности деятельности, что свидетельствует о связи с поведением человека в экстремальных или стрессовых ситуациях. Это черта, характеризующаяся степенью преодоления самой личности; это «система представлений о себе, о мире, об отношениях с миром» (Д. А. Леонтьев и Е. И. Рассказова) [4, с. 8, 10].

Согласно С. Мэдди, термин «жизнестойкость» обозначает психологическую выживаемость и повышенную работоспособность человека, а также служит индикатором его психического здоровья и благополучия. Термин «hardiness» (англ. выносливость, крепость) или жизнестойкость применяется, в основном, в проблеме преодоления стресса. Жизнестойкость описывает аттитюды, преобразовывающие индивидом стрессогенные жизненные обстоятельства. Готовность

личности меняться, а также способность использовать доступные внутренние ресурсы для эффективного управления ими определяют, насколько хорошо человек может справляться с трудными жизненными ситуациями и изменениями, которым он подвергается ежедневно.

Жизнестойкость состоит из трех совершенно разных аспектов:

1. Включенность – важная характеристика по отношению к «Я» и окружающей действительности со спецификой взаимодействия между ними, которая предлагает потенциал и мотивирует человека к самореализации, лидерству, здоровому образу жизни, мыслям и соответствующему поведению. Она способна придавать чувство собственного достоинства и самоуважения, которое позволяет в полной мере участвовать в решении жизненных проблем, несмотря на наличие стрессоров. Этот компонент предполагает интернальность индивида (с позиции локус контроля), а также принятие безусловных обязательств, которые приводят к самоидентификации с намерением совершить действие и результат.

2. Контроль выступает как способ побудить человека искать способы воздействия на факторы стрессогенных изменений, а не погружаться в состояние беспомощности и пассивности. Когда человек становится «субъектом контроля», он действует, чувствует способность преодолевать обстоятельства и справляться с трудными жизненными ситуациями. Такие люди при когнитивной оценке трагических событий уменьшают их психотравмирующий эффект. Субъект уверен, что практически любую сложную жизненную ситуацию можно трансформировать так, чтобы она соответствовала его жизненным планам и оказалась ему чем-то полезна.

3. Принятие риска. Вызов помогает людям оставаться открытыми для окружающей среды и общества. Он заключается в том, что человек воспринимает жизненное событие как вызов и испытание для себя. Опасность воспринимается как сложная задача, знаменующая следующий виток изменчивой жизни и стимулирующая человека к непрерывному личностному росту. Каждое событие воспринимается как стимул к саморазвитию.

Способы индивидуального реагирования на ярко выраженные стрессовые показатели:

- при повышенном уровне контроля усиливается степень старания влиять на происходящее и не страдать от беспомощности;
- при повышенном уровне включенности возрастает потребность во взаимодействии с другими людьми;
- при достаточно высоком уровне вызова возрастает потребность учиться на личном опыте (положительном и отрицательном), не ожидая легкой и комфортной жизни. Чем выше развит показатель жизнестойкости, тем больше вероятность того,

что человек адекватно воспримет трудности реальности, а не будет избегать или отрицать их. Жизнестойкость связана не столько с оптимизмом, сколько с реализмом; это особый паттерн навыков и установок, позволяющих преобразовать изменения в возможности. Жизненно важные навыки – это комплекс поведенческих установок, обеспечивающих способность к социализации и адекватному поведению, максимальную продуктивность взаимодействия человека с референтным кругом и успешность совладания с требованиями и изменениями повседневной жизни [4, с. 5].

Д. Кутейль, при всем обилии теорий, объясняющих секреты жизнестойкости, утверждает в своей статье [5, с. 37], что существует три основных характеристики, которые отличают людей, способных быстро адаптироваться, от остальных:

1. Способность видеть и принимать реальность такой, какая она есть. Широко распространено мнение, что жизнестойкость основана на оптимистическом мировоззрении. Это правильно, но только при условии, что такой оптимизм не приведет к искаженному восприятию действительности. Смотреть через розовые очки в экстремальной ситуации – настоящая катастрофа. Для жизнестойких людей характерно очень трезвое и прагматичное отношение к тем аспектам реальности, от которых зависит выживание. Это не значит, что оптимизм никогда не бывает хорош, однако в более сложных ситуациях гораздо важнее сохранять хладнокровие, граничащее с пессимистическим взглядом на вещи.

2. Умение находить смысл в различных аспектах жизни. Способность видеть реальность такой, какая она есть, тесно связана со вторым по важности компонентом устойчивости – способностью находить смысл в происходящем даже в самые трудные времена. Такие люди считают себя жертвами и не учатся на собственном опыте. В то же время люди с высокой жизнестойкостью находят в своих страданиях конструктивный элемент и наполняют, тем самым, содержанием свою жизнь и жизнь окружающих.

3. Способность импровизировать, то есть, решать проблемы с использованием того, что есть в наличии.

В результате наличие одной или двух из этих черт поможет оправиться от определенных жизненных неудач, но для действительно высокой жизнеспособности необходимы все три черты.

Выбор жизнестойкого стиля совладания увеличивает активность, укрепляет позитивное восприятие мира, пробуждает открытость, интернальный локус контроля, ориентирует людей на получение опыта из экстремальной ситуации, независимо от ее сложности.

С одной стороны, жизнестойкие убеждения влияют на оценку ситуации благодаря готовности действовать активно и верить в

способность влиять на ситуацию, поэтому она воспринимается как менее травматичная. С другой стороны, жизнестойкость способствует активному преодолению трудностей и стимулирует заботу о собственном здоровье и благополучии, за счет чего стресс и напряжение человека не становятся хроническими и не приводят к психосоматическим заболеваниям.

Жизнестойкий стиль совладания как совокупность установок на вовлеченность, контроль и вызов (готовность идти на риск), развитые человеческие навыки быстрой оценки требований ситуации и собственных способностей на основе восприимчивости, умения подбирать нормативные стратегии из возможного репертуара, опробование стратегий и их изменение при необходимости, регулирование и упорядочение, отказ от неэффективных стратегий и выбор новых – все это способствует трансформационному совладанию с экстремальными ситуациями.

В своей работе С. Мэдди рассматривает ряд психологических переменных, которые в некотором отношении похожи на жизнестойкость, но которые необходимо от нее отличать (в том числе и оптимизм).

В современной психологии доминируют два подхода к пониманию оптимизма – К. Карвера, М. Шейера и М. Селигмана. Как и жизнестойкость, оптимизм дает человеку уверенность в себе и чувство опоры. С другой стороны, эффективное совладание со стрессовыми обстоятельствами предполагает их адекватную оценку, с чем выраженный оптимизм может рассогласовываться.

Результаты многих исследований оптимизма и пессимизма, в частности – таких учёных как А. Г. Асмолов, Д. А. Леонтьев, А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Ясперс, позволяют сделать вывод о том, что оптимизм – это личностный фактор, способствующий активному поведению совладания: он положительно коррелирует с проблемно-ориентированными копинг-стратегиями, поиском социальной поддержки и положительной переоценкой стрессовых ситуаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова Л. А. О составляющих жизнестойкости личности как основе ее психологической безопасности в современном мире / Л. А. Александрова // Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета. – 2005. – Т. 51. – № 7. – С. 83-84.
2. Васильева, О. С. Толерантность к экстремальным ситуациям (программа социально-психологического тренинга) / О. С. Васильева, Л. Р. Правдина. – Ростов-на-Дону. : Изд-во РГУ, 2002. – 47 с.
3. Ватой, Ж. Теория религии. Литература и зло / пер. с фр. Ж. Гайковой, Г. Михалковича / Ж. Ватой. – Минск: Современный литератор, 2000. – 151 с.

4. Леонтьев, Д. А. Тест жизнестойкости / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. – М. : Смысл, 2006. – 63 с.
5. Мосс, М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах / М. Мосс// Общества. Обмен. Личность. – М. : Восточная литература, 1996. – 22 с.

АННОТАЦИЯ

Бараболя Елена Викторовна. Жизнестойкость личности оптимистов и пессимистов, проживающих в экстремальной ситуации

В статье анализируется проблема жизнестойкости личности оптимистов и пессимистов, проживающих в экстремальной ситуации, как одного из наиболее эффективных способов приспособления к экстремальным ситуациям и совладания с ними.

Ключевые слова: жизнестойкость, копинг, совладание, оптимизм, пессимизм, экстремальная ситуация.

SUMMARY

Barabolya E.V. The resilience of the personality of optimists and pessimists living in an extreme situation

The article analyzes the problem of the resilience of the personality of optimists and pessimists living in an extreme situation as one of the most effective ways of adapting to extreme situations and overcoming them.

Key words: resilience, hardiness, coping, coping, optimism, pessimism, extreme situation.

Бельтюкова Оксана Витальевна

г. Киров, РФ,

Мальцева Ирина Вазиховна

г. Киров, РФ

УДК 159.923

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОНТОГЕНЕТИЧЕСКОЙ ГИМНАСТИКИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ОСОЗНАННОСТИ У СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

Введение. В настоящее время, в связи с напряженной эпидемиологической обстановкой в мире, врачам приходится работать в ситуациях высокого психоэмоционального напряжения. В связи с этим становится актуальным исследование и выявление психологических ресурсов личности, способствующих сохранению психического здоровья будущих врачей.

Одним из таких психологических ресурсов является осознанность (mindfulness) как «сложносоставная характеристика организации психической деятельности, базирующаяся на контроле внимания

и ограничении мыслительного и эмоционального автоматизма и характеризующаяся увеличением осведомленности о текущих психических и физиологических процессах» [8, с. 267]. Под осознанностью понимается способность личности произвольно сосредоточивать внимание на текущих событиях и ощущениях, произвольно переключать внимание с одних аспектов на другие, ощущая при этом подконтрольность процесса сосредоточения и управляемость им [4, с.19].

В современной российской науке существуют корреляционные исследования связи осознанности и психологического благополучия, системной рефлексии, эмоционального интеллекта, что подтверждает влияние уровня осознанности на психическое здоровье, стрессоустойчивость, эмоциональную саморегуляцию, когнитивную и психологическую гибкость личности [2, 4, 6].

В научной литературе английский термин *mindfulness* (осознанность) используется в трех смыслах:

- 1) осознанность как практика (медитация осознанности);
- 2) осознанность как состояние (состояние внимательного, осознанного присутствия или осознанности);
- 3) осознанность как черта когнитивно-личностного стиля (характеристика личности, которая культивируется практикой медитации или осознанности).

Таким образом в современной психологии осознанность изучается с разных позиций: ученые ищут и исследуют ее нейрофизиологические корреляты, исследуется эффективность практических программ на основе осознанности в практике психологической помощи, а также активно изучается осознанность как устойчивый психический феномен и психологический конструкт, имеющий свою внутреннюю структуру и способы измерения.

В последнем случае осознанность определяется как диспозиционная черта личности (ее стабильная характеристика) или черта когнитивно-личностного стиля, представляющая собой способность к направленному сосредоточению внимания на событиях и явлениях, которые происходят в данный момент времени, принимающим и неосуждающим способом.

Таким образом, развитие у студентов-медиков такого качества личности, как осознанность, позволит создать условия для формирования психологической готовности к профессиональной деятельности будущих врачей.

Цель исследования – изучить и проанализировать существующие практические методы и средства развития осознанности и подобрать наиболее подходящие практики для использования в тренинговой работе со студентами-медиками.

Автор одной из первых и наиболее известных программ по терапевтическому применению практик медитации Дж. Кабат-Зинн определяет практику медитации, связанную с «mindfulness», как «осознание через преднамеренное безоценочное внимание, применительно к настоящему моменту». Также часто используется «ежемоментное безоценочное осознание». Медитация осознанности – это практика, включающая осознание через преднамеренное безоценочное внимание, применительно к настоящему моменту [10].

Проанализировав научные исследования и изучив существующие программы развития осознанности, мы сделали заключение, что на данный момент существуют лишь когнитивные способы развития данного психологического конструкта. Это метод медитации, освобожденный от религиозного контекста, техники контроля дыхания, техники фокусировки на телесных ощущениях, техники «созерцания» мыслей и эмоций, где происходит когнитивная фокусировка внимания и мысленная работа с установками, принятием, безоценочностью. В качестве техник медитации в программе MBSR применяется «сканирование тела», в котором практикующий сосредотачивается на ощущениях в каждой части тела. Используются и стандартные техники внимательности к ощущениям дыхания, мыслям и умственным образам. Осознанность к телесным ощущениям может практиковаться также во время ходьбы, занятий йогой, приема пищи, становясь практикой осознанного движения [1, 3, 5, 9]. При этом в существующих психотерапевтических методиках развития осознанности в большей степени используется практика медитации, включающая статичные техники направленного внимания на телесные ощущения, а формальная медитация – динамическая практика, закрепляющая навык осознанности обычной жизни, представлена лишь ходьбой, йогой и приемом пищи. Однако, использование в практической работе медитативных практик и когнитивных упражнений в молодежных группах затруднено, так как чаще всего вызывает негативную реакцию, отторжение у студентов.

Взяв за основу работы известных исследователей в области движения тела, которые создали системы упражнений, используемые в настоящее время для улучшения подвижности тела, для реабилитации, и даже для снижения стресса, вызванного работой и социальным взаимодействием, для изменения качества жизни человека через работу с телом, через осознание себя (Джозеф Пилатес, Моше Фельденкрайз, Томас Ханна, Фредерик Матиас Александер и др.), мы выдвинули предположение, что двигательные и телесно-ориентированные упражнения могут быть направлены на повышение осознанности человеком своего тела и перенесении

этой осознанности и в повседневную деятельность. Подтверждение этому – методика осознания через движение Моше Фенделькрайза, которая является системой развития личности, ориентированной на работу с телом, и представляет собой динамическую практику осознанного движения [7].

Мы предлагаем использовать в программах по развитию осознанности, а в частности в тренинге осознанности у студентов-медиков, не только когнитивные статические упражнения, но и динамические практики.

Одной из таких практик, актуальной для будущих врачей, может стать комплекс онтогенетической гимнастики, состоящий из упражнений, включающих позы моторного онтогенеза и переходы между ними [5]. Такая гимнастика выполняется студентами в тихой, спокойной, комфортной обстановке, в партере на мягком напольном покрытии. Повторение каждого паттерна движения происходит медленно, с фокусировкой внимания на ощущениях в теле, чтобы нервная система дифференцировала движение, а выполняющий мог понять и прочувствовать состояние комфорта или дискомфорта, включенности каждой группы мышц и процессы, отвечающие за конкретную моторную позу. Данный гимнастический комплекс целесообразно проводить в небольших группах до 20 человек, в форме тренинговой работы, с озвучиванием преподавателем каждой позы и последующим обсуждением в группе телесных ощущений участников. В процессе выполнения онтогенетической гимнастики участники повторяют простые моторные позы, которые последовательно проходит ребенок в своем моторном развитии на первом году своей жизни. Особенностью данной двигательной практики является включения состояния «ум новичка», когда каждый двигательный акт выполняется с максимальным присутствием и телесным вниманием. Выполняя онтогенетическую гимнастику, будущие врачи включают в процесс интроспекции и через интериоризацию личного телесного опыта могут не только развивать навык осознанности, но и формировать профессиональные компетенции в области моторного онтогенеза.

Выводы. Таким образом, анализ научных исследований выявил, что современные отечественные психологи рассматривают осознанность как сложносоставную характеристику организации психической деятельности, базирующуюся на контроле внимания и ограничении мыслительного и эмоционального автоматизма характеризующуюся увеличением осведомленности о текущих психических и физиологических процессах и видят обоснование этого феномена в контексте изучения вопросов самоорганизации и саморегуляции личности, относя его к классу метакогнитивных регуляторных способностей.

Сформированная осознанность как черта когнитивно-личностного стиля поможет студентам-медикам успешно справиться с освоением врачебной специальности и в дальнейшем на высоком уровне осуществлять профессиональную деятельность в силу того, что данная психологическая характеристика личности определяет более высокую эффективность совладения с негативными переживаниями и различными формами психологического стресса.

В ходе исследования были проанализированы существующие программы и практические методики развития осознанности и подобраны наиболее подходящие практики для использования в работе по развитию осознанности в группах студентов-медиков. Определено, что развивать осознанность как психологическую характеристику личности у студентов-медиков, целесообразно средствами телесно-ориентированного психологического тренинга, в котором будут использоваться не только статические медитативные практики и когнитивные упражнения, но и двигательная практика осознанного движения – онтогенетическая гимнастика. Это позволит студентам развивать навык осознанности, а также формировать профессиональные компетенции в области моторного онтогенеза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дьяков Д.Г. Метод Mindfulness как центральное направление «третьей волны» когнитивно-поведенческого подхода / Д.Г. Дьяков, А.И. Слонова. – Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2017. – № 11. – С. 160-163.
2. Матюшин В.В. Анализ взаимосвязи осознанности (mindfulness) и эмоционального интеллекта среди представителей различных профессий / В.В. Матюшин, А.С. Сорокина, И.В. Блиникова. – Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России. – Иваново. 2018. – Ч. I. – С. 142-148.
3. Пуговкина О.Д. Mindfulness-based cognitive therapy: когнитивная психотерапия, основанная на осознанности в лечении хронической депрессии. – Современная терапия психических расстройств. – 2014, № 2. – С. 26-31.
4. Пуговкина О.Д. Концепция mindfulness (осознанность): неспецифический фактор психологического благополучия / О.Д. Пуговкина, З.Н. Шильникова. – Современная зарубежная психология. – 2014. Т. 3. № 2. – С. 18-24.
5. Сидячева Н.В. Практики осознанности (Mindfulness) как предиктор психосоматического здоровья личности (Обзор зарубежного опыта) / Н.В. Сидячева, Л.Э. Зотова. – Образование личности. – 2020, № 1-2. – С. 98-106.

6. Тонких А.И. Взаимосвязь способности к осознанному присутствию (mindfulness) и личностной рефлексии / А.И. Тонких, В.Ю. Костенко. – Актуальные проблемы психологической науки. – Красноярск, 2019. – С. 225-227.
7. Фельденкрайз М. Осознавание через движение: двенадцать практических уроков / М. Фельденкрайз. – М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2011. – 224 с.
8. Юматова Н.М. Осознанность (Mindfulness): психологические характеристики и инструменты измерения / Н.М. Юматова, Н. В. Гришина. – Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. – 2013. – Т.1. №1. – С. 105-115.
9. Hayes S. C. Open, Aware, and Active: Contextual Approaches as an Emerging Trend in the Behavioral and Cognitive Therapies / S.C. Hayes, M. Villatte, M. Levin, M. Hildebrandt. – Annual Review of Clinical Psychology. – Vol. 7, Issue 1. – 2011. – P. 141–168.
10. Kabat-Zinn J. Mindfulness Meditation: What It Is, What It Isn't, And It's Role In Health Care and Medicine. Comparative and Psychological Study on Meditation / J. Kabat-Zinn, Y. Haruki, Y. Ishii, M. Suzuki. – Eburon, Netherlands, 1996. – P. 161-169.

АННОТАЦИЯ

Бельтюкова Оксана Витальевна, Мальцева Ирина Вазиховна. Возможности использования онтогенетической гимнастики для развития осознанности у студентов-медиков

Работа медицинских работников в современном мире требует стрессоустойчивости и хорошей саморегуляции. В связи с этим является актуальным развитие таких психологических черт личности будущих врачей, которые способствовали бы сохранению и поддержанию их психического здоровья. Одной из таких черт когнитивно-личностного стиля является осознанность (mindfulness), которая выступает мощным неспецифическим фактором психологического благополучия и связана со стрессоустойчивостью, эмоциональной саморегуляцией, когнитивной и психологической гибкостью личности, представляющая собой способность к направленному сосредоточению внимания на происходящих событиях и явлениях, которые происходят в данный момент времени, принимающим и неосуждающим способом. В существующих научных исследованиях представлены в большей степени когнитивные способы развития осознанности через медитацию, где тело человека статично и не включено в движение. В статье предложен вариант использования динамических практик на примере онтогенетической гимнастики как часть программы тренинга по развитию осознанности у студентов-медиков.

Ключевые слова: студенты-медики, осознанность, медитация, онтогенетическая гимнастика.

SUMMARY

Beltyukova O.V., Maltseva I.V. Possibilities of using the ontogenetic gymnastics for the development of awareness of medical students

The work of healthcare professionals in the modern world requires stress resistance and good self-regulation. In this regard, the development of such psychological personality traits of future doctors, which would contribute to the preservation and maintenance of their mental health, is urgent. One of these features of the cognitive-personal style is mindfulness, which acts as a significant non-specific factor of psychological well-being. Mindfulness is connected with stress resistance, emotional self-regulation, cognitive and psychological flexibility of the individual, which provides the ability to focus attention on ongoing events and phenomena which occur at a given moment in an accepting and non-judgmental way. The scientific research presents more cognitive ways of developing mindfulness through meditation, where the human body is static and motionless. The article proposes a variant of using dynamic practices on the example of ontogenetic gymnastics as part of an awareness training program among medical students.

Key words: medical students, mindfulness, meditation, ontogenetic gymnastics.

*Бердыханова Гульнара Нурлыбаевна
г. Нукус, Узбекистан*

ПСИХОЛОГИЯ КАК НАУКА. ЕЕ ЗНАЧИМОСТЬ В СИСТЕМЕ НАУК

Психология – одна из наук о человеке, человеческих сообществах, их жизни и деятельности. Она изучает закономерности, механизмы, условия, факторы и особенности развития и функционирования психики человека, влияние внутренних и внешних факторов на его психическое состояние.

Психология является одной из самых молодых наук. Условно ее научное становление связывают с 1879 годом, когда немецкий психолог В. Вундт в Лейпциге создал первую в мире Лабораторию экспериментальной психологии [1]. В практической плоскости психология является одной из древнейших, поскольку ее применяли еще в древности, когда наши предки готовились к охоте, войне и т.д. В каждом племени, фактически, были свои практические психологи – это заклинатели, шаманы, пророки, колдуны, ясновидящие и др. Однако, научная психология отличается от бытовой, народной и религиозной, так как использует более фундаментальный и разнообразный инструментарий для получения знания. Научные знания не имеют интуитивного характера, они более рациональны и осознанны.

В центре внимания психологии всегда остается человек – главное действующее лицо общественного и мирового прогресса. Поэтому психология развивается как человеческая теория и практика. Следует также заметить, что современная психология, как наука, имеет тесную связь с различными науками. Различают общую, возрастную, педагогическую, социальную, генетическую психологию, зоопсихологию, инженерную, военную, медицинскую, юридическую психологию, психологию труда, спортивную психологию, психологию искусства, патопсихологию. В связи с космическими полетами возникла специальная отрасль – космическая психология. Единство психологии с общественными, естественными и техническими науками вполне реально, однако, во всех отраслях психология сохраняет свой предмет исследования, теоретические принципы, пути изучения предмета [8].

Психология и естествознание. Становлению психологии как самостоятельной науки способствовал ее прочный союз с естествознанием, начало которому было положено во второй половине XIX века. Именно в это время внедряли в психологию экспериментальный метод (Г. Фехнер), особенно после выхода книги И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга», в которой было доказано, что психические явления также естественны, как все другие функции человеческого организма, они не могут быть беспричинными, а являются результатом рефлекторной деятельности нервной системы. Рефлекторная теория И. М. Сеченова, которая получила дальнейшее развитие в учении И. П. Павлова об условных рефлексах, а также в трудах А. А. Ухтомского, Н. А. Бернштейна, И. С. Бериташвили и др., стала естественнонаучной основой психологических знаний [6; 9].

Огромное влияние на разработку основных проблем современной психологии оказали эволюционные идеи известного естествоиспытателя Ч. Дарвина, которые изложены в книге «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь». Они позволили выяснить роль психики в процессе приспособления живых существ к изменчивым условиям среды, понять происхождение высших форм психической деятельности из низших, примитивных [4].

В изучении роли психики в поведении человека немалую роль сыграли исследования психологов-клиницистов В. М. Бехтерева, С. С. Корсакова, А. Р. Лурия и др., которые разработали основы медицинской психологии. Возникнув на стыке психологии и медицины, медицинская психология использует достижения психологической науки в диагностике и лечении болезней, в решении вопросов, связанных с восстановлением здоровья и профилактикой заболеваний [10]. То обстоятельство, что развитие

болезни, с одной стороны, зависит от психических факторов (апатия, тревожность, недоверие и т.д.), а с другой – само заболевание ведет к возникновению особых психических состояний, которые могут, например, снизить эффективность терапевтического воздействия, делает необходимым объединить усилия врача и психолога.

Основательное изучение психологии предполагает познание законов естествознания (общей биологии, физиологии, неврологии, эволюционного учения и т.д.). Ряд отраслей психологии, и прежде всего сравнительная психология, зоопсихология, этология, медицинская психология, патопсихология и некоторые другие, являются одновременно разделами естествознания и медицины.

Психология и научно-технический прогресс. Для XXI века характерно исключительное по своему масштабу развитие новых видов техники, средств связи, широкое использование электроники, автоматики, освоение новых видов транспорта, работающих на сверхзвуковых скоростях, и т.д. В современной промышленности, на транспорте, в военном деле все большее значение приобретает учет так называемого психологического фактора, то есть возможностей, заложенных в психических познавательных процессах, восприятии, памяти, мышлении, в особенностях характера, темперамента, скорости реакции и т.д. Инженерная психология, которая решает проблему «человек-машина» (вопросы взаимодействия человека и техники), как и психология труда в целом, теснейшим образом сталкивается со многими разделами техники [7].

На дальнейшее развитие психологии большое влияние оказывает компьютерная революция. Ряд функций, которые считали уникальным достоянием человеческого сознания – функции накопления и переработки информации, управления и контроля – стали выполнять электронные устройства. Для будущего человечества, для личности и ее психического состояния значение компьютерной революции огромно.

Психология и педагогика. Научно-технический прогресс как фактор развития психологической науки, в настоящее время вполне убедительно показал тесные взаимосвязи психологии с педагогикой. Выдающийся педагог К. Д. Ушинский [2] подчеркивал, что по своему значению для педагогики психология занимает первое место среди всех наук. Чтобы всесторонне воспитать человека, отмечал К. Д. Ушинский, ее надо всесторонне обучать.

Развитию взаимосвязи психологии и педагогики способствовала педагогическая дисциплина – педология, которая возникла на рубеже XIX-XX вв. и была обусловлена распространением эволюционных идей и развитием прикладных отраслей психологии и экспериментальной педагогики. Основатели педологии – С. Холл, Дж. М. Болдуин, Е. Киркпатрик, Е. Мейман и др. Содержание

педологии включает совокупность психологических, биологических и социологических подходов к развитию ребенка. К концу 20-х гг. в педологических учреждениях работали такие известные психологи и физиологи, как П. П. Блонский, Л. С. Выготский и др. В 30-х годах XX века педологию было объявлено лженаукой, что существенно затормозило развитие и психологии, и педагогики [3].

В наше время взаимосвязь психологии и педагогики приобретает особый характер. Задачи развития личности в условиях значительного ускорения научно-технического прогресса и уже достигнутые успехи в развитии конкретных психологических исследований позволяют по-новому понять возможности психологии и ее участие в учебном и воспитательном процессе школьников. Плодотворный характер взаимосвязи психологии и педагогики проявляется в том, что он является условием для опережения реальной педагогической практики, открывает новые пути поиска эффективных современных технологий обучения и воспитания. В то же время психология основывается на данных педагогики при изучении психологии формирования личности. Тесным является взаимосвязь психологии с литературой, языкознанием, историей, искусством, кибернетикой и другими науками [5].

Каждая из указанных отраслей психологических знаний имеет свой предмет и методы изучения своеобразия психической деятельности в зависимости от условий труда в той или иной сфере человеческой жизни и деятельности и от их требований к моральнопсихологическим качествам личности. Но все отрасли психологических знаний требуют знаний общей психологии, которая изучает методологические вопросы психологии, природу психологических явлений, закономерности развития и течения познавательных психологических процессов, индивидуальные особенности психики человека, его чувства и волю, темперамент, характер и способности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вундт, В. Проблемы психологии народов / В. Вундт. – М. : АСТ , 2014. – 144 с.
2. Днепро, Э. К. Д. Ушинский и современность / Э. Днепро. – Высшая школа экономики. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 232 с.
3. Исторический путь психологии: прошлое, настоящее, будущее. – М. : Институт психологии РАН – 1992. – 184 с.
4. Левчук, Л. Т. Психоанализ: история, теория, художественная практика: учебное пособие / Л. Т. Левчук. – К. : Вища шк., 2005. – 431 с.

5. Мясоед, П. А. Общая психология: учебное пособие / П. А. Мясоед. – К. : Вища шк., 2004. – 487 с.
6. Павлов, И. П. Об уме вообще, о русском уме в частности / И. П. павлов. – М. : АСТ, 2014. – 320 с.
7. Психология XXI века: учеб. для вузов / под ред. В. Н. Дружинина. – М. : ПЕРСЭ, 2003. – 863 с.
8. Психология: учебник / под ред. Ю. Л. Трофимова. – К. : Вища шк. – 2001. – 416 с.
9. Сеченов, И. М. Рефлексы головного мозга / И. М. Сеченов. – М. : АСТ, 2015. – 352 с.
10. Чудиновских, А. Г. В. М. Бехтерев. Жизнеописание / А. Г. Чудиновских. – Киров : ООО «Триада-С», 2000. – 256 с.

АННОТАЦИЯ

Бердиханова Г. Н. Психология как наука. Её значимость в системе наук

В статье раскрыто понятие психологии как науки. Обращено внимание на специфику психологии как отрасли естествознания. Представлен анализ исторических эпох в развитии психологии. Особое внимание уделяется ученым, внесшим значительный вклад в развитие психологии как науки.

Ключевые слова: психология, наука, естествознание, психолог-исследователь, клиницист.

SUMMARY

Berdikhanova G.N. Psychology as a science. Its significance in the system of sciences

The article reveals the concept of psychology as a science. Attention is drawn to the specifics of psychology as a branch of natural science. We have presented the analysis of historical epochs in the development of psychology. Special attention is paid to the scientists who have made a significant contribution to the development of psychology as a science.

Key words: psychology, science, natural science, research psychologist, clinician.

*Бойко Ольга Валерьевна
г. Горловка, ДНР*

УДК 159.9

КРИЗИС СЕРЕДИНЫ ЖИЗНИ: ХАРАКТЕР И СПОСОБЫ ПРОЖИВАНИЯ ЛИЧНОСТЬЮ

Кризис среднего возраста является центральным кризисом жизни человека. В этот период человек сталкивается с биологическими, психологическими и социокультурными признаками,

свидетельствующими о том, что уже прошла половина жизни, со сменой семейных ролей и профессионального статуса, с четким осознанием собственной смертности.

По разным данным, кризис среднего возраста приходится на возраст от 35 до 45 лет. Многие ученые продолжают изучать вопрос о нормативности кризиса среднего возраста. Как зарубежные, так и отечественные авторы отмечают, что этот кризис не является обязательным для всех людей. Середину жизни можно рассматривать и положительно, как время личностного роста, когда преодолены многие проблемы раннего взросления, имеется жизненный опыт, знания своих возможностей и недостатков.

Однако, остается важным изучение кризисных аспектов периода средней зрелости как необходимого перехода к полноценному функционированию во второй половине жизни.

Исследований этого кризиса в научной психологической литературе мало, а существующие не всегда проводятся в рамках возрастной психологии. Этим вопросом занимаются различные области психологии.

Существует три направления, в которых этот период изучается и описывается.

Во-первых, он рассматривается как нормативный кризис индивидуальной жизни (К. Юнг, Э. Эриксон, Д. Левинсон, В. Слободчиков, Б. Братусь и др.).

Во-вторых, в семейной психологии выделяют нормативный кризис семейной системы, совпадающий с кризисом середины жизни ее членов (Г. Крейг, А. Черников, И. Добряков).

И в-третьих, в психологии профессионального становления, описывается нормативный кризис профессиональной самореализации личности, приходящийся на середину жизни (Э. Зеер, Г. Крайг и др.).

Таким образом, середина жизни представляет собой сложный переход, затрагивающий все основные сферы жизни человека.

К. Юнг одним из первых обратил внимание на период середины жизни. Он считал, что в середине жизни человек должен перейти от стремления к завоеванию жизненного пространства к концентрации на своем «Я». Ученый отмечает, что как незрелого человека, у которого затянулось детство, пугает неизвестность в этом мире и в человеческом существовании, так и взрослого человека пугает вторая половина жизни. Словно его ждут опасные задания, или как будто ему грозят жертвы и потери, которые он не хочет принять, или словно жизнь казалась ему такой прекрасной и ценной, что он не может с ней расстаться. К. Юнг объясняет это состояние тем, что люди начинают цепляться за ориентиры и ценности первой половины своей жизни. Согласно взглядов ученого, человек

после 40 лет начинает чувствовать, что цели и стремления, которые когда-то казались вечными, вдруг утратили для него свое значение, поэтому довольно часто в этом возрасте человек впадает в депрессию, чувствует себя вялым, инертным и неполноценным. Это происходит даже с людьми, добившимися значительных успехов, поскольку, достижения, вознаграждаемые обществом, приобретаются ценой урезания личности. Сама психика побуждает человека обратиться внутрь себя и задуматься о смысле собственной жизни. Если для человека в первой половине жизни актуальна задача психологического созревания, то во второй половине жизни важно достичь целостности, интегрировать содержащиеся в ней противоположности, научиться сдерживать и управлять напряжением, порождаемым внутренним конфликтом через сильное Эго – процесс индивидуации согласнотеории, К. Юнга [3]. Человек должен найти свой собственный путь. Последователи К. Юнга и сегодня продолжают работать в этом направлении.

Существует множество подходов, отмечающих биографический аспект этого кризиса, акцентирующих внимание на сужении психологического будущего, приходящегося на период средней зрелости (И. Кон, А. Кроник, Р. Ахмеров и др.). Если в юности и ранней зрелости человек был ориентирован на будущее в настоящем, то к середине жизни настоящее постепенно становится самоцелью. Сужение временной перспективы способствует возникновению апатии, скуки, боязни новых начинаний, фрустрации смысла, который в предыдущие возрастные периоды черпался преимущественно из психологического будущего. Также, сужение временной перспективы и вместе с этим физические и физиологические изменения (ухудшение здоровья, появление признаков старения) способствуют осознанию старости и собственной смертности, что ставит вопросы о смысле жизни. Такой ученый, как В. Франкл, считал кризис среднего возраста экзистенциальным. Другие ученые также акцентируют внимание в своих работах на экзистенциально-ценностных аспектах кризиса [1, 2].

Таким образом, 40-летний рубеж отмечен значительными сдвигами как на психофизиологическом и интеллектуальном уровнях, так и на уровне духовном. Возрастает значение деятельности человека как личности и субъекта, а индивидуальные особенности все же находятся в подчиненном положении. Развиваются процессы самосознания и рефлексии, субъективные характеристики личности (поведенческие стратегии, локус контроля, особенности деятельности), а также работа, образование, самообразование и саморазвитие, образ жизни в целом, приобретают все большее значение для личности. Поэтому изменения на индивидуальном уровне могут

интерпретироваться, приниматься и использоваться взрослыми по-разному, хотя они и являются одним из факторов, запускающих кризисные переживания в 40 лет.

Среди эмоциональных процессов, сопровождающих кризис среднего возраста, выделяют: депрессивные переживания, достаточно стойкое снижение настроения, негативное восприятие текущей ситуации. Особое место в депрессивных переживаниях занимает тревога за свое будущее, которая часто скрывается за тревогой за детей или за общество в целом; преобладающим чувством становится усталость, усталость от всего: работы, семьи, детей; снижение интереса к жизни, апатия, потеря чувства удовольствия от жизни, скука; проявляется устремленность в прошлое, молодость кажется наполненной радостью и удовольствием; в отличие от скучного настоящего будущее кажется короче и менее насыщенным событиями, чем прошлое. Возникает субъективное восприятие полноты жизни, близости ее конца. Кризис проявляется как потеря ощущения нового, отставание от жизни, снижение уровня профессионализма, ощущение не отождествления с собой, в снижении самооценки. Возникает состояние депрессии, причины которой сразу не осознаются, а переживаются как истощение своих возможностей.

Таким образом, кризис среднего возраста как кризис индивидуальной жизни предполагает преодоление центрированности на себе, осмысление своего внутреннего «Я» и принятие его, реализацию собственных творческих способностей, осознание принадлежности миру. Учеными доказано, что примерно в возрасте 38–40 лет происходит переход к рефлексивному типу отношения к жизни, т. е. человек становится способным действовать с позиции «над» жизнью, воспринимать и оценивать жизнь в целом. При этом меняется структура субъективных качеств взрослого, которая становится более целостной, полной, что свидетельствует о доминировании роли определенной жизненной позиции, формировании постоянной и осмысленной линии поведения.

Не все люди одинаково переживают кризис среднего возраста. Человек может стремиться к самореализации и зрелости, переживая при этом негативные состояния. В других случаях человек может находиться в кризисе, но не ощущать кризисных переживаний. Отсутствие субъективного переживания кризиса возможно, как в варианте с деструктивным течением среднего периода жизни, так и в варианте с повышенной внутриличностной конфликтностью и сниженной смысловой направленностью.

Учеными доказано, что такие личностные характеристики, как выраженная осмысленность жизни, внутренний локус контроля,

позитивная временная перспектива, позитивное отношение к себе, высокая степень контактности, чувствительность, гибкость поведения, спонтанность, креативность, могут выступать внутренними ресурсами развития человека в период середины жизни.

Важно продолжать исследовать личностные особенности людей, проживающих кризис середины жизни. Это послужит основой для разработки эффективных стратегий консультативной работы, методов оказания психологической помощи людям в кризисные периоды их жизни, а также даст возможность психологам-консультантам эффективно подбирать адекватные формы психологической помощи взрослым, переживающим этот период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василюк, Ф. Е. Психология переживания : анализ преодоления критических ситуаций / Ф. Е. Василюк. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – 200 с.
2. Психология среднего возраста, старения, смерти / А. А. Реан. – СПб. : Прайм Евронек, 2003. – 384 с.
3. Юнг, К. Проблемы души нашего времени / К. Юнг. – М.: Прогресс, 1994. – 336 с.

АННОТАЦИЯ

Бойко Ольга Валерьевна. Кризис середины жизни: характер и способы проживания личностью

В статье анализируется проблема кризиса середины жизни. На основе анализа современной зарубежной и отечественной психологической литературы рассматриваются теоретические интерпретации феномена «кризиса среднего возраста, середины жизни».

Ключевые слова: кризис, взрослость, кризис среднего возраста, кризис середины жизни.

SUMMARY

Boiko O.V. Mid-life crisis: the nature and ways of living as a person

The article analyzes the problem of mid-life crisis. Based on the analysis of modern foreign and domestic psychological literature, we have considered theoretical interpretations of the phenomenon of midlife crisis, midlife.

Key words: crisis, adulthood, midlife crisis, midlife crisis.

Власенко Анастасия Игоревна

г. Пятигорск, РФ

Зверева Римма Геннадьевна

г. Пятигорск, РФ

УДК 159.9.018

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГА

Этнопсихологический аспект в жизнедеятельности общества XXI века продолжает оставаться одним из самых важных. Процессы глобализации в мире необратимо приводят к трансформациям в обществе: сближению ценностей и жизненных образов, возникновению поликультурной среды, однако остаются актуальными поиск личностных смыслов, собственной этноидентичности, обращение к традициям и обычаям и т.д. Нестабильная экономическая и политическая обстановка, отягощенная сложной эпидемиологической обстановкой усиливает процессы миграции, приводит к росту межкультурной напряженности, конфликтных ситуаций, в том числе и на этнической основе. В обществе формируются этнопсихологические проблемы как внутри личности, так и на уровне взаимодействия индивидов. И часто с такими проблемами сталкиваются психологи в ходе профессиональной деятельности, особенно в нашей многоконфессиональной, полиэтнической стране.

Сегодня, для успешного выполнения профессиональной деятельности, на первый план выходит проблема формирования межкультурной компетентности у специалиста-психолога, которая представляет собой систему личностных качеств и профессиональных навыков: быть открытым к познанию другой культуры, толерантно воспринимать культуральные различия, уметь разграничивать коллективное/индивидуальное в поведенческих репертуарах представителей этносов, преодолевать этнические стереотипы, рефлексировать собственные ожидания, установки и строго соблюдать коммуникативный этикет.

Психолог в современных условиях должен обладать навыками создания благоприятной психологически безопасной, поликультурной среды при проведении групповой работы; в ситуациях межкультурного взаимодействия (в индивидуальных сессиях) быть гибким, толерантным, поликультурным; знать и применять на практике специальные методы и технологии проведения диагностической, развивающей, коррекционной и другой психологической деятельности с учетом этнопсихологических особенностей клиентов (ценностей, традиций, обычаев, установок, стереотипов).

Таким образом, этнопсихология становится важной составляющей образования психолога практика, помогающая ему успешно работать в многонациональном государстве.

Остановимся подробнее и на важных аспектах работы психолога, а именно: объяснение, понимание, инструментальном и императивном аспектах. Причем в каждом из этих элементов психологической работы требуется соблюдение этических требований и учет этнопсихологических особенностей клиента. Например, при объяснении причин, моделей поведения, выработке эффективных стратегий действий учет культуральных различий личности клиента, региона проживания является обязательным условием. Эмпатийное (субъективное) и интерсубъективное (с позиций общих законов функционирования жизнедеятельности) понимание клиента для осуществления психокоррекционного воздействия также затрагивает вопрос его этнической идентификации. Соответственно инструментарий психолога, даваемые им рекомендации будут подбираться с учетом этнопсихологических закономерностей.

Ученые описывают этнопсихологию как науку, изучающую психологическую специфику личности/группы, связанную с этно- и культуральной принадлежностью. Российские этнопсихологи рассматривают понятие «этнос» как отдельную социальную группу, сформированную в ходе исторического развития общества и обладающую сознанием своего единства и отличия от других подобных образований.

Проблема определения этноса не лишена противоречий. Так, Ю.Б. Бромлей определял «этнос» как исторически сложившуюся на отдельной территории устойчивую совокупность людей, обладающую общими особенностями языка, культуры и психики. Однако, Н. Лебедева в своих исследованиях показала, что многие параметры, через которые определяется этнос, можно отнести к другим устойчивым социальным группам: например, к профессиональным или классовым, а также ряд этнических групп не имеет устойчивости своего существования на определенной территории, или имеет различия в особенностях языка внутри группы.

В то же время, с точки зрения психологии, важны не объективные параметры этноса, как отдельной социальной группы, а субъективное восприятие членами этнической группы себя, как членов определенной общности, самоопределение членов группы в системе соответствующих связей и отношений с окружающим миром. Другими словами, «этническая общность» – это общность субъективных взглядов, представлений, а не культурная отличительность.

Рассматривая другую базовую категорию этнопсихологии «культуру», стоит обратить внимание на неоднозначность этого понятия, так как относится как к материальным, социальным

явлениям, так и к индивидуальному поведению, репродукции, организованной деятельности (религия, искусство и наука).

В рамках этнопсихологии рассматривается проблема развития этноцентризма в структуре личности человека, которое формируется только в этнокультурной среде. Психологи определяют это качество как восприятие и интерпретация поведения других через призму своей культуры. Наша культурная среда задает когнитивную матрицу для понимания мира, которая становится в последующем определенным стандартом для понимания других культур. Одна из важных задач, которая стоит перед психологом в процессе консультирования – это преодоление этноцентризма, что позволит установить эффективное взаимоотношение и взаимопонимание с представителями других культур [3].

Этнопсихология исследует функционирование психики людей разных этносов, национальный характер, закономерности этической идентичности, стереотипов, конфликтов, занимается поиском путей налаживания отношений и построения эффективной коммуникации в полиэтническом обществе. Поэтому работа этнопсихолога заключается в диагностике этнического самосознания, межкультурных взаимодействий и др. и на основе полученных результатов выявление условий и создание техник их гармонизации. Но, несмотря на развитие этнопсихологии как самостоятельной науки и востребованность ее взглядов, до сих пор существует ряд сложностей. Например, нет систематического изложения основных понятий, психологических методов группового и индивидуального консультирования и т.п..

В последние годы широкое распространение получил мультикультуральный подход в психологическом консультировании, в котором важной составляющей становится учет этнических, религиозных, расовых особенностей клиента, поддерживается его связь с собственной культурой и т.д.. При этом психологу необходимо отслеживать разницу в мировосприятии своем и человека, обратившегося за помощью, использовать его культуру как возможный ресурс для личностного развития последнего.

Первоисточки такого подхода мы видим еще в работах К. Роджерса, в которых он указывал на необходимость осуществления клиентцентрированной терапии, используя в качестве ресурса ценностную, религиозную сферы личности, ее жизненный опыт. Важным аспектом изучения потенциала мультикультурного подхода в психологическом консультировании явилось исследование различных аспектов религиозного копинга (К. Паргамент, Н. Гревенгод, Дж. Кэнел, Дж. Ньюман, В. Хатауэй, В. Джонс, Д. Энсинг, К. Фальгот, Г. Ольсен, Б. Рейли, К. Ван Хейтсма, Р. Уоррен, Г. Кюниг, Л. Перез). Психологическому воздействию

религиозных практик в процессе консультирования посвящены работы российских и зарубежных авторов. Классикой в этом контексте стали работы известнейшего российского психотерапевта Ф.Е. Василюка [1], американских психологов Б. Спилки, К. Лэдда [2] и многие другие.

В зарубежной психологии принято считать, что психологическое консультирование клиента без учета его расовых, этнических, национальных, культурных, гендерных и ментальных особенностей негативно отразится на целостности индивида. Однако в нашей стране культурно-ориентированный подход недостаточно описан. Существуют отдельные работы Б.С. Братуся, Ф.Е. Василюка, В.И. Слободчикова, Н. Пезешкиана и др. в данном направлении, но нет целостных представлений о работе с представителями различных этнических групп [2].

Важнейшим условием эффективности психологического консультирования является построение этого процесса с учетом взаимного доверия, когда психолог и клиент понятны друг другу и близки по культурной, расовой, этнической и религиозной принадлежности. В связи с чем, сегодня одним из востребованных направлений этнопсихологии становится проблема психологического воздействия религиозных практик на клиента в процессе консультирования. Классикой в этом контексте стали работы известнейшего российского психотерапевта Ф.Е. Василюка, американских психологов Б. Спилки, К. Лэдда [2]. Наиболее активно изучаются вопросы психологического консультирования мусульман. Так, сегодня теорией и практикой психологического консультирования в соответствии с религиозными убеждениями мусульманских клиентов занимаются многие международные организации, в частности Международная Ассоциация мусульманских психологов (International Association of Muslim Psychologist), Международная Ассоциация исламской психологии (International Association of Islamic Psychology), членом которой в настоящее время является автор статьи, Muslim Family Matters, Centerfor Islamic Counseling and Guidance, The Institute of Muslim Mental Health, Rahmaa Institute.

В России активно развивается и функционирует Всероссийская организация Ассоциация психологической помощи мусульманам, которая занимается решением задач практического, эмпирического, теоретического и образовательного характера. Практическая реализация этого подхода происходит также в рамках сотрудничества специалистов Ассоциации психологической помощи мусульманам и Федеральной службы исполнения наказаний РФ.

Психологами, представляющими различные конфессии, отмечается, что религиозный фактор имеет значительный потенциал для его изучения и применения в рамках психологического консультирования, особенно в сферах семейной терапии, в реабилитации и ресоциализации заключённых и членов их семей, в системе здравоохранения, при поддержании душевного здоровья тяжело больных. К сожалению, уровень информированности академической науки и психологической практики в этой области явно недостаточен.

Становится очевидным актуальность проблемы этноса в психологической практике. Психолога интересует «этнос» прежде всего, как психологическая общность, способная успешно выполнять важные для каждого человека функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абросимова, Ю. А. Особенности мотивации клиентов психологических Интернет-консультаций / Ю. А. Абросимова // Известия Саратовского университета им. Н. Г. Чернышевского. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. – 2012. – Т. 1. – № 2. – С. 25-28.
2. Павлова, О. С. Психологическое консультирование мусульман: анализ зарубежных источников. Современная зарубежная психология. – 2018. – 7(4). – С. 46–55.
3. Психология этнического самосознания и межкультурного общения. Учебное пособие. – Казань : Издательство «Бриг», 2015. – 124 с.

АННОТАЦИЯ

Власенко Анастасия Игоревна, Зверева Римма Геннадьевна.
Этнопсихологический аспект профессиональной деятельности психолога

Статья раскрывает особенности этнопсихологической проблемы в профессиональной деятельности психолога. Рассматриваются вопросы формирования межкультурной компетентности у специалиста-психолога и дается ее определение. Раскрывается актуальность мультикультурального подхода в психологическом консультировании, где важной составляющей становится учет этнических, религиозных, расовых особенностей клиента, поддерживается его связь с собственной культурой. В заключении дается анализ опыта в России и за рубежом психологической практики с учетом этнопсихологического аспекта.

Ключевые слова: мультикультуральный подход, этнопсихологический аспект, психологическое консультирование.

SUMMARY

Vlasenko A.I., Zvereva R.G. The ethno-psychological aspect of the professional activity of a psychologist

The article reveals the features of the ethno-psychological problem in the professional activity of a psychologist. We have suggested the issues of the formation of intercultural competence of a psychologist and its definition. We have also revealed the relevance of the multicultural approach in psychological counseling, with the ethnic, religious, racial characteristics of the client and maintaining his/her connection with his/her own culture as an important component. In conclusion, we have given an analysis of the psychological experience in Russia and abroad, taking into account the ethno-psychological aspect.

Key words: multicultural approach, ethno-psychological aspect, psychological counseling.

*Давыденко Анастасия Павловна
г. Ясиноватая, ДНР*

УДК 159.96

МЕТОД АРТ-ТЕРАПИИ КАК СРЕДСТВО КОРРЕКЦИИ НЕГАТИВНЫХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ У ДОШКОЛЬНИКОВ

Арт-терапия в переводе с английского означает лечение искусством, является одним из направлений в психотерапии и психологической коррекции. Главный отличительный признак арт-терапии от других методов – применение искусства и творчества как способа самовыражения и самопознания для исцеления внутренних проблем личности любого возраста.

В сравнении с занятиями, направленными на систематическое обучение какому-либо виду искусства, занятия с элементами арт-терапии носят скорее спонтанный характер, они направлены не на творческий процесс, а на терапевтический результат. Понятие «арт-терапия» имеет несколько определений. Во-первых, под словом арт-терапия принято понимать совокупность видов искусства, используемых в лечении и коррекции; во-вторых, как комплекс арт-терапевтических методик; в-третьих, как направление психотерапевтической и психокоррекционной практики; и наконец, как отдельный самостоятельный метод.

Принято считать, что имя новому методу дал художник Адриан Хилл в 1938 году при описании своей работы с туберкулезными больными в санаториях. В основе данного метода лежит идея Зигмунда Фрейда, согласно которой внутреннее «Я» проявляется у человека в визуальной форме всякий раз, когда он спонтанно творит.

Свой вклад внёс и Карл Густав Юнг с идеей о персональных и универсальных символах. [6]

С течением времени арт-терапия отделилась от психоаналитических идей из-за неспособности концепции объяснить все аспекты данного метода. Современная арт-терапия в большей степени ориентируется на учёт влияния культуры, социума и иных факторов среды на психическое развитие ребёнка.

Современные тенденции арт-терапии ориентированы на осуществление системных профилактических и коррекционных воздействий с привлечением более широкого, чем в психоанализе, набора внешних и внутренних ресурсов, а также более короткими сроками терапии и фокусировкой на конкретных «мишенях». Арт-терапию можно рассматривать как один из способов общения и самовыражения одного человека перед другими, только не при помощи вербализации, а через язык искусства. Это связано с тем, что человек, оказавшийся в кризисной или критической ситуации часто не способен выразить то, что он чувствует словами. Поэтому главным достоинством данного метода можно считать возможность выражения своего состояния невербально, через рисование, танец, чтение, фотографию, игру, музыку, лепку...

Арт-терапия не имеет категорических противопоказаний и потому по праву считается доступным методом работы с лицами любого возраста и состояния здоровья. Этот метод подходит для работы с детьми по ряду причин: строится на работе с образами, которые представляют собой универсальный язык, органичный природе ребенка; опирается на спонтанность, которая совершенно естественна для детского возраста; относится к проективным методам, которые особенно удобны в работе с детьми, не способными вербально описать свое состояние. Образы выступают средством выражения неосознанных фрустрированных потребностей и влечений, внутренних конфликтов, страхов, защитных реакций, негативных эмоциональных состояний ребенка.

К технологиям арт-терапии относят:

- рисуночную терапию или изотерапию (основана на изобразительном искусстве и выражающая эмоциональное состояние рисующего);
- библиотерапию (литературное сочинение и творческое прочтение литературных произведений, сказкотерапию);
- музыкотерапию (музыка выступает как средство исцеления);
- драматерапию (позволяет реализовать неустолебованный в современном мире игровой потенциал человека);
- танцевально-двигательную терапию (танец и движение используются как процесс, который способствует эмоциональной и физической интеграции индивида);

- куклотерапию (коррекция конативной и аффективной сферы психики ребёнка посредством кукольного театра, через разыгрывание персонажами для ребёнка травмирующей его ситуации);
- песочную терапию (снятие внутреннего напряжения, через воплощение его на бессознательно-символическом уровне, посредством работы с песком);
- фототерапию (использование фотографии для решения психологических проблем, а также развития и гармонизации личности);
- игровую терапию (в игре обнаруживается способ решения конфликтных ситуаций).

Арт-терапия использует два механизма психокоррекционного воздействия. «Первый направлен на влияние искусства через символическую функцию реконструирования конфликтной травмирующей ситуации и нахождение выхода через переконструирование этой ситуации. Второй связан с природой эстетической реакции, позволяющей изменить реакцию переживания негативного аффекта в сторону формирования позитивного аффекта, приносящего наслаждение» [5].

Использование рисуночных методов определяется уровнем сформированности символической функции. Она позволяет ребёнку преобразовывать изобразительную деятельность в деятельность символического типа. В работе с детьми до 5 лет рекомендуется использовать игровые методы коррекционной работы, а рисунки – включаться в контекст заданий. Наиболее благоприятное время для изотерапии – это возраст от 5 - 6 до 10 лет.

Сказкотерапия как один из подвидов библиотерапии позволяет детям услышать историю, в которой описаны их страхи и формы переживания стрессовых ситуаций, а затем помогает найти «неожиданный» выход из страшной для ребёнка ситуации.

Песочная терапия направлена на коррекцию неадаптивных установок и иррациональных представлений. Один из основных механизмов позитивного воздействия песочной терапии основан на том, что ребенок получает опыт создания маленького мира в виде песочницы, символически выражающий его способности и права строить свою жизнь, свой мир собственными руками.

Фототерапия предоставляет возможность создать или воспринять фотографические образы, дополняя их обсуждением и разными видами творческой деятельности, включая изобразительное искусство, движение, танец, сочинение историй и стихотворений. Положительное воздействие фотографии на личность и ее отношение с окружающим миром могут проявляться как при просмотре и обсуждении фото вместе с психологом, так и с участниками группы во время групповых занятиях.

Известный психотерапевт М. Е. Бурно в своей работе «Терапия

творческим самовыражением» описывает фототерапию так: «творческая фотография, в отличие от обычной, есть отражение в снимке индивидуальных душевных особенностей. Камерой художник-фотограф отбирает свое, помогающее понять себя, испытывает вследствие этого творческое вдохновение – резонанс с окружающим миром красоты... Лишь вдохновение даст тот невидимо тончайший поворот, угол съемки, осветит душу снимающего. Когда в будущем у человека появятся какие-либо тяжести и тревоги, он вернется к своим снимкам, чтобы заново пережить вдохновение и зарядиться новой энергией жизни, добра и красоты... постоянно фотографируя, человек уже автоматически, не задумываясь, как бы «разговаривает» с природой, тонко резонирует с мельчайшими оттенками природы и света, тем самым сливаясь с чудом гармонии и вечным обновлением ее в круговороте времен года... Человеку важно понять, что любой творческий снимок (слайд) – будь то гусеница или цветок – это «автопортрет» в том смысле, что снято это «по-своему», отражает индивидуальность, особое настроение снимающего» [1].

Занятия с детьми проводят начиная с 3-4 лет с целью разрешения разнообразных психологических проблем, таких как невротические состояния, страхи, нарушения сна, замкнутость, тревожность, эмоционально-волевые нарушения, агрессивное поведение дошкольников.

Люди, находящиеся долгое время в негативном эмоциональном состоянии (стресс, кризис, паническая атака, психическая травма, горе, страх, тревога), как правило, не способны в полной мере описать не только свои ощущения, чувства, переживания, но и охарактеризовать произошедшую ситуацию, которая их вызвала. Учитывая тот факт, что словарный запас ребёнка уступает словарному запасу взрослого человека, а также, что опыт взрослого человека во много раз шире знаний ребёнка об окружающем мире, можно заключить, что арт-терапия – это наиболее подходящий метод изучения внутреннего мира ребёнка, его переживаний, отношений с родными, с окружающим миром, с самим собой.

Арт-терапия позволяет восстанавливать чувство собственного достоинства; реализовать более широкий репертуар защитно-приспособительных реакций; при контакте с различными материалами (песок, глина, крупы и т.д.) позволяет не только актуализировать и отрегулировать травматичный опыт, но и оживить сферу физических ощущений, заблокированных в результате травмы.

Доверие пережившего насилие ребенка по отношению к психологу часто формируется очень медленно и может произойти лишь при наличии четких границ. Поэтому основными задачами

арт-терапии для преодоления негативных эмоциональных состояний у ребёнка выступают:

- установление контакта с ребенком, особенно при языковых барьерах;
- создание условий для переключения внимания ребенка от болезненных событий и переживаний;
- оказание помощи ребенку высвободить разрушительные импульсы, сублимировать негативные эмоции;
- оказание ребенку помощи в осмыслении полученного опыта и формировании более адаптивного взгляда на произошедшее;
- помощь ребенку в адаптации к новым условиям существования.

Дети дошкольного возраста наиболее ранимы, в сравнении с более поздними возрастными периодами. Это связано с тем, что у дошкольников ещё не сформированы защитные механизмы и в силу своего возраста они не способны в полной мере дать объективную оценку происходящим событиям. При сильной травматизации дети становятся заторможенными, пассивными, они стараются общаться с окружающими лишь скупыми, вялыми жестами, отвечают односложно, только шепотом и только с близкими родственниками; появляется сложность в возникновении доверительного контакта с окружающими, детям тяжело устанавливать зрительный контакт с собеседником.

Арт-терапевтические практики относятся к наиболее результативным формами психологической помощи детям дошкольного возраста для психологической коррекции затяжных негативных состояний, вызванных негативными факторами любого характера (кризисной, экстремальной, чрезвычайной ситуацией).

«Творческий процесс для детей становится психотерапевтическим механизмом, который позволяет в символической форме перестраивать конфликтную психотравмирующую ситуацию, сформировать новую форму ее разрешения» [6]. Через игру, сказку, рисунок арт-терапия помогает найти выход из конфликтных ситуаций и позволяет выразить сильные эмоции, помогает понять собственные чувства и переживания, способствует повышению самооценки, предрасполагает к развитию творческого начала личности любого возраста.

Арт-терапевтические методы прекрасно подходят для детей дошкольного возраста, поскольку ведущей деятельностью этого возрастного периода является игра. Использование данного метода с дошкольниками не создаёт дополнительного напряжения у ребенка, напротив способствует гармонизации личности, даёт возможность самовыражения и самопознания ребёнку, а также

помогает найти путь к исцелению травмирующих переживаний. Занимаясь творчеством, ребёнок снимает внутреннее напряжение, тревожность, страх, боль. Это позволяет негативным эмоциям найти конструктивный выход, помогает ребёнку пережить болезненный опыт, сформировать новые более адаптивные модели поведения и переосмыслить произошедшее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурно, М. Е. Терапия творческим самовыражением / Бруно М. Е. – Деловая книга, 1999. – 310 с.
2. Киселёва, М. В. Арт-терапия в работе с детьми // Руководство для детских психологов, педагогов, врачей и специалистов, работающих с детьми / Киселёва М. В. – Спб. : РЕЧЬ, 2006. – С. 72 - 95.
3. Колошина, Т. Ю. АРТ-ТЕРАПИЯ / Колошина Т. Ю. // Методические рекомендации. – 2015. – 110 с.
4. Копытин, А.И. Практикум по арт-терапии / Копытин А.И. // Практикум по психологии. – ПИТЕР, 2001. – 402 с.
5. Максименкова, Л. И. Психолого-педагогическое сопровождение детей и подростков, находящихся в кризисной ситуации / Максименкова Л. И. – М. : Просвещение, 2013 – С. 113 – 117.
6. Шленков, А. В. Возможности метода арт-терапии при оказании психологической помощи детям, пережившим чрезвычайные ситуации/ Шленков А. В. // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. – 2016. – № 1.– С. 10 – 14.

АННОТАЦИЯ

Давыденко Анастасия Павловна Метод арт-терапии как средство коррекции негативных эмоциональных состояний у дошкольников

В статье описаны возможности метода арт-терапия для гармонизации психического состояния детей дошкольного возраста через развитие у них способности к самовыражению и самопознанию. Коррекция негативных эмоциональных состояний происходит посредством их выражения на символическом уровне и даёт возможность исследовать самые разные чувства и эмоции ребёнка: любовь, ненависть, обиду, злость, страх, радость, боль, а также найти путь к исцелению травмирующих переживаний ребёнка.

Ключевые слова: арт-терапия, эмоции, травмирующие переживания, дошкольник, самовыражение, творчество.

SUMMARY

Davydenko A.P. Art-therapy method as a means of correcting negative emotional states in preschool children

The article describes the possibilities of the art-therapy method for harmonizing the mental state of preschool children through the development of their ability to self-expression and self-knowledge. Correction of negative emotional states occurs by means of their expression at a symbolic level and makes it possible to explore a wide variety of feelings and emotions of the child, namely: love, hate, resentment, anger, fear, joy and pain, as well as find a way to heal the child's traumatic experiences.

Key words: art-therapy, emotions, traumatic experiences, preschool child, self-expression, creativity.

*Зубикова Ирина Владимировна
г. Санкт-Петербург, РФ*

УДК 159.9.07

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР МОЛОДОГО ВОЗРАСТА

Бурное развитие игровых компьютерных технологий и их повсеместное распространение, стремительный рост числа детей, подростков и молодежи, испытывающих зависимость от взаимодействия с ними, превращают игровую компьютерную аддикцию в актуальную проблему, требующую разностороннего изучения ее различных аспектов. Игровая компьютерная аддикция – психологическая зависимость, которая выражается в навязчивом и чрезмерном увлечении видеоиграми и компьютерными играми [1, с. 35]. В предыдущих исследованиях [2, с. 57; 4, с. 86] выявлено, что активные геймеры студенческого возраста имеют ряд ценностей, которые отличают их от не-геймеров. В процессе защиты ВКР я исследовала особенности ценностно-смысловой сферы и саморегуляции у пользователей компьютерных игр молодого возраста.

Гипотеза исследования: характеристики ценностно-смысловой сферы и стиля саморегуляции достоверно различаются у пользователей компьютерных игр с разным уровнем игровой интернет-аддикции.

Результаты исследования: незначимые данные ($p \leq 0,01$) по ценностям – свобода, честность, смелость.

Терминальные ценности:

Различия между групп нормативного использования – проблемного использования – зависимого использования:

прослеживается обратно пропорциональное повышению зависимости снижение значимости следующих ценностей – свобода, здоровье, уверенность в себе, активная деятельная жизнь, развитие, любовь, продуктивная жизнь, счастье других.

Единственная из терминальных ценностей, значение которой повышается с повышением уровня зависимости – материально обеспеченная жизнь.

Можно предположить, что значение этой ценности так высоко из-за её фрустрирования вследствие снижения продуктивности зависимых пользователей в социальной жизни.

Инструментальные ценности:

Различия между групп нормативного использования – проблемного использования – зависимого использования: прослеживается обратно пропорциональное повышению зависимости снижение значимости следующих ценностей – ответственность, честность, смелость, чуткость, эффективность в делах, исполнительность. Что касается ценности «рациональность», то у группы проблемного использования наблюдается самая высокая значимость по сравнению с группами нормативного использования и группы с аддикцией. Ценности «аккуратность» и «высокие запросы» у группы проблемного использования имеют самые низкие значения по сравнению с группами нормативного использования и группы с аддикцией. Гипотеза подтвердилась. Характеристики ценностно-смысловой сферы достоверно различаются у пользователей компьютерных игр с разным уровнем игровой интернет-аддикции. Все полученные данные значимые ($p \leq 0,01$).

Таблица 1

	Нормативное использование интернета		Проблемное использование интернета		Интернет-аддикция		F	p
	M	SD	M	SD	M	SD		
Терминальные ценности								
Свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках)	8,77	1,62	8,35	1,71	8,44	1,58	3,66	0,03
Здоровье (физическое и психическое)	8,64	1,50	7,98	1,91	7,45	1,92	12,82	0,00

Уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений)	8,26	1,99	7,76	2,09	7,45	2,34	4,77	0,01
Активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни)	8,07	1,68	7,53	1,76	7,23	2,18	7,43	0,00
Развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование)	7,93	1,88	7,17	2,06	6,63	2,28	12,30	0,00
Материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных проблем)	7,83	1,81	7,66	2,00	8,50	1,67	5,02	0,01
Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)	7,82	2,40	7,31	2,65	6,65	2,66	5,23	0,01
Продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей)	7,50	1,94	6,74	2,20	6,71	2,30	7,79	0,00
Счастье других (благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом)	6,81	2,41	6,11	2,75	5,40	2,88	7,53	0,00
Инструментальные ценности								
Рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения)	8,66	1,50	8,85	1,54	8,13	2,10	5,42	0,00
Ответственность (чувство долга, умение держать свое слово)	8,45	1,63	8,15	1,85	7,53	2,30	5,77	0,00
Честность (правдивость, искренность)	8,25	1,78	7,81	2,07	7,56	2,35	3,82	0,02
Смелость в отстаивании своего мнения	8,22	1,58	7,92	1,86	7,45	2,34	4,20	0,02
Чуткость (заботливость)	7,81	1,81	7,28	2,08	6,85	2,25	6,49	0,00
Эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе)	7,67	1,82	7,01	2,01	6,53	2,18	10,04	0,00
Исполнительность (дисциплинированность)	7,66	1,80	6,79	2,19	6,37	1,94	13,75	0,00

Аккуратность (чистоплотность, умение содержать в порядке вещи, четкость в ведении дел)	7,30	2,02	6,68	2,12	7,05	2,12	5,16	0,01
Высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания)	5,97	2,26	5,22	2,29	5,65	2,46	6,16	0,00

Рисунок 1. Терминальные ценности

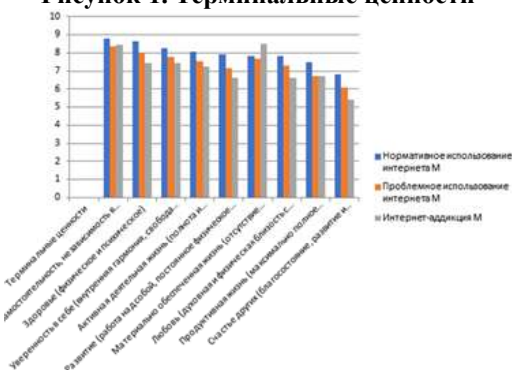
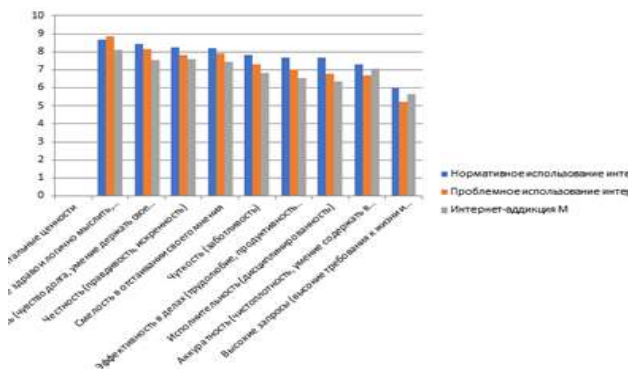

Рис. 2. Инструментальные ценности

Анализ методики «Стили саморегуляции» показал, что по шкалам «Планирование», «Моделирование», «Оценка результатов», «Гибкость» и «Общий уровень» получены средние значения у пользователей с нормативным, проблемным использованием и пользователей с аддикцией, но наблюдается тенденция к снижению значений с повышением уровня зависимости.

По шкале «Программирование» средние значения у пользователей с нормативным, проблемным использованием, но ниже среднего значения у пользователей с аддикцией. То есть у пользователей с аддикцией зона роста «программирование» - развитость осознанного построения поведения, действенность и иерархичность программ поведения.

Гипотеза подтвердилась. Характеристики стиля саморегуляции достоверно различаются у пользователей компьютерных игр с разным уровнем игровой интернет-аддикции.

Таблица 2

	Нормативное использование интернета		Проблемное использование интернета		Интернет-аддикция		F	p
	M	SD	M	SD	M	SD		
ПЛАНИРОВАНИЕ	5,77	2,18	5,40	2,13	4,82	1,90	4,78	0,01
МОДЕЛИРОВАНИЕ	6,17	1,77	5,21	1,76	4,34	1,62	30,44	0,00
ПРОГРАММИРОВАНИЕ	5,91	1,65	5,36	1,77	4,61	1,55	14,31	0,00
ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ	6,05	1,51	5,34	1,56	4,63	1,60	22,56	0,00
ГИБКОСТЬ	6,51	1,74	5,59	2,00	5,21	2,00	16,64	0,00
САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ	5,08	2,12	5,33	2,05	6,00	2,18	4,47	0,01
ОБЩИЙ УРОВЕНЬ	30,38	5,52	27,55	5,35	24,81	4,57	29,76	0,00

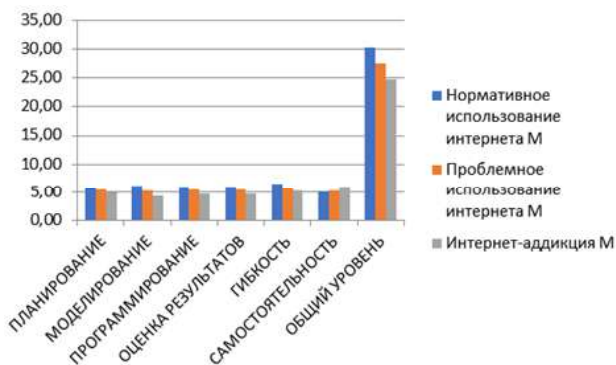

Рис. 3. Стиль саморегуляции

Все полученные данные значимые ($p \leq 0,01$). Планирование: средние значения у пользователей с нормативным, проблемным использованием и пользователей с аддикцией.

Моделирование: средние значения у пользователей с нормативным, проблемным использованием и пользователей с аддикцией.

Программирование: Средние значения у пользователей с нормативным, проблемным использованием, но ниже среднего значения у пользователей с аддикцией. То есть у пользователей с аддикцией зона роста «программирование» - развитость осознанного построения поведения, действенность и иерархичность его программ поведения.

Оценка результатов: средние значения у пользователей с нормативным, проблемным использованием и пользователей с аддикцией.

Гибкость: средние значения у пользователей с нормативным, проблемным использованием и пользователей с аддикцией.

Общий уровень: средние значения у пользователей с нормативным, проблемным использованием и пользователей с аддикцией.

Первая гипотеза подтвердилась. Характеристики стиля саморегуляции достоверно различаются у пользователей компьютерных игр с разным уровнем игровой интернет-аддикции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аветисова, А. А. Психологические особенности игроков в компьютерные игры / А. А. Аветисова. – Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – Т. 8. – № 4. – С. 35–58.
2. Бабанин, Л. Н. Психологические исследования, опосредованные применением интернета / Бабанин, Л. Н., Войскунский А. Е., Смыслова О. В. // Эксперимент и квазиэксперимент в психологии: Учебное пособие. – СПб. : Питер, 2004. – 148 с.
3. Бек Дж., Уэйд М. Доигрались! Как поколение геймеров навсегда меняет бизнес-среду. – М.: Pretext, 2006. – 539с.
4. Васильева, И. А., Осипова И. М., Петрова Н. Н. Психологические аспекты применения информационных технологий // Вопросы психологии. – 2003. – № 3. – С. 80-88.

АННОТАЦИЯ

Зубикова Ирина Владимировна. Ценностно-смысловые характеристики пользователей компьютерных игр молодого возраста

Увлечение компьютерными играми представлено в статье как новая область исследований. Приведены результаты авторского эмпирического исследования, полученные в процессе написания

ВКР по теме «Ценностно-смысловые характеристики пользователей компьютерных игр молодого возраста». В исследовании участвовало более 500 пользователей компьютерных игр молодого возраста. Из них 84,9% юношей, 15,1% девушек из России и СНГ. Представленные результаты подтверждают гипотезу и неоднородность выборки игроков по параметрам зависимости, ценностно-смысловых характеристик и саморегуляции.

Ключевые слова: терминальные, инструментальные ценности, стиль саморегуляции поведения, игровая интернет-аддикция.

SUMMARY

Zubkova I.V. Value-based and semantic characteristics of young computer game users

The article deals with passion for computer games as a new area of research. We have presented the results of the author's empirical research obtained in the process of writing the final dissertation on the topic *Value-based and Semantic Characteristics of Young Computer Game Users*. More than 500 young computer game users participated in the study, with 84.9% boys and 15.1% girls from Russia and the CIS. The results confirm the hypothesis and heterogeneity of the sampling players in terms of dependence, value-based, semantic characteristics and self-regulation

Key words: terminal, instrumental values, style of self-regulation of behavior, gaming Internet addiction.

Илларионова Инна Валерьевна
г. Чебоксары, РФ

УДК 159.9

РАННЕЕ МАТЕРИНСТВО КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В условиях непрерывных экономических и социокультурных изменений, которые являются одной из отличительных черт современного общества, раннее материнство представляется одной из очень острых социально-педагогических проблем. Происходящая трансформация семейного уклада, деформирование семейных ценностей приводит, в свою очередь, к заметному снижению роли семьи в воспитании современной молодежи, омолаживается ранняя беременность, увеличивается количество детей-отказников.

Для полового взросления молодежи на сегодняшний день характерно осуществление его в специфических условиях, недостаточно планомерно организуется просвещение подростков, не уделяется должного внимания контрацептивной культуре. Подобная ситуация с увеличивающейся вероятностью способна привести к

незапланированным беременностям у несовершеннолетних и, как следствие, к абортам, раннему материнству и т.д.

Материнство тесно связано с социальной ситуацией развития, оно неотрывно от традиционных культурных средств формирования человеческой личности, частью которых является образование. Высшие учебные заведения, являясь важным социальным институтом, призваны обеспечить определенные условия педагогического влияния не только в рамках образовательного процесса, но и организовать работу с молодежью по формированию правильных отношений к роли матери в будущем.

Изучение материнства в настоящее время становится все более популярным как в теоретическом, так и в прикладном аспектах. Обсуждаются материнские качества и характеристики материнского поведения, а также их культурные, социальные, эволюционные, физиологические и психологические аспекты. Рассматриваются основные учения о сущности материнства как культурного феномена, его ценности и значимости для общества.

Проблеме юности и формирования готовности к материнству ещё до рождения ребенка в подростковый и юношеский периоды жизни посвящены работы таких исследователей, как И. П. Каткова, Л. Г. Камсюк, С. Ю. Мещерякова, Г. Г. Филиппова и другие.

По мнению исследователей, материнство является основной биологической функцией женского организма, направленной на продолжение человеческого рода: вынашивание, рождение, вскармливание ребенка.

Изменения в душевной сфере женщины, возникающие под воздействием материнства, одна из наиболее сложных и мало разработанных областей современной науки. В различных подходах психологов и физиологов подчеркивается важность изучения материнского поведения у современного молодого поколения. Ученые склонны рассматривать раннее материнство как самостоятельную реальность, требующую разработки целостного научного подхода для его исследования.

Явление раннего материнства существует уже много столетий. В исследованиях Г. Г. Филипповой подчеркивается, что раннее материнство более характерно для неблагополучных семей. Раннее материнство опасно для женщины и может отрицательно сказаться и на ребенке. Становясь матерью в подростковом возрасте, юная женщина в силу социальной и психической незрелости не в состоянии осознать всей значимости произошедших в жизни перемен и той ответственности, которая ложится на ее плечи с рождением ребенка. Ее положение усугубляется правовой незащищенностью, несовершенством действующего законодательства в части, касающейся прав несовершеннолетней женщины, ставшей матерью.

Чаще всего ранние половые связи приводят к следующим последствиям:

- ранняя беременность, которая чаще всего заканчивается абортом со всеми его негативными последствиями;
- браки, заключенные между юношами и девушками, не достигшими половой зрелости, нередко бывают бесплодными, дети, рождающиеся у таких родителей – слабыми;
- воспалительные заболевания половых путей и опасность заражения болезнями, передающимися половым путем;
- гинекологические заболевания как следствие аборта, беременности и родов в подростковом возрасте;
- трудноразрешимые социальные и морально-этические проблемы, связанные с ранним материнством;
- ранняя половая жизнь опасна тем, что приводит к нарушению гормональной регуляции репродуктивной системы, которая в этом возрасте только налаживается.

Функции матери в развитии ребенка достаточно сложны и многообразны. Они состоят в удовлетворении всех физиологических потребностей ребенка, обеспечении эмоционального благополучия, развитии привязанности, базовых структур отношения к миру, общения, основных личностных качеств и самой структуры деятельности. Далеко не все эти функции осознаются матерью.

Г. Г. Филиппова выделила две группы материнских функций: видотипичные, то есть обеспечивающие структуру деятельности и мотивационные основы развития ребенка как представителя своего вида; функции, направленные на формирование содержательных особенностей мотивационно-потребностной сферы ребенка как члена своей конкретной культуры [3, с. 28].

К видотипичным функциям матери исследователь относит такие, как:

1. Обеспечение стимульной среды для пре- и постнатального развития когнитивных и эмоциональных процессов.
2. Обеспечение условий (в форме разделения деятельности с ребёнком) для развития видотипичной структуры деятельности.
3. Обеспечение условий для возникновения прижизненно формирующихся видотипичных потребностей: потребности в эмоциональном взаимодействии со взрослым, в получении положительных эмоций от взрослого, включения взрослого в чувственно-практическую деятельность, потребность в оценке взрослым своей активности и её результатов, познавательная потребность и др., а также формирование привязанности.
4. Обеспечение условий для освоения видотипичных средств отражения в форме формирования потребности в общении, как системообразующих для сферы общения.

5. Обеспечение условий для развития мотивационных механизмов.

Ко второй группе материнских функций Г. Г. Филиппова относит: обеспечение матерью предметной среды и условий чувственно-практической, игровой деятельности и общения, которые способствуют образованию культурных особенностей когнитивной сферы и моторики; обеспечение условий для формирования культурной модели привязанности; обеспечение условий для формирования культурных особенностей социально-комфортной среды; обеспечение условий для формирования у ребёнка основных культурных моделей: ценностно-смысловых ориентаций, семьи, материнства и детства и др.

Исследователи большое внимание уделяют причинам, вызывающим раннее материнство среди подростков и студентов. Большинство ученых сходятся во мнении, что причины необходимо искать в аспектах детско-родительских отношений.

Одна из самых серьезных причин, вызывающих раннее материнство, по мнению В. И. Брутман, это стремление сбежать от родителей. В тех семьях, где родители муштруют выросших детей, следят за ними, не уважают их достоинство, да если просто ребенку негде «голову приклонить», нет понимания, нет чувства дома – из таких семей подростки бегут куда угодно. И нередко самым простым выходом кажется ранний брак (причем в силу наших традиций чаще это делают девушки, потому что, как правило, жена уходит жить к мужу, но если мальчик может уйти жить в семью жены – то и он может жениться, чтобы спастись от родительского диктата) [1, с.83].

Следующая причина – выросшие дети убегают от тяжелого климата в семье, от постоянных родительских распри или от вечной войны между папой и мамой, когда даже в самом убранном и обустроенном доме постоянно ощущается не уют.

Анализ различных подходов исследователей показал, что одним из важных компонентов готовности к материнству юных студенток является уровень психологической зрелости, который в свою очередь определяется темпом индивидуального развития, физической, интеллектуальной и социальной зрелостью.

С. О. Кашапова пришла к выводу, что у юных мам диагностируется неадекватная самооценка, внутренняя конфликтность, инфантилизм. Возникает определенное непонимание и осуждение со стороны окружающих людей, одиночество, ощущение ненужности и отчужденности. Возникают и проблемы в отношении с ребёнком, в большинстве случаев это может сформировать отсутствие привязанности или жестокое отношение к малышу.

Г. Г. Филипповой были выделены мотивы раннего материнства. В большинстве случаев девушка пытается достичь желаемого социального и возрастного статуса; удовлетворение модели

«полноценной жизни»; стремится продолжить себя, свой род; реализовать свои возможности в воспитании ребёнка; решить свои жизненные проблемы (заклучить или укрепить брак, доказать себе и другим, что я способна родить и быть матерью).

Результатом анализа проведенных психолого-педагогических исследований стало выделение ряда условий, которые способствуют адекватному формированию ценности семьи у современной молодежи, осознанного ответственного материнства у девушек-студенток в рамках обучения в комплексной системе высшего образования, например включение девушек в научно-исследовательскую работу по изучению традиционных семейных и материнских духовно-нравственных ценностей; помогают становлению общечеловеческой системы ценностей и личностной значимости семьи, семейной жизни; а также владение культурой семейных отношений, навыками общения с родными и близкими людьми; создание единого воспитательного пространства и здоровье создающей среды в вузе [2, с. 31].

Несмотря на большой вклад исследователей, вопрос профилактики раннего материнства у юных девушек остается сложной психолого-педагогической и социальной проблемой общества. Вуз как один из институтов воспитания и образования способен решить задачи формирования ответственной материнской позиции у девушек студенток, как будущих мам. Изучению возможных путей организации воспитательной работы в данном направлении, будут посвящены дальнейшие наши исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брутман, В. И. Влияние семейных факторов на формирование девиантного поведения матери / В. И. Брутман, А. Я. Варга, И. Ю. Хамитова // Психологический журнал. – 2000. – № 2. – С. 79–87.
2. Илларионова, И. В. Особенности готовности к материнству у студенток вуза / И. В. Илларионова // Глобальный научный потенциал. – №1(116). – 2020. – С. 30–32.
3. Филиппова, Г. Г. Материнство и основные аспекты его исследования в психологии / Г. Г. Филиппова // Вопросы психологии. – 2001. – № 2. – С. 22–37.

АННОТАЦИЯ

Илларионова Инна Валерьевна. Раннее материнство как социально-психологическая проблема современного общества

В статье раскрываются основные теоретические позиции по проблеме раннего материнства. Проанализированы основные

подходы к изучению проблемы готовности к материнству в юном возрасте, а также причины, приводящие к нарушению процесса принятия и реализации материнских функций у современной молодежи.

Ключевые слова: раннее материнство, роль матери, психологическая готовность к материнству.

SUMMARY

Ilarionova I. V. Early motherhood as a socio-psychological problem of the modern society

The article reveals the main theoretical positions on the problem of early motherhood. We have analyzed the main approaches to studying the problem of readiness for motherhood at a young age, as well as the reasons leading to violation of the process of acceptance and implementation of maternal functions by modern youth.

Key words: early motherhood, the role of the mother, psychological readiness for motherhood.

*Колиниченко Ирина Александровна
г. Пятигорск, РФ*

УДК 159.923

ОТНОШЕНИЕ К МОРАЛИ И ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОСТИ

Картина мира, основанная на понимании человеческого разума, как экологического аспекта психологии, составляет сущность понимания духовности личности.

Развитие, направляемое разумом, согласно концепции В. И. Вернадского, повествует о привычной современному научному знанию оппозиции человек-природа, но не указывает на диаду человека и природы в общем. Биосфера преобразуется научной мыслью, может быть рассмотрена как ее духовная часть, а ноосфера, высшая стадия развития и функционирования биосферы, связана с генезисом человечества и его природно-биосферного бытия. Поэтому сама идея существования сферы разума связывается у российского ученого с моралью и нравственным обликом человека. Духовное в человеке способно коренным образом преобразовать реальность – природу, бытие. Организованная воля человека позволяет под воздействием человека осуществить процесс перехода биосферы в новое эволюционное состояние [8].

Духовность человека формирует его как личность в процессе социализации, может интерпретировать поступки, помогать осознавать собственную ценность [9, 10].

Некоторыми учеными (Н.В. Антоновой, Н.М. Лебедевой, В. Н. Павленко) констатируется кризис идентичности современного человека, связанный с потерей социальных ценностей идентификации, посредством которых обычно определяют свое место в обществе, на уровне самосознания и внутри поколения в целом [1].

Истинная духовность не позволяет поколению растерять моральные ценности.

Существует ряд нерешенных проблем идентичности разных социальных групп. Например, мало изучены вопросы идентичности беременных, структуры их идентичности, прогноз психоэмоционального состояния, связанный с идентификацией, а также влияние социальных условий на психофизиологические изменения. В то же время признано, что обладать идентичностью в полной мере означает понимать свое бытие личностно постоянным, самостоятельным от стабильности ситуации, роли, умение пережить прошлое, настоящее и будущее в единстве, осознавать связь между непрерывностью и признанием этого другими людьми.

Если Э. Эриксон писал о социальной идентичности, то в дальнейшем в научном мире стали рассматривать самовосприятие идентичности и осознание человеком своего образа Я [6, 7]. Под личностной идентичностью понимают внутреннюю непрерывность и тождественность человека самому себе, основанную на самовосприятии и понимании того, что другие признают его тождественность [5].

Понимать свою идентичность означает осознавать личностную значимость своего бытия, независимо от стабильности или нестабильности внешних условий, уметь зрело относиться к прошлому, настоящему и будущему в целом и испытывать взаимосвязь между непрерывностью этого существования и пониманием всего этого остальными людьми.

Процесс развития идентичности связано с идентификацией, оценкой, выбором ценностей, целей, моральных убеждений личности, которые впоследствии становятся ее частью.

Ученые обозначают важные для формирования идентичности жизненные сферы: выбор профессионального пути личности, принятие убеждений вероучения и морали; выбор политических идей; набора социальных ролей [1, 4].

Предполагается, что формирование идентичности – не одномоментное действие, а серия взаимосвязанных выборов, посредством которых человек принимает свои личные цели, ценности, мотивы.

Идентичность еще рассматривается как структура Эго, сотворения самого себя, изменение потребностей в динамике, способностей, убеждений в индивидуальной истории.

Социальная и личностная идентичность оставалась в фокусе внимания теории социальной идентичности Х. Тэджфела и Дж. Тэрнера.

Ю. Хабермас в структуре идентичности выделяет личную идентичность и социальную как два измерения, итогом которых является баланс самоидентификации.

В вертикальном измерении личная идентичность гарантирует целостность истории жизни человека. Индивидуальный уровень идентичности определяется как результат осознания личностью ее временных масштабов.

Горизонтальное измерение отражает социальную идентичность, знание о которой предоставляет человеку возможность соответствовать требованиям социальных ролей и систем, к которым он принадлежит.

На социальном уровне идентичность понимается как соответствие человека стереотипам, стандартам и идеалам, сложившимся на данном общественно-историческом этапе [1].

Личная и социальная идентичность основаны на похожих процессах категоризации: социальная идентификация (осознание принадлежности) и дифференциация (осознание различий).

Социальная идентичность формируется из идентификаций, аспектов образа «Я», вытекающих из восприятия себя индивидом, как члена групп и определяется принадлежностью человека к такой социальной категории, как социальный класс.

Объектами социальной идентификации могут являться первичные группы – семья, ближайшее окружение и вторичные – без прямых контактных контактов и символические сообщества, о них говорят: «мое поколение» и т.п.

Специфика взаимоотношений идентичности, ценностно-мотивационной ориентации и стратегий с принимающей установкой отличается набором типов идентичности, представленных ролевой позицией «Я - объект»[43].

Усиление внимания к личностным качествам субъектов заставляет их развиваться и трансформироваться, что служит признаком готовности к развитию и правильного отношения к принятию решений о духовном изменении в жизнедеятельности.

По мнению К.-Г. Юнга, коллективное бессознательное, хранящее скрытые следы человеческой памяти и результат нашего эмоционального прошлого, содержит все духовное наследие человеческой эволюции. Оно одинаково для всего человечества и состоит из первичных психических образов архетипов.

Подчеркивается «архетип матери», охватывающий историю взаимоотношений матери и ребенка. Воспоминания о матери группируются вокруг этого архетипа и образуют комплекс связанных ассоциаций. Девушка, став взрослой, продолжает обращаться к

материнскому комплексу в соответствующих ситуациях (например, беременность, материнство) и при необходимости может найти утешение и поддержку у «внутренней» мамы.

Социальная идентичность беременной женщины представляет своего рода кризис, а выход из него формирует новую идентичность матери.

Психологическая структура социальной идентичности женщины сливается с готовностью к материнству в социальной ситуации беременности, характеризуется доминированием ролей матери и жены.

Социальная идентичность женщины формируется еще на этапе беременности, остается стабильной в течении полугода после родов и определяет качество взаимодействия матери и ребенка.

Специфика социальной идентичности игнорирующей женщины характеризуется преобладанием ролей дочери и профессионала; описание роли матери «я» и «дитя», недооценка ребенка и переоценка профессионала. Эмоциональная составляющая характеризуется наличием тревожности у всех женщин в социальной ситуации беременности.

У женщин тревожного стиля поведения готовность к материнству и роль матери преобладают в социальном ролевом компоненте, определяют ее как будущую мать в когнитивном и в семантико-оценочном компоненте, ценностях опыта переживания беременности и повышенной ценности ребенка.

Установлены особенности воздействия оценки ситуации на структуру социальной идентичности в ситуации беременности, при которой ценностные ориентации обуславливают направленность и определяют мировоззрение человека, его взгляд на себя [2, 3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова, Н. В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии / Н. В. Антонова // Вопросы психологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hpsy.ru/authors/x2388.htm>.
2. Белогай, К. Н. Эмпирическое исследование телесности женщины в связи с реализацией репродуктивной функции / К. Н. Белогай // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 1-1 (57). – С. 108-116.
3. Кравцова, Н. А. Возраст как один из факторов, определяющих психологический компонент гестационной доминанты [Электронный ресурс] / Н. А. Кравцова. – Режим доступа: http://mprj.ru/archiv_global/2012_4_15/nomer/nomer06.php

4. Каширский, Д. В. Психология личностных ценностей / Д. В. Каширский [Электронный ресурс] автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2014. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/psikhologiya-lichnostnykh-tsennostei>.
5. Петров, В. С. Концепция перинатального образования граждан РФ / В.С. Петров, М.М. Авакян // Перинатальная психология и медицина: Сборник материалов конференции. – СПб., 2001. – 206 с.
6. Троицкая-Смит, А. Горевание – концепция «утраты» в акушерской практике / Пер. с англ. / А. Троицкая-Смит // Перинатальная психология и медицина: Сборник материалов межрегиональной конференции. – СПб. : АМСУ, 2001.
7. Хломов К.Д. Психэмоциональные особенности беременных с угрозой прерывания / К. Д. Хломов. – [Электронный ресурс] дисс. ... канд. психол. наук. – СПб.- 2008. – Режим доступа: http://mprj.ru/archiv_global/2012_4_15/nomer/
8. Шванева, И. Н. Ноосферная психология и ее методы / И. Н. Шванева. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-226875.html>.
9. Chang C. The effect of an information ethics course on the information ethics values of students – A Chinese guanine culture perspective // Computers in Human Behavior. – 2011. – Vol. 27. – P. 2028–2038.
10. Wu, J. et al. Mood disturbance in pregnancy and the mode of delivery // J. Wu, A.Viguera, L. Riley // – Am. J. Obstet. Gynecol. – 2002.

АННОТАЦИЯ

Колениченко Ирина Александровна. Отношение к морали и идентичности личности в контексте духовности

Сфера разума человека взаимосвязана с его духовностью и моральным обликом. Человек влияет на процесс перехода биосферы в новое эволюционное состояние. Констатируется кризис идентичности современного человека, связанный с потерей социальных ценностей идентификации. Однако духовность формирует человека как личность, помогает осознать собственную ценность, моральные убеждения, которые впоследствии становятся частью его образа Я.

Ключевые слова: духовность, социальная идентичность, личностная идентичность, мораль.

SUMMARY

Kolinichenko I. A. Attitude towards morality and personal identity in the spirituality context

The sphere of human mind is interconnected with spirituality and moral character. A human influences on the process of biosphere transition into

a new evolutionary state. We have stated that there is an identity crisis of a contemporary human connected with the loss of social values identity. However, spirituality forms a human as a person. It helps to realize his/her own value and moral convictions, which become part of the self-image.

Key words: spirituality, social identity, personal identity, morality.

Кондрашова Марина Вячеславовна

г. Горловка, ДНР

УДК 159.9

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И СУБЪЕКТНОСТИ У СТУДЕНТОВ

Теоретический анализ отечественных и зарубежных исследований показал, что большинство научных работ, направленных на изучение структурной организации, генеза, детерминации личностной идентичности, как основополагающих характеристик онтогенетического и филогенетического развития, проводилось в рамках аналитического поэлементного подхода, без учета общепсихологических принципов системного развития, постулирующих изучение человека как целостной, многоуровневой, саморазвивающейся и самоуправляемой системы. В настоящее время отсутствуют научные работы, раскрывающие с позиции принципов системного исследования закономерности, механизмы, условия достижения устойчивой личностной идентичности в период ранней взрослости или поздней юности. Вместе с тем, в исследованиях отмечается, что феномен человека можно объяснить только при условии рассмотрения его как целостной системы.

Важно подчеркнуть, что в соответствии с периодизацией основных стадий развития субъекта, выделенных В.В. Селивановым, период ранней взрослости, сопряженный с периодом обучения в вузе, рассматривается как стадия формирования у студентов личностной субъектности. На этой стадии, с одной стороны, «человек... как субъект собственной психической активности достигает апогея, вершины», «внутренней определенности, цельности», с другой стороны, «согласованное функционирование психических компонентов осуществляется во многом неосознанно, автоматически, без специальных усилий и регуляции со стороны субъекта», что повышает риск развития кризиса личностной идентичности [12; с. 324, 325].

Другими словами, студенческий период является сенситивным периодом преодоления внутренних противоречий и приобретения зрелых форм активности, определяющих процесс становления личностной субъектности как основы достижения устойчивой

личностной идентичности, обеспечивающих успешный переход в стадию полноценной субъектности на этапе ранней зрелости.

Определяя методологические подходы эмпирического исследования субъектности как базового механизма достижения устойчивой личностной идентичности в период ранней зрелости, мы исходим из понимания содержательной сложности, многоаспектности изучаемых понятий, рассматриваемых в связке «личностная идентичность» – «субъектность», «структурная организация личностной идентичности» – «структурная организации субъектности» студентов.

К проблеме исследования личностной идентичности мы подходим, опираясь на концептуальные положения субъектно-бытийного подхода к личности, рассматривающего закономерности и феноменологии личности, как субъекта бытия в ракурсе формулы «личность – бытие», т.е. единства личности и ее бытия, расширяющего методологическую сущность принципа единства сознания и деятельности [13; с. 4-12].

В рамках субъектно-бытийного подхода личностная идентичность, «как базовый процесс личности, организующий в единый ансамбль различные ситуационно-личностные образования» [13; С. 7], выступает «конкретной формой, в которой действует активный субъект, ситуативно-конкретной формой бытия субъекта, представленной самому субъекту и репрезентируемой другим людям» [15; С. 14]. Личностная идентичность отражает систему отношений человека с внутренним и внешним миром. Связь с внутренним миром выражается в чувстве самотождественности, т.е. чувстве отдельности, уникальности, не прерывающемся во времени и в разных социальных обусловленностях. Связь с внешним миром проявляется в чувстве причастности к социуму и принадлежности к конкретным социальным группам.

Характеризуя личностную идентичность как сложное интегративное образование, мы подходим к решению задачи исследования ее структурной организации, руководствуясь положениями структурно-функционалистского подхода. В рамках обозначенного подхода, структурная организации личностной идентичности представлена на когнитивном, эмоционально-мотивационном и поведенческом уровнях [7, 11, 16], которые выражают взаимосвязь внутреннего и внешнего мира человека. Систему отношений человека с внутренним и внешним миром характеризует степень согласованности и рассогласованности структурных компонентов личностной идентичности, определяемых как системное свойство, которое реализуется в статусной системе личностной идентичности.

Рассмотрение личностной идентичности как формы бытия субъекта, как онтологического акта становления человека как субъекта своей собственной жизни, является основанием для изучения проблемы достижения личностной идентичности в ключе исследования субъектности как проявления активности, способности «...и к развитию, и к интеграции, самодетерминации, саморегуляции, самодвижению и самосовершенствованию» [12; с. 34].

В настоящее время в общей психологии сложились разные научные подходы к проблеме изучения человека как субъекта жизнедеятельности [1, 5, 10]. Вместе с тем, независимо от научных подходов к данной проблеме, исследователи едины в понимании, что «каждый субъект является индивидуальностью», «важной характеристикой субъекта» является «его многоуровневая природа и множественность конкретных проявлений», «важными свойствами субъекта» выступают «целостность, единство, интегральность» [12; с. 318, 319].

В нашем исследовании теоретической основой исследования структурной организации субъектности выступила теория интегральной индивидуальности В.С. Мерлина [9], развиваемая в интегративной психологии развития В.В. Белоус, И.В. Боязитовой [2, 3, 4] и психологии целостной активности субъекта бытия и активности индивидуальности А.А. Волочкова [6] и др.

Методологической основой системного развития структур интегральной индивидуальности выступают положения принципов целостности и интегратизма. Целостное познание человека в теории интегральной индивидуальности В.С. Мерлина базируется на изучении совокупности индивидуальных свойств человека, представляющих собой разные иерархические уровни саморегулируемой системы, обозначенной как интегральная индивидуальность. Сущность научного принципа интегратизма заключается в изучение человека во взаимосвязи и взаимовлиянии разноуровневых свойств большой системы «человек-общество», включая свойства подсистем организма, индивида, личности, социально-психологических свойств, свойств социально-исторической общности. В соответствии с концептуальными положениями теории интегральной индивидуальности, внутриуровневая структура интегральной индивидуальности представлена однозначными связями, межуровневая структура – много-многозначными (полиморфными) связями.

В соответствии со структурой интегральной индивидуальности и с учетом полисистемной организации личностной идентичности, отражающей взаимосвязь индивидуального и социального аспекта идентичности [14; с. 263-266], в работе сделана ставка на изучение структуры субъектности, в аспекте взаимосвязи и соотношения свойств личностного и социально-психологического уровней субъектности. Мы

полагаем, что исследование с позиций поэлементного аналитического и системного подходов взаимосвязи свойств личностного и социально-психологического уровней субъектности, позволит выявить закономерности и механизм достижения устойчивой личностной идентичности в период ранней взрослости.

При определении параметров личностного и социально-психологического уровней субъектности, мы исходили из смысловой сущности личностной идентичности, которая заключается в особенностях взаимосвязи индивидуального и социального аспекта идентичности, «утрата которой разрушает самотождественность личности» [15; с. 49,50].

Рассматривая личностную идентичность через соотношение с коллективной идентичностью, «которые можно условно обозначить как «Я» и «Мы», подчеркивается, что «Мы» представляет собой такую же личностную черту, как и «Я», «главное содержание личностной идентичности состоит в непрекращающемся поиске самого себя в контактах с Иным» (там же).

Личностная идентичность обеспечивает единство и преемственность различных личностных образований, успешность самоопределения в пространстве возможностей и способность осуществлять личностную регуляцию социальной активности, поддерживать и сохранять целостность системы. Личностная идентичность, говоря другими словами, выполняет функцию устойчивости личности и регуляторную функцию.

В нашем исследовании, в соответствии с регуляторным и смыслообразующим функциональным назначением личностной идентичности, личностный уровень субъектности представлен параметрами, связанными с устойчивостью системной организации, «позволяющие субъекту проходить сквозь ситуации неопределенности, достижения и давления» и переменными, сопряженными с успешностью саморегуляции, «позволяющие ... оптимизировать свою деятельность, если сохранение ее первоначального курса затруднено» [8]; социально-психологический уровень субъектности, в соответствии со смысловой сущностью личностной идентичности, характеризуют параметры, сопряженные с системой межличностных отношений и отношений с социумом.

Опираясь на основные положения теории интегральной индивидуальности, мы, в соответствии с целью исследования закономерностей и механизма, обеспечивающих достижение устойчивой личностной идентичности в период ранней взрослости, подошли к решению задач, непосредственно связанных с проведением структурно-психологического анализа и системно-интегративного анализа структур субъектности студентов.

Итак, концептуальные положения системного подхода выступили методологической основой исследования закономерностей и механизма достижения личностной идентичности в период ранней взрослости, устойчивость которой, как мы полагаем, сопряжена со структурной организацией субъектности, которая выражается в степени активности и согласованности разноуровневых свойств субъектности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – Л. : ЛГУ, 1969. – 340 с.
2. Белоус, В.В. Системные основы психологии индивидуальности человека / В. В. Белоус. Монография в 2-х частях. – Пятигорск : ПГУ, 2018. – 225 с.
3. Белоус, В. В. Очерк психологии полиморфной индивидуальности: монография / В. В. Белоус. – М. : Кнорус; Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2016. – 158 с.
4. Боязитова, И. В. Развитие возрастных структур интегральной индивидуальности в онтогенезе: диссертация ... доктора психологических наук: 19.00.07 / И. В. Боязитова. – Пятигорск, 2005. – 311 с.
5. Брушлинский, А. В. Проблемы психологии субъекта / А.В. Брушлинский. – М. : Ин-т психологии РАН, 1994. – 109 с.
6. Волочков, А. А. Активность субъекта бытия: Интегративный подход. / А. А. Волочков. – Пермь : Перм. гос. пед. ун-т, 2007. – 376 с.
7. Иванова, Н. Л. Социальная идентичность и проблемы образования: монография / Н. Л. Иванова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2001. – 228 с.
8. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. – М. : Смысл, 2011. – С. 410.
9. Мерлин, В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности / В. С. Мерлин. – М. : Педагогика, 1986. – 256 с.
10. Никитюк, Б. А. Очерки теории интегративной антропологии / Б. А. Никитюк. – М.-Майкоп: Адыг. гос. ун-т, 1995. – 199 с.
11. Никишина, В. Б. Изменение структуры профессиональной идентичности на разных этапах профессионализации / В. Б. Никишина, Е. А. Петраш // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2009. – № 1. – С. 42 – 47.
12. Психология индивидуального или группового субъекта / под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой. – М. : ПЕР СЭ, 2002. – 370 с.

13. Рябикина, З. И. Личностная идентичность в супружеских отношениях / З. И. Рябикина, А. Р. Тиводар // Человек. Сообщество. Управление. – 2011. – №4. – 28 с.
14. Рябикина, З. И. Личностная идентичность в ситуации изменения системы идентификаций (социо-психологические эффекты украинского разлома) / З. И. Рябикина // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т.3. Вып. 3 (11). С. 263-266.
15. Тучина, О. Р. Идентичность и самопонимание личности / О. Р. Тучина // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 2. – С.14.
16. Waterman, A.S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review / A. S. Waterman // Devel. Psychol. – 1982. – V. 18. – N 3. – P. 341 – 358.

АННОТАЦИЯ

Кондрашова М. В. Методологические аспекты эмпирического исследования взаимосвязи личностной идентичности и субъектности у студентов

В статье представлена методологическая основа исследования закономерностей и механизма достижения личностной идентичности в период ранней взрослости, устойчивость которой сопряжена со структурной организацией субъектности, которая выражается в степени активности и согласованности разноуровневых свойств субъектности.

Ключевые слова: личностная идентичность, личностный уровень субъектности, социально-психологический уровень субъектности, структурно-функционалистский подход, субъектно-бытийный подход.

SUMMARY

Kondrashova M.V. Methodological aspects of empirical research of the relationship between personal identity and agency in students

The article presents a methodological basis for studying the patterns and mechanism of achieving personal identity in early adulthood, with the stability associated with the structural organization of agency, which is expressed in the degree of activity and consistency of the different-level properties of agency.

Key words: personal identity, personal level of agency, socio-psychological level of subjectivity agency, structural and functional approach, subject-being approach.

УДК 159.9

РОЛЬ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОДРОСТКА В ЕГО ПСИХИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Актуальность. Личность, на каком бы этапе своего жизненного пути ни была, имеет потребность в принятии её другими, в позитивных оценках. То есть, каждый человек нуждается в окружении людей, которым он интересен, как личность, которые прислушиваются к его мнению, нуждаются в нем, ценят и уважают. У подростков эта потребность ярко выражена. В современном обществе часто стали наблюдаться такие негативные социальные явления, как алкоголизм, наркомания, преступность, девиантное поведение молодежи, показывающие уход подростка от реальности, проявление бунта, находящегося внутри него, и обращение на себя внимания. В чём же заключается причина? Рассмотрев эту тему подробнее, мы сможем сделать определенные выводы. Это даст нам возможность привнести в общество новые взгляды, а соответственно, и новое отношение к воспитанию растущего поколения. Понимание сути явления – это уже полпути решения проблемы.

Цель работы: рассмотреть и обобщить особенности, касающиеся роли межличностных отношений в психическом развитии подростка, которые определены современной психологией.

В.А. Аверин акцентирует внимание на том, что подростковый возраст отмечается сложностью и важностью происходящих процессов развития в этот период, так как подросток переходит на другой этап жизни. В умственной, нравственной, физической, социальной сторонах развития подростка происходят изменения, и формируются качественно новые образования. Таким образом, подросток постепенно взрослеет, и уже становятся другими отношения с взрослыми, сверстниками, способы социального взаимодействия и т.п.

Установлено, что важнейшие психические новообразования возраста формируются в процессе ведущей деятельности – ведущего типа общения. По Г. М. Бреславу, ведущей деятельностью в подростковом возрасте является самоутверждение, а социальные ситуации развития способствуют взаимодействию подростка с референтной группой [1].

Подростковый возраст называется «переломным», потому что ему свойственны два основных переломных момента в развитии – психофизиологический и социальный. Психологическое состояние подростка напрямую связано с этими основными переломными моментами.

Окончание детства и переход в мир взрослых дает появление развивающегося критического, рефлектирующего мышления в

рассудочной форме, что является определяющим в его психике, а также создающим противоречия в его жизни.

В переходный период подросток переоценивает свои отношения с семьей. Перестраиваются отношений с родителями, в процессе чего происходит переход от детской зависимости к отношениям, строящимся на равном и уважительном отношении друг к другу. Подросток стремится стать личностью и поэтому отстраняется от всех тех, кто все время оказывал на него влияние, и, конечно же, это касается его родителей. Он проявляет негативизм – отрицает любые предложения, суждения, противоречит чувствам тех, от кого отгораживается. Начинается активный поиск подростком собственной индивидуальности и собственного «Я» [1].

Подростковый возраст – это время жизни, когда отношения подростка со сверстниками очень ценны. Общась с теми, кто имеет такие же жизненные навыки, как у него, помогает подростку чувствовать и видеть себя по-новому. Стремление отождествлять себя с себе подобными выявляет важную в общечеловеческой культуре необходимость в друге. Дружба становится значимой ценностью в этом возрасте, и через дружбу подростком усваиваются закономерности взаимодействия людей, такие как взаимовыручка, взаимопомощь, сотрудничество, риск ради другого и т.п. Благодаря дружбе человек может глубже познать другого и самого себя через позитивные ситуации и негативные. Появляется понимание, как глубоко может ранить измена, предательство, отчего подросток стремится к рефлексии.

Как подросток общается, насколько у него есть желание общения, какая мотивация данной деятельности, что влияет на его общительность – всё отражается во внутреннем мире ребенка. В дальнейшем это способствует его успешности или же приводит к одиночеству, переживанию неудачи в деятельности.

Дружба, общение в этом возрасте увеличивают влияние на подростка мнения большинства в его окружении, то есть конформность во взаимоотношениях. В среде сверстников подростки часто конформисты, а в семье – негативисты [4].

Самым ценным и важным психологическим приобретением в подростковом возрасте выступает обнаружение своего внутреннего мира. Появляются вместе с этим проблемы самосознания, а также самоопределения. Подросток находится одновременно в поиске смысла жизни, в познании самого себя, собственных способностей и возможностей, он ищет себя в отношениях с окружающими. Любая информация может способствовать интроспективной деятельности подростка, размышлению о самом себе и собственных проблемах. Открытие собственного внутреннего мира дает осознание собственной индивидуальности, уникальности и неповторимости,

с чем приходит характерное для данного периода чувство одиночества или же «страх одиночества». «Я» подростка – еще расплывчато, неопределенно, оно еще ничем не заполнено, поэтому часто переживается как смутное беспокойство. Из этого следует необходимость в общении и взаимоотношениях с другими людьми, повышается избирательность общения, возникает потребность в уединении.

В подростковый период происходит формирование норм, знаний и умений общения с людьми. Формируются в это время жизни ребенка также способности общения с самим собой. Очень тонко и однозначно он воспринимает ценности справедливости, добра, равенства, ума, которые применяются во взаимоотношениях с взрослыми, сверстниками и в отношении с самим собой. На необходимость общения со сверстниками указывает большинство исследователей. И.С. Кон и ряд других авторов в своих работах показали, что общение выступает как определяющий фактор деятельности подростка. Подросток является частью жизнедеятельности учебного коллектива, он стремится жить общей жизнью с другими людьми и быть её участником.

В процессе овладения нормами подростком, появляется у него проблема нормальности – он хочет быть как все внешне и в поведении. Если окружающие люди характеризуют его ненормальным, то, как правило, вызывают бурю эмоций и проявление болезненных явлений, таких как невротические переживания и депрессии. Подросток оценивает себя через сходство или различие себя с другими людьми [1].

Подростковому возрасту свойственна повышенная тревожность. Подросток может испытывать сильную тревогу по незначительным причинам.

Нельзя обойти тему агрессивности, включающей понятие враждебности. Враждебность подростков заключается в наличии установок, влияющих на принятие и оценивание событий определенным образом.

В виде агрессивного поведения подростков могут проявляться: неблагоприятная обстановка в семье, в школе, возрастной кризис, наследственность, комплекс неполноценности, гормональные нарушения.

Психологические проблемы, появляющиеся в старшем возрасте, нередко имеют зачатки еще в подростковом возрасте.

Исследования показывают, что отсутствие родительской заботы и любви играет основательную роль в развитии агрессивного поведения в подростковом возрасте.

От результата взаимодействия со средой зависит развитие и становление личности человека. Неправильные, некомфортные для

подростка взаимоотношения с окружающими его людьми создают предпосылки к формированию сложности структуры личности подростка и условия для асоциальной направленности поведения. Чувство неудовлетворенности окружающими сказывается на положении личности в обществе. Подросток имеет групповой статус, который зависит от особенностей коллектива и индивидуально-личностных свойств человека [4].

В младшем подростковом возрасте при неудовлетворенности своим положением в системе взаимоотношений может происходить обесценивание желаемого, сублимация, то есть замещение деятельности, погружение в мир фантазий, фрустрация в форме агрессии и ухода [1].

Статусное положение подростка в коллективе влияет на его поведение и самосознание. Поэтому неблагоприятное положение в классном коллективе отрицательно сказывается на формировании личности подростка, появляется у него безразличное или враждебное отношение к одноклассникам. Подросток может по-разному реагировать на сложившуюся неблагоприятную для его развития ситуацию. Старшие подростки могут проявлять свое негативное отношение к взрослому в форме отказа (неподчинение требованиям), оппозиции (демонстративные действия негативного характера), реакции изоляции (стремление избежать нежелательных контактов) [4].

Одной из основных причин появления девиантного (социально опасного) поведения является несоответствие значимости сфер общения возрастным особенностям подростка, удовлетворяющего свою потребность общения в трех основных сферах: семье, группах организованного и свободного общения.

Огромную важность имеет отношение подростка с родственниками, с которыми он живет. Неблагоприятное воздействие со стороны взрослых, частые внутрисемейные конфликты являются одной из причин нарушенного эмоционального равновесия, задержкой психического развития [2]. В семьях, где отсутствуют эмоциональные отношения между родителями и детьми, подростки не чувствуют себя нужными, защищенными и отрицательно относятся к семье. Такая семейная обстановка способствует разным видам отклонений в поведении и препятствует развитию личности. Подросток не хочет контактировать ни с родителями, ни с другими взрослыми. Таким образом, внешняя среда, несемейное окружение становится основным источником, откуда подросток получает информацию о различных сторонах жизни [1]. Взаимодействия подростка с товарищами по группе, которую он себе выбрал, определенным образом влияют на формирование его характера, развитие его творческих способностей, на формирование его личности [2].

По проведенным исследованиям межличностных отношений подростков, воспитывающихся в полных благополучных семьях, было выявлено, что дети общительны, дружелюбны, склонны к сотрудничеству, компромиссу, гибкости в конфликтных ситуациях и при решении проблем, стремятся к согласию с окружающими, придерживаются правил поведения в отношениях с людьми; стремятся помогать, проявляют теплоту в отношениях, являются инициаторами в достижении целей группы, заслуживают внимание и любовь, чувствуют себя в центре внимания.

Исследования свидетельствуют, что подростки из неполных семей в большей степени – неуверенные в себе, тревожные, зависимы от чужого мнения, испытывают дисгармонию в межличностных отношениях, противоречивы в отношениях со сверстниками, но при своей осторожности и избирательности активно ищут общение с людьми, получая от этого положительные эмоции [3].

У подростков, воспитывающихся в детском доме, в отношениях с окружающими наблюдается навязчивость. Подростки имеют большую потребность в любви и внимании, весь мир они разделяют на «чужих» и «своих», взаимоотношения их поверхностные, поспешные и беспокойные. С одной стороны, такие дети требовательны, склонны во всем обвинять окружающих, с другой – очень не уверены в себе, имеют навязчивые страхи. Такие подростки при встрече с незнакомыми людьми переживают внутренний конфликт между стремлением к людям и уходом от них [3].

Вывод. Можно сказать, что межличностные отношения играют основополагающую роль в развитии личности подростка. Благодаря межличностным отношениям подросток включается в систему общественных отношений. В случае нарушения взаимоотношений подростка с окружающими его людьми, появляются предпосылки асоциальной направленности поведения. Без сомнения, для подростка обязательно общение со сверстниками, ведь оно является основной ведущей деятельностью на данном этапе развития и оказывает большое влияние на психическое развитие индивида. Ребенок, оказавшись в сложившейся жизненной ситуации, которая препятствует его нормальному личностному, психическому развитию, в первую очередь, нуждается в помощи взрослых, ведь только они в силах, повлияв на ситуацию определенным образом, помочь подростку войти в благоприятные отношения с окружающими людьми. Правильно строя отношения со своими детьми, показывая им хороший образец во всем, родители вкладывают в ребенка уверенность в себе, хорошее отношение к людям, доверие к миру, доброжелательность и любовь. Не только родители играют такую

важную роль, но и все взрослые, окружающие подростка. Поэтому задачей современной психологии, современного общества является формирование у людей правильного понимания и отношения к воспитанию растущего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверин, В. А. Психология детей и подростков : учеб. пособие / В. А. Аверин. – СПб. : Питер, 2008. – 356 с.
2. Бреслав, Г. М. Агрессия у детей и подростков / Г. М. Бреслав. – СПб. : Речь, 2004. – 334 с.
3. Великова, С. А. Межличностные отношения подростков, воспитывающихся в различных условиях: учеб. пособие / С. А. Великова; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2018. – 104 с.
4. Дондарова, Ж. К. Психология подростка: трудный возраст от 11 до 18 / Ж. К. Дондарова. – СПб. : Прайм – Еврознак, 2006. – 480 с.

АННОТАЦИЯ

Моцкувене Наталья Сергеевна. Роль межличностных отношений подростка в его психическом развитии

В статье рассматриваются психологические особенности подросткового возраста, особенности межличностных отношений подростков, воспитывающихся в полной благополучной семье, в неполной семье и воспитывающихся в детском доме, влияние межличностных отношений на психическое развитие, на становление личности подростка.

Ключевые слова: подростковый возраст, общение, межличностные отношения, психическое развитие.

SUMMARY

Motskuvene N.S. The role of an adolescent's interpersonal relations in the mental development

The article examines the psychological characteristics of adolescence, the peculiarities of interpersonal relations of adolescents, brought up in a complete and happy family, in an incomplete family and in an orphanage, as well as influence of interpersonal relations on mental development and on formation of the personality of a teenager.

Key words: adolescent, adolescence, communication, interpersonal relationships, mental development.

УДК 159.923.2:159.922.8"36"(045)

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ
В ПЕРИОД МОЛОДОСТИ В УСЛОВИЯХ
ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ**

Раскрывая тему формирования личности в период молодости, проживающей в условиях экстремальной социогенной ситуации, актуально определить психологические особенности данного возрастного периода, определить возрастные рамки. Проанализировав данные периодизаций различных психологов, мы можем сделать вывод о том, что понятие «молодость» в психологии не является официально признанным возрастным периодом. Несмотря на то, что молодежь – это в некоторой степени конкретно-историческое явление, и в каждой стране в зависимости от уровня ее развития, культуры или традиций свое понятие и представление о данной группе общества. «Всемирная программа действий в интересах молодежи Организации Объединенных Наций определяет молодежь как людей в возрасте от 15 до 24 лет» [8, с. 22]. В своей работе релевантными границами для исследования респондентов мы выбрали возраст от 18 до 35 лет. Данный выбор обосновывается исследованиями Э. Шпрангера, который утверждал, что среди новообразований юношеского периода выделяется развитие рефлексии, осознание своей уникальности и индивидуальности. Личность в данном возрасте осознанно способна принять, отторгнуть или адаптировать ценности к собственному мировоззрению. Период от 18 лет отличается временем получения образования, профессиональной подготовки, а в дальнейшем – реализацией своих умений, творческого и профессионального потенциала. Данный возрастной период отличается тем, что молодежь строит жизненные планы, в которые включается получение образования, освоение профессии, построение карьеры, создание брачно-семейных уз. Период молодости плавно переходит к периоду зрелости [10, с. 140]. Отмечается и изменение к самой личности со стороны общества. Человек подводит итоги, соотносит достигнутое к настоящему моменту с поставленными еще в юности целям [1, с. 79].

В своем исследовании мы хотели бы учесть и юридический аспект в определении возрастных границ периода молодости. Так, подписанный президентом Российской Федерации В.В. Путиным Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 25 декабря 2020 года постановляет считать молодежью социально-демографическую группу лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно [6]. Поэтому, основываясь на анализе возрастных периодизаций, существующих на сегодняшний день в науке, а также принимая во внимание юридический

и социальные аспекты положения данной группы лиц в обществе, мы проводим исследование на респондентах, в возрасте от 18 до 35 лет включительно, считая их молодежью.

Таким образом, мы считаем, что выбранный нами возрастной период наиболее четко отвечает запросу к исследованию особенностей формирования ценностных ориентаций молодежи, проживающей в условиях экстремальной социогенной ситуации, так как «...смысложизненные ориентации данного периода определяют позицию личности, придавая смысл жизни человека на всех этапах онтогенеза» [1, с. 84].

Говоря о молодежи Донецкого региона, мы можем отметить, что социальная ситуация их развития, кроме нормативных явлений, характеризовалась ненормативными событиями, сопровождающиеся фрустрацией и посттравматическим стрессом, пережитыми ими в период военных событий, которые длятся на территории ДНР с 2014 года. Эти и другие экстремальные факторы, связанные с вооруженным конфликтом, могли наложить отпечаток на ценностные ориентации молодежи. Во времена напряженных событий в обществе ценностные ориентации человека подвергаются существенным изменениям, и происходит так называемый «беспорядок ценностных ориентаций» [4, с. 81].

Опираясь на психологические и поведенческие реакции молодежи на кризис ценностей, можно выделить определенные типологические группы:

I группа – молодые люди, стремящиеся к созданию собственной группы в рамках новых ценностей. Они только внешне приспосабливаются к новым ценностям, полагаясь на возможность возвращения к доминирующему положению предыдущего строя.

II группа – объединяет молодых людей, которые признают факт распада старой ценностной системы, но тем не менее не стремятся к консерватизму в вопросе данных ценностей и склонны к изменению при условии полной сохранности ценностного ядра.

III группа – представляет группу молодых людей, негативно настроенными по отношению к прошлому. Молодежь данной группы демонстрируют нетерпимость ко всем ценностным ориентирам, кроме собственных. Представители данной группы стремятся строить новое общество, с новой системой ценностей.

IV группа – крайне радикально настроенная группа людей. Они пытаются найти возможность конструктивного влияния на большую часть общества на основе «новых ценностей», образовавшихся вследствие духовного и идеологического вакуума.

V группа – это молодежь, для которой кризис ценностей выражается в полном разрушении. Такие люди находятся в состоянии фрустрации, так как разрушено смысловое ядро личности [7].

Так, мы видим, что молодежь – это особая социальная группа, отличающаяся тем, что она находится в процессе формирования своей социальной личности, раскрытия и реализации своего социального потенциала [3, с. 67]. Изучение ценностных ориентаций молодого поколения, а также особенностей развития их мировоззрения, вследствие влияния различных факторов на их психологическую природу, позволяет предусмотреть социальные явления и процессы, а также будущее общества в целом.

Шакеева Ч. А. в своих учениях делала акцент на значимом влиянии общественно-политической ситуации на структуру ценностных ориентаций молодежи. По мнению исследователя, изменениям подлежат, в первую очередь, ценности, относящиеся к нравственной сфере личности [11, с. 176].

Нестабильная социально-политическая ситуация выступает определяющим фактором, который также негативно отражается на психологическом состоянии молодежи, в данных условиях «...мораль борьбы за выживание пересиливает мораль социальной солидарности, когда в молодежной среде приемлются и обретают привычность явления насилия, утрачивается чувство психосоциального оптимизма» [2]. Такие условия возвращают в сознание молодежи благоприятную среду для формирования враждебности, девиантных форм поведения, а также приводят к нарушению гармоничного взаимодействия личности молодого человека с социумом. Одним из вариантов успешного выхода молодежи из тяжелой ситуации является их включение в активную социальную жизнь [7, с. 73]. Объясняя подобные психологические особенности молодежи, проживающей в условиях экстремальной социогенной ситуации, обратимся к мнению практического психолога, очевидца военных событий на Донбассе Складенко О. Н., которая в своем исследовании дает свое видение данной ситуации: «На определенном этапе жизни человек как личность, длительно пребывая в экстремальных условиях, начинает воспринимать их как обыденные, стараясь не растрчивать ресурсы на негативное реагирование проблемной ситуации. Развивается *ресурсный потенциал*, смещающий акценты в сторону пересмотра жизни, дающий возможность появления новых смыслов, построения новых жизненных перспектив, нестандартного решения проблемных ситуаций...» [9, с. 139-140].

Таким образом, мы можем сделать вывод о необходимости формирования личностных и поведенческих качеств саморегуляции молодежи в условиях нестабильной социально-политической ситуации с целью сохранения позитивного вектора развития в рамках системы ценностных ориентаций. Основными задачами, способствующими психологической

поддержке молодежи в экстремальных условиях являются: «... развитие способности к самоанализу, повышение представлений о ценности самого себя и других людей, развитие умения достигать поставленной цели, воспитание умения адекватно реагировать в различных чрезвычайных ситуациях, обучение конструктивным способам управления эмоциональным состоянием, формирование способности анализировать и адекватно оценивать своё состояние» [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Баксанский О. Е. Психологические особенности развития личности в период молодости / О. Е. Баксанский, А. В. Сокробогатова // Образовательные технологии (г. Москва). – 2020. – №2. – С. 77-86. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-razvitiya-lichnosti-v-period-molodosti-1>
2. Гафиатулина Н. Х. Социальное самочувствие молодежи в условиях рискогенности российского общества // Социальное здоровье российской молодежи в эпоху глобализации : монография / Н. Х. Гафиатулина, Н. П. Любецкий, С. И. Самыгин; под ред. П. С. Самыгина. – Москва : РУСАЙНС, 2018. – 236 с.
3. Громов Д.В. Молодежь: конструирование экстремальности / Д. В. Громов // Мужской сборник. Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации / Сост. И. А. Морозов. – М.: Индрик, 2007. – С. 67.
4. Данишевская Г. А. Россия между традиционализмом и модернизмом: проблемамассового нравственного идеала / Г. А. Данишевская // Вестник Московского университета. – 1994. –Т. 12. – №. 1 – С. 81.
5. Елисеева А. П. Особенности поведения студенческой молодежи при возникновении чрезвычайных ситуаций / А. П. Елисеева, М. С. Платонова // МНКО. – 2018. – №5 (72). – С. 351-353.[Электронный ресурс] – Режим доступа. –URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-povedeniya-studencheskoy-molodezhi-pri-vozniknovenii-chrezvychaynyh-situatsiy>
6. Законопроект № 993419-7 «О молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/993419-7>
7. Личность в экстремальных условиях икризисных ситуациях жизнедеятельности: Сборник научных статей III Международной научно-практической конференции / Под

- ред. Р. В. Кадырова. – Владивосток : Морской государственный университет, 2014. – 376 с.
8. Радченко А. Ф. Молодежь и ее возрастные границы / А. Ф. Радченко // Социология власти. –2012. – №3. – С. 19-29. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-i-ee-vozzrastnye-granitsy>
 9. Скляренко О. Н. Психологическое содержание жизнедеятельности личности жителей Донбасса в экстремальных условиях вооруженной агрессии // Развитие личности. –2018. – №4. – С. 139-140. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-soderzhanie-zhiznedejatelnosti-lichnosti-zhiteley-donbassa-v-ekstremalnyh-usloviyah-vooruzhennoy-agressii>
 10. Хилько М. Е. Возрастная психология : краткий курс лекций / М. Е. Хилько, М. С. Ткачева. – М. : Юрайт, 2014. – 200 с.
 11. Чолпонкулова Н. Т. Ценностные ориентации студенческой молодежи в посткризисный для Кыргызстана период (2010-2011 гг.) / Н. Т. Чолпонкулова // Вестн. Сам. гос. техн. ун-та. Сер. Психолого-педагогич. науки. – 2018. – №2 (38). – С. 176. [Электронный ресурс] – Режим доступа. –URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-studencheskoy-molodezhi-v-postkrisisnyy-dlya-kyrgyzstana-period-2010-2011-gg>

АННОТАЦИЯ

Никулина Алевтина Александровна. Особенности формирования личности в период молодости в условиях экстремальной ситуации

В статье представлены особенности формирования личности в период молодости в экстремальных условиях. Поднимаются вопросы о воздействии экстремальной ситуации на развитие человека, его ценностных ориентаций. Раскрываются особенности психологической природы человека в период молодости.

Ключевые слова: ценностные ориентации, личность, экстремальная ситуация.

SUMMARY

Nikulina A.A. The features of personality forming during the youthful period in an extreme situation

The article highlights the main features of forming personality during the youthful period in an extreme situation. The article raises an issue of impact of extreme situation on the human development and its value-based orientations. We have also revealed the features of psychological human nature during the youthful period.

Key words: value orientations, personality, extreme situation.

УДК 159.9

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ
ПЕРЕЖИВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ
ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ**

Актуальность. Исторический период ХХI в. характеризуется резким увеличением числа экстремальных факторов и личностных угроз, сопровождающих жизнедеятельность людей в современном мире. При этом особенно возрастает удельный вес экстремальных факторов антропогенного характера, к которым относятся военные действия, межэтнические конфликты, теракты, захват заложников и др. Опыт многочисленных трагических событий последнего времени показывает, что люди неодинаково воспринимают, реагируют, переживают и ведут себя в ситуациях экстремального характера. В связи с этим возникает вопрос об индивидуально-психологических особенностях личности, оказывающих влияние на степень воздействия экстремальной ситуации на человека, выбор им форм и стратегий поведения, характер его адаптации к экстремальной ситуации и после нее, и другие факторы, обеспечивающие, в конечном счете, сохранение психического здоровья.

В этой связи чрезвычайно актуальной выступает проблема изучения переживания личности – как в контексте решения фундаментального вопроса гуманитарной науки о причинах и механизмах человеческого поведения, так и в контексте исследования индивидуально-психологических особенностей переживания личности в экстремальной ситуации, в частности ситуации военного конфликта в Донбассе.

Целью статьи является осуществление обзора научных философско-психологических подходов к изучению категории переживания, а также теоретического анализа проблемы переживания личности в контексте экстремальной ситуации.

Основные научные подходы к исследованию категории переживания в современной психологии. Основы научного изучения феномена переживания, как и большинства других базовых понятий современного человекознания, берут свое начало в философском дискурсе. В связи с этим анализ исследований, посвященных разработке категории переживания, нам представляется необходимым начать с краткого обзора соответствующих представлений в русле философии. Среди основных философских концепций Нового Времени, уделяющих значительное внимание изучению проблемы переживания, следует выделить: философию В. Дильтея, согласно которой переживания выступают механизмами, синтезирующими человеческую психику в единое целое и включающими ее в историко-культурный континуум; концепцию А. Бергсона, в которой переживание понимается как способ осуществления жизненного бытия личности; экзистенциально-

теологическое учение С. Кьеркегора, в котором экзистенциальное переживание отождествляется с подлинной духовностью и соответствует высшему уровню личностного развития; феноменологическая концепция Э. Гуссерля, в которой переживание понимается как отражение в сознании жизненного мира; философско-психологическое идеи Г. Г. Шпета относительно ведущей роли эстетического переживания в процессе духовного становления личности, получившие дальнейшее развитие в трудах многих отечественных ученых, и в экзистенциально-гуманистической психологии в частности [12] и др.

В психологической науке категория переживания рассматривается преимущественно в двух аспектах: переживание как аффективная активность, как компонент эмоционально-чувственной сферы личности; переживание как особый вид деятельности, направленный на преодоление человеком определенных жизненных ситуаций – в рамках деятельностного подхода к изучению личности.

На наш взгляд наиболее глубоко и продуктивно проблема переживания разработана в отечественной психологии XX-XXI вв., для которой в целом характерна тенденция подчеркивать значимость категории переживания в онтологии психической жизни человека. Соответствующие идеи представлены в концепциях С. Л. Рубинштейна, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Б. М. Теплова, Ф. В. Бассина, Ф. Е. Василюка, Д. А. Леонтьева.

Так, С. Л. Рубинштейн рассматривает переживание с позиций единства субъективного и объективного компонентов сознания, подчеркивая личностный, субъективный характер переживания как значимого события индивидуальной внутренней жизни человека [18].

Л. С. Выготский разрабатывает категорию переживания как в контексте психологической проблематики психологии искусства, изучая «эстетическую реакцию» и переживания человека при восприятии произведений литературы в контексте «знакового общения» с произведениями искусства, так и более широко – в рамках культурно-исторической теории развития психики, согласно которой переживание является основной динамической единицей сознания, представляющей все основные свойства психической жизни. Переживание понимается как внутреннее отношение человека к определенному моменту действительности, таким образом, в переживании выражается единство личности и среды [6]. В рамках нашего исследования важно отметить, что данный тезис Выготского о целостности человеческой психики через переживание чрезвычайно значим для описания принципа развития личности как преобразования собственного опыта в кризисных ситуациях [8].

Параллельно и независимо от научных изысканий Л. С. Выготского, идеи о культурно-исторической обусловленности психики и о взаимосвязи понимания и переживания в сознании человека развивались в работах

Б. М. Теплова. Тема переживания разрабатывалась ученым в контексте исследования специальных способностей и рассматривалась в качестве главной категории психологического изучения личности, выступающей основной единицей ее построения и развития. В основе концепции Б. М. Теплова – понятие эмоционального эстетического переживания личностью внутренней формы художественного произведения. В этой связи переживание трактуется автором как культурно-исторический феномен, представляющий духовную культуру в психической «ткани» личности [14].

А. Н. Леонтьев разрабатывает представления о переживании главным образом в контексте своей деятельностной концепции личностного смысла, одним из центральных вопросов которой является вопрос о единстве внешнего и внутреннего в человеческой личности. Переживание рассматривается ученым как своеобразное состояние субъекта, вторичное образование по отношению к деятельности, которая и обуславливает качественную определенность переживания личности. Таким образом, в данной диалектике взаимосвязи переживания и деятельности ведущей является деятельность и, соответственно, именно в деятельности, а не в переживании, осуществляется единство внутренней и внешней сторон личности, единство личности и среды. Вместе с тем, А. Н. Леонтьев подчеркивает важную роль переживания в реализации принципа интериоризации внешних событий, а также в процессе обучения действиям от других [9]. Положения деятельностного подхода А. Н. Леонтьева имели принципиально важное значение для дальнейшей разработки категории переживания в работах Ф. В. Бассина, Ф. Е. Василюка, Б. С. Братуся, Д. А. Леонтьева и др.

Представления о переживании, разрабатываемые в работах Ф. В. Бассина вне деятельностного подхода, тем не менее, достаточно созвучны идеям концепции личностного смысла А. Н. Леонтьева. Ф. В. Бассин вводит термин «значащие переживания», под которыми понимает принципиально неформализуемые психологические реальности, имеющие смысловую природу. По сути данное определение интегрирует в себе понятия переживания и смысла. По мнению Ф. В. Бассина, смыслы как таковые не существуют как психологическая данность непосредственно, в «чистом» виде, их психологической формой являются переживания. Поэтому именно «значащие переживания», но не смысл как таковой, должны выступать в качестве основного предмета психологической науки [2]; [3].

Ф. Е. Василюк, анализируя основные положения концепции Ф. В. Бассина, подчеркивает, что принципиально важное значение в ней имеет идея о способности переживания производить реальные, жизненно важные изменения в сознании человека. Данная идея получила дальнейшее масштабное и фундаментальное развитие в исследованиях самого Ф. Е. Василюка. В этой связи

необходимо отметить, что категория переживания в контексте нашего исследования рассматривается как особая форма активности, возникающая в трудной жизненной ситуации, проявляющаяся в преобразовании психологического мира личности и направленная на переосмысление ее существования.

Методологической основой такого понимания категории переживания являются работы Василюка Ф. Е., который выделил данную категорию как особый предмет теоретических исследований и методических разработок в контексте деятельностного подхода. В этом смысле переживание понимается как особая деятельность, как активный, результативный внутренний процесс, преобразующий психологическую ситуацию и направленный на преодоление человеком критических жизненных ситуаций. Специфика данной деятельности определяется, прежде всего, особенностями жизненных ситуаций, ставящих личность перед необходимостью переживания.

На основе теоретического и методологического анализа категории переживания автор выделяет типы критических ситуаций (стресс, фрустрация, конфликт, кризис) и описывает для каждого из них специфическое категориальное поле, характеризующееся особыми условиями жизнедеятельности, типом активности личности и ее внутренней необходимостью [5].

В контексте исследования проблемы переживания личности в критической, экстремальной ситуации, особое значение имеет разработанная Ф. Е. Василюком типологизация «жизненных миров» и соответствующего им переживания: гедонистического, реалистического, ценностного и творческого. Критерием классификации указанных типов переживания выступает отношение человека к событию, вызвавшему критическую ситуацию, и к актуализированной этим событием жизненной необходимости. Данная типология, являясь результатом, прежде всего теоретического, научно-понятийного анализа категории переживания-деятельности, имеет и выраженную прикладную направленность, которая заключается в том, чтобы помочь человеку выбрать оптимальный принцип переживания конкретной критической ситуации.

Особый подход к изучению проблемы личности реализуется в экзистенциальном направлении в психологии и философии, которое часто рассматривается в качестве теоретического основания кризисной психологии, тесно связанной с проблемой существования и переживания личности в экстремальной ситуации [1]; [4]; [7]; [13]. Важное значение в экзистенциальном направлении уделяется ненормативным ситуациям, в которых человек сталкивается с угрозой жизни, безопасности, ценностям и убеждениям. Факторы экстремальности, выделенные

современной психологической наукой, тесно связаны с содержанием основных экзистенциальных конфликтов:

- наличие объективной опасности, непосредственной угрозы жизни и здоровью человека, его личностным смыслам и ценностям;
- неожиданность, внезапность наступления экстремальной ситуации, отсутствие в социальном опыте личности готовых стереотипов реагирования на возникшие экстремальные обстоятельства;
- событийный статус ситуации на жизненном пути личности и др. [15]; [16]; [17].

Выраженную экзистенциально-гуманистическую направленность, на наш взгляд, имеют современные отечественные теории личности, в русле которых разрабатывается и категория переживания. Одной из наиболее разработанной и содержательной нам представляется концепция Д. А. Леонтьева, в которой переживание включено в проблематику исследования смысловой сферы личности.

Центральной категорией концепции деятельности психологии смысла Д. А. Леонтьева является понятие смысла как наиболее глобального и фундаментального психологического образования. Так, по мнению Д. А. Леонтьева смысл жизни – это психологическая реальность независимо от того, в чем конкретно человек видит этот смысл; в феноменологическом аспекте его можно определить как более или менее адекватное переживание интенциональной направленности собственной жизни [11]. Исследователи отмечают, что жизнь любого человека объективно имеет смысл, но он не обязательно осознается в любой момент жизни (В. Г. Асеев, Б. В. Зейгарник, Б. С. Братусь Д. А. Леонтьев). Смысл жизни становится важнейшим фактором существования личности в определенных жизненных ситуациях, которые ставят перед человеком задачу на осознание смысла своей жизни. Такими ситуациями, актуализирующими смысл жизни и оказывающими решающее влияние на формирование смысловой концепции личности в целом, выступают экстремальные ситуации («пики переживаний» – по Маслоу, «критические ситуации» – по В. Франклу, «переживания» – по Ф. В. Василюку).

Категории смысла жизни и переживания тесно связаны с основными составляющими экзистенциального уровня личности – ответственностью, свободой и духовностью, которые определяются как формы и способы существования личности. С другой стороны, индивидуальные психологические составляющие внутреннего мира личности – мотивы, потребности, отношения, установки, аттитюды, диспозиции, конструируются, ценности, направленность – являются по сути источниками и носителями значимых для человека смыслов и связанных с ними переживаний. В их форме в личности человека выражены все смыслы, образующие основу его внутреннего

мира, определяющие динамику его эмоций и переживаний, формирующие его картину мира и мировоззрение [10].

Выводы. Таким образом, категория переживания личности в экстремальной ситуации рассматривается как особая психическая деятельность, направленная на преобразование психологической картины и преодоление человеком критических жизненных обстоятельств. Содержание основных экзистенциальных конфликтов тесно связано с сущностью и характером экстремальных ситуаций, в которых человек сталкивается с угрозой жизни, безопасности, ценностям и убеждениям, что делает экзистенциальный анализ действенным профилактическим, коррекционным и терапевтическим средством. Современные научные подходы в области психологии жизнедеятельности личности в экстремальных условиях ориентированы на изучение возможностей личностного роста и духовного совершенствования человека, на определение ресурсной, конструктивной составляющей опыта, приобретаемого личностью в экстремальной ситуации. Целенаправленное формирование таких «действенных» свойств и характеристик личности в процессе профилактических, коррекционных занятий, тренингов и других психологических мероприятий, являются значимым психологическим ресурсом защиты и сохранения психического здоровья населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы кризисной психологии. Сб. науч. тр. // Л. А. Пергаменщик. – М. : НИО, 1999. – 188 с.
2. Бассин, Ф. В. О развитии взглядов на предмет психологии / Ф. В. Бассин // Вопросы психологии. – 1971. – № 4.
3. Бассин, Ф. В. К развитию проблемы значения и смысла / Ф. В. Бассин // Вопросы психологии. – 1973. – № 6.
4. Бондаренко, А. Ф. Психологическая помощь: теория и практика / А. Ф. Бондаренко. – [изд. 3-е, испр. и доп.]. – М. : Независимая фирма «Класс», 2001. – 336 с.
5. Василюк, Ф. Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций / Ф. Е. Василюк. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
6. Выготский, Л. С. Психология / Л. С. Выготский. – М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 1008 с.
7. Дружинин, В. Н. Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии / В. Н. Дружинин. – М. : ПЕРСЭ; СПб. : ИМАТОН: М. – 2000. – 79 с.
8. Иванова, И. В. Сравнительный анализ подходов к проблеме переживания в отечественной психологии XX

- века / И. В. Иванова, М. М. Кончаловская // Категория переживания в психологии и философии. – М. : Прометей, 2004. – С. 229–260.
9. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1975. – 304 с.
 10. Леонтьев, Д. А. Очерк психологии личности / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1993. – 43 с.
 11. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – [2-е изд, испр.]. – М. : Смысл, 2003. – 487 с.
 12. Марцинковская, Т. Д. Категория переживания в психологии и философии / Под ред. Т. Д. Марцинковской. – М. : Прометей, 2004. – 456 с.
 13. Орлов, А. Б. Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики / А. Б. Орлов. – М. : Издательская корпорация «Логос», 1995. – 224 с.
 14. Петровский, А. В. Основы теоретической психологии / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. – М. : ИНФРА-М, 1998. – 528 с.
 15. Правдина Л. Р. Психология экстремальных ситуаций. Учебное пособие / Л. Р. Правдина, О. С. Васильева. – Ростов-на-Дону, 2007. – 149 с.
 16. Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных / Под общей ред. Ю. С. Шойгу. – М. : Смысл, 2007. – 319 с.
 17. Рогачева, Т. В. Психология экстремальных ситуаций и состояний. [Учеб. пособие] / Т. В. Рогачева, Г. В. Залевский, Т. Е. Левицкая. – Томск : Издательский Дом ТГУ, 2015. – 276 с.
 18. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2002. – 720 с.

АННОТАЦИЯ

Новикова Наталья Владимировна. Психологический анализ проблемы переживания личности в контексте экстремальной ситуации

В статье представлен обзор научных философско-психологических подходов к изучению категории переживания, а также осуществлен теоретический анализ проблемы переживания личности в контексте экстремальной ситуации. Подчеркивается значимость экзистенциально-гуманистического подхода к проблеме переживания личности в экстремальной ситуации. Рассмотрены основные положения психологии переживания в работах Ф. Е. Василюка, концепции деятельности психологии смысла Д. А. Леонтьева, а также в работах др. отечественных

психологов.

Ключевые слова: переживание, экстремальная ситуация, стресс, фрустрация, конфликт, кризис, смысл жизни.

SUMMARY

Novikova N.V. The psychological analysis of the problem of personal experience in the context of an extreme situation

The article presents an overview of scientific philosophical and psychological approaches to the study of the category of experience, as well as a theoretical analysis of the problem of experiencing an individual in an extreme situation. We have underlined the importance of the existential and humanistic approach to the problem of a personal experience in an extreme situation. We have also considered the basic provisions of the psychology of experiencing in the works of F. Ye. Vasilyuk, the concept of the activity psychology of meaning by D. A. Leontyev, as well as in the works of other Russian psychologists.

Key words: experience, extreme situation, stress, frustration, conflict, crisis, meaning of life.

*Передера Ангелина Олеговна
г. Горловка, ДНР*

УДК 159.9

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Актуальность данной темы основывается на сохраняющейся нестабильной ситуации в сфере эпидемиологической и социально-экономической ситуации. В ходе наблюдения за происходящим в мире, можно говорить, что риск заражения COVID-19 создал серьезную угрозу для психического здоровья. В связи с этим следует обратить внимание на жизнестойкость личности как необходимость уточнения представлений о детерминации психологических проблем, обусловленных социально-стрессовым воздействием пандемии COVID-19. Подобные процессы не могли не отразиться на субъективной картине мира и жизненном пути личности.

В ходе развития пандемии и ответных мер по ее преодолению возникли специфические стрессоры, оказывающие негативное влияние на жизнестойкость личности. К таким стрессорам относятся:

- 1) беспрецедентная потенциально угрожающая жизни ситуация с неопределенной продолжительностью;
- 2) высокий риск заболеть самому и ухаживать за членами семьи;
- 3) неспецифические симптомы инфекции (например, повышение температуры), неопределенный инкубационный период и возможная

бессимптомная передача; недостаточное понимание путей передачи вируса;

4) широкомасштабные карантинные меры, основным компонентом которых является вынужденная самоизоляция;

5) неустойчивый информационный фон с переизбытком противоречивой информации;

6) неопределенность, связанная с влиянием коронавирусной инфекции на экономическую ситуацию в целом и на семейный или личный бюджет в частности.

При этом некоторые группы населения оказываются более уязвимыми к психологическому стрессу, ассоциированному с данным вирусным заболеванием. Можно выделить группы риска развития, обусловленные различными факторами влияния пандемии на жизнестойкость личности:

а) пожилые люди, не болеющие COVID-19;

б) ранее психически здоровые люди, заболевшие COVID-19;

в) родственники, коллеги, соседи или вынужденно ухаживающие за заболевшими COVID-19 лица;

г) врачи, медицинские сестры, работающие с больными COVID-19.

В России, по данным М. Ю. Сорокина и соавторов (2020), которые провели анкетирование 688 людей, было выявлено помимо традиционных групп населения, считающихся уязвимыми в отношении тревожных реакций (страдающих аффективными и соматическими заболеваниями), гораздо более широкие слои населения, демонстрирующие различные превалирующие типы опасений, связанных с COVID-19 [8]. Так, женщины чаще мужчин обеспокоены отсутствием в продаже индивидуальных средств защиты, а также опасаются за собственную жизнь. Более склонны опасаться изоляции холостые и незамужние участники исследования, безработные и трудоустроенные в государственных учреждениях. Существенно реже сюжет тревожных опасений по поводу риска изоляции встречается среди респондентов, имеющих высшее образование или ученую степень, а также лиц старше 31 года. Для категории участников опроса старше 60 лет характерна большая склонность опасаться материальных трудностей, возможных на фоне развития пандемии [8].

Важным ресурсом самопомощи признается возможность общения с природой для восстановления своего душевного состояния в период пандемии коронавируса. Таким образом, наличие возможности человека обратиться к внутренним (в том числе, к своей жизнестойкости) и внешним ресурсам, использовать оптимальные копинг-стратегии, социальную поддержку даёт возможность для более благоприятного прохождения стрессового периода жизни в ситуации пандемии.

Важно отметить связь коронавируса и жизнестойкость личности. Можно говорить, что страх человека заразиться коронавирусом и воспринимаемые им риски при контакте с заболевшим COVID-19 ниже, чем выше их жизнестойкость, что подтверждается фактором защиты психологического здоровья личности в период пандемии. На основании этого можно сделать вывод, что пандемия не оказывает влияние на жизнестойкость личности в том случае, когда находится на высоком уровне, что является способностью личности выдерживать стрессовые ситуации, сохраняя при этом внутреннюю сбалансированность.

Современные исследователи жизнестойкости описывают ее не только как психологический ресурс личности, но и как часть особого личностного конструкта «резилентности» (Д.А. Леонтьев). Жизнестойкость личности способствует преодолению отчуждения и описывается как личное отношение, которое помогает эффективно справляться со стрессовыми обстоятельствами, принимая их как часть жизни, делая их менее стрессовыми [4, с. 90]. Согласно основоположнику самого понятия жизнестойкости С. Мадди, она состоит из трех компонентов: вовлеченность (включенность, обязательства); контроль; принятие риска (вызов). Человек, который является жизнестойким, рассматривает потенциально стрессовые события как значимые и интересные (вовлеченность), видит себя способным изменить эти события (контроль) и использует изменения как возможность для роста (принятие риска) [3, с. 63].

В ситуации пандемии вируса COVID-19 наиболее важен третий компонент «принятие риска» (Д.А. Леонтьев) [7, с. 108]. «Принятие риска» помогает человеку оставаться открытым окружающей среде и обществу, это убежденность человека в том, что все, что с ним случается, способствует его развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта, как позитивного, так и негативного [6, с. 95].

Наряду с этим отмечается конструктивная роль препятствий на пути развития жизнестойкости – *конструктивная фрустрация*. Столкновение со смертью – это стимул для личностного развития и обретения философии жизни, то есть для укрепления жизнестойкости. В ситуации произошедшей травмы жизнестойкий человек полагает, что он имеет возможность учиться как на позитивных, так и на негативных переживаниях своего опыта, что он способен найти новый путь, пройдя по которому он обнаруживает смысл произошедшего события.

Анализ исследований жизнестойкости позволяет говорить о значимости данного личностного конструкта в жизни каждого человека для преодоления стрессов, тревоги, для повышения уровня жизни, становления благополучия с опорой на свое творческое «начало», самосознание, систему ценностей и смыслов, особенно в современном

мире с его стремительно возрастающей неопределенностью в условиях пандемии вируса COVID-19.

Переживание индивидом различных ситуаций лежит в основе формирования его индивидуального опыта и ведет к развитию «ядра субъективности», которое в последующем поддерживает само себя [6, с. 90]. Субъективный опыт предстает в виде семантического пространства, осями которого являются обобщенные смысловые основания, используемые индивидом для соотнесения и противопоставления стимулов или объектов [1, с. 16]. Можно говорить о том, что переживание личности выступает системообразующим фактором, приводящим к объединению условий и обстоятельств внешнего мира в целостную системно организованную ситуацию [7, с. 103]. Происходит следующее: человек, переживая внешнюю жизненную ситуацию, переводит ее во внутренний (интрапсихический) план сознания, и далее она начинает определять субъективную картину жизненного пути, трансформируя ее во внешнем плане, становясь жизненной ситуацией [2, с. 129].

Рассматривая переживание жизненной ситуации в контексте жизнестойкости личности, следует отметить, что жизнестойкость, являясь неспецифическим фактором саморегуляции, препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания со стрессами и восприятия их как менее значимых [3, с. 63]. Жизнестойкость приводит к нарастанию активности человека. В результате, сталкиваясь со стрессом, он способен ему сопротивляться [4, с. 87].

Таким образом, система жизнестойких убеждений о себе и мире, об отношениях с ним может являться тем фактором, который сгладит восприятие актуальной ситуации, предотвратит ее интерпретацию как трудную, поддерживая оптимальную для личности умственную и физическую работоспособность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вассерман Л. И. О системном подходе в оценке психической адаптации / Л. И. Вассерман, М. А. Беребин, Н. И. Косенков // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. – 1994. – № 3. – С. 16-25.
2. Вересов Н. Н. Переживание как психологический феномен и теоретическое понятие : уточняющие вопросы и методологические медитации // Культурно-историческая психология. – 2016. – Т. 12. – № 3. – С. 129-148.
3. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. – М. : Смысл, 2006. – 63 с.
4. Мадди С. Р. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26. – № 6. – С. 87-101.

5. Москвитина О. А. Особенности анализа личностью трудных жизненных ситуаций // Вестник Омского университета. Серия «Психология». – 2018. – № 4. – С. 43-47.
6. Рассказова Е. И. Пандемия как вызов субъективному благополучию : тревога и совладание / Е. И. Рассказова, Д. А. Леонтьев, А. А. Лебедева // Консультативная психология и психотерапия. – 2020. – Том 28. – № 2. – С. 9-108.
7. Романов К. М. О переживании трудных жизненных ситуаций / К. М. Романов, И. А. Ильин // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2020. – Т. 20. – № 1. – С. 103–113.
8. Сорокин М. Ю., Касьянов Е. Д., Рукавишников Г. В. ИДР. Структура тревожных переживаний, ассоциированных с распространением COVID-19 : данные онлайн-опроса / М. Ю. Сорокин, Е. Д. Касьянов, Г. В. Рукавишников // Вестник РГМУ. – 2020. – №3. – С. 77-83.

АНОТАЦИЯ

Передера Ангелина Олеговна. Влияние пандемии COVID-19 на жизнестойкость личности

В данной статье рассматривается связь коронавируса и жизнестойкости, развитие пандемии и ответных мер по ее преодолению, возникновение специфических стрессоров, оказывающих негативное влияние на жизнестойкость личности. Вследствие этого возникает проблема нестабильной ситуации в сфере эпидемиологической и социально-экономической ситуации, что выступает системообразующим фактором, приводящим к объединению условий и обстоятельств внешнего мира в целостную системно организованную ситуацию.

Ключевые слова: COVID-19, пандемия, жизнестойкость, личность.

SUMMARY

Peredera A.O. The impact of the COVID-19 pandemic on the resilience of an individual

The article examines the relationship between the coronavirus and resilience, the development of the pandemic and the response measures to overcome it, as well as specific stressors which have a negative impact on the resilience of the individual. As a result, there is a problem of an unstable situation in the field of epidemiological and socio-economic situation, which is a system-forming factor leading to unification of the conditions and circumstances of the external world into a holistic and systemically organized situation.

Key words: COVID-19, pandemic, resilience, personality.

УДК 159.9

СУБЪЕКТ И СУБЪЕКТНАЯ АКТИВНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

В современной отечественной и зарубежной психологии все большее внимание уделяют активности человека в различных сферах жизнедеятельности. Основной характеристикой человека в рамках направлений исследований признается способность активно выстраивать свою жизнь и быть ее субъектом. Одной из фундаментальных задач, которая создает главные предпосылки субъектного и личностного становления индивида, является исследование субъектной активности человека, ее видов, закономерностей, а также условий развития и внедрение в образовательный процесс. Тем не менее, проблема субъектной активности, несмотря на возрастающий интерес, остаётся всё так же мало исследованной.

Проблема активности изучается во многих работах отечественных и зарубежных психологов (Асмолов А.Г., Бодунов М. В., Выготский Л.С., Голубева Э. А., Крупнов А. И., Леонтьев А. Н., Петровский В. А., Рубинштейн С. Л., Узнадзе Д.Н., Вудвортс Р, Левин К., Маслоу А., Шпрангер Э.). Но в последнее десятилетие появляется тенденция связать категорию активности с категорией субъекта, термин «субъектная активность» все чаще употребляется в психологических исследованиях (Абульханова-Славская К. А., Бодалев А. А., Брушлинский А. В., Волочков А. А., Гужва О. Г., Осницкий А. К., Попов А. Ю., Рослякова Е. Ю.).

Основным принципом субъектного подхода считается признание активной роли человека в реализации своих различных отношений с окружающим миром. В связи с тем, что человек не рождается субъектом, а становится им в процессе деятельности, общения и других видов активности, приобретает важность вопрос о критериях становления субъекта.

Важнейшей методологической посылкой в изучении активности применительно к индивидуальности человека является положение В.С. Мерлина о том, что вся интегральная индивидуальность является субъектом активности: «...все практические проблемы оптимизации деятельности человека в обучении, труде, спорте, организации коллектива наиболее успешно разрешаются тогда, когда в качестве субъекта активности рассматривается вся интегральная индивидуальность, а не отдельные ее уровни» [4, с. 20].

Категорию активность в 1992 г. в понятийный аппарат интегрального исследования индивидуальности ввел Б.А. Вяткин

[3, с. 52]. Отметим ряд особенностей «пермского подхода» к исследованию активности человека:

Связь исследований активности с проблематикой интегральной индивидуальности и ее стиля.

Отрицание «чистой» активности и реактивности, равно как и отрицание абсолютной субъектности и объектности. Активность в таком понимании всегда представляет собой ситуативную либо типичную (результатирующую многочисленные ситуативные проявления) меру субъектности, «точку» в континууме активность – реактивность [3, с. 73].

Использование в исследованиях активности двух «линий» – С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева – в решении проблемы соотношения категорий активность и деятельность, поставленной в российской психологии [5, с. 15]. Эти две линии позволяют анализировать феномен активности в двух основных планах: 1) человек проявляет активность, и в этом случае на первый план выходит качественная сторона феномена: формы и способы взаимодействий субъекта с миром, среди которых предметная деятельность, познание, общение, созерцание и поведение; 2) человек действует активно, и в этом случае акцент в понимании активности смещается к мере взаимодействия, к мере субъектности, авторства своего бытия. Данный аспект акцентирует количественную сторону феномена и позволяет проводить эмпирические исследования активности, например, активности в конкретных видах деятельности, познания, общения и т.д. [5, с. 18].

Большое число системных эмпирических исследований разнообразных видов и проявлений активности индивидуальности: активность субъекта бытия (А.А. Волочков), волевая активность (Ю.Я. Горбунов), эмоциональная активность (П.В. Токарев), моторная активность (И.Е. Праведникава), коммуникативная активность (С.А. Васюра и Д.С. Корниенко), религиозная активность (Д.О. Смирнов), целостная активность субъекта бытия (Е.С. Рослякова), активность субъекта (А.Ю. Попов), смыслообразующая активность (А.Ю. Калугин), профессиональная активность (А.В. Краснов) и др.

Переход от поэлементного, экстенсивного изучения отдельных проявлений к интегративным концепциям целостной активности человека [5, с. 19].

Подробнее остановимся на концепции активности субъекта бытия А.А. Волочкова. Активность, по А.А. Волочкову, понимается как «всеобщий способ, форма и мера взаимодействия, обеспечивающая единство, развитие и взаимопереходы материального и идеального... В психологии активность может быть определена как универсальный способ, форма и мера природно-социальных взаимодействий, в ходе

которой человек развивается и проявляется преимущественно как их субъект» [2, с. 68]. При этом отчетливо наблюдается переход от понятия «активность субъекта бытия» к понятию «активность индивидуальности». В рамках данного подхода сформулирована проблема необходимости перехода от экстенсивных исследований частных проявлений, видов и форм активности человека к системным исследованиям активности в целом. Активность конкретного человека в этой концепции представляет собой «единый поток взаимодействий, обеспечивающий целостность и постоянное развитие его как субъекта бытия» [2, с. 85]. Кроме того, в рамках этой концепции сформулированы положения о ряде функций активности – функции обеспечения целостности самой индивидуальности в ходе активного взаимодействия ее уровней и подуровней, функции взаимодействия индивидуальности с ее миром, прошлым, настоящим и будущим [2, с. 95]. Соответствующие положения и гипотезы проверяются на одной из наиболее типичных сфер жизнедеятельности — сфере учебных взаимодействий. Речь идет об учебной активности, которую автор рассматривает как специфический вид активности, в которой человек может реализовывать себя как субъект жизнедеятельности. Стиль деятельности и стиль активности в этих работах также впервые рассматриваются как особая форма активности субъекта в конкретной сфере жизнедеятельности. В более поздних работах А.А. Волочкова [2, с. 102] очевиден переход от категорий «активность субъекта», «активность жизнедеятельности» к категории «активности индивидуальности».

Активность индивидуальности, с одной стороны, определяется как целостная система проявлений активности различных уровней и подуровней интегральной индивидуальности, с другой стороны, как мера субъектности взаимодействия индивидуальности с миром, которая отражает соотношения субъектного и объектного в каждой конкретной ситуации полисистемного взаимодействия [1, с. 178]. При этом выделяются три самостоятельные, но взаимосвязанные меры субъектности в соответствии с этапами развертывания взаимодействия: 1) меры субъектности выбора взаимодействия (потребность во взаимодействии); 2) меры субъектности контроля реализации взаимодействия (волевая регуляция); 3) меры субъектности в результатах взаимодействия (удовлетворенность) результатами взаимодействия индивидуальности с миром [1, с. 95].

Активность относится к фундаментальным понятиям и является предметом исследования различных научных направлений. Каждая наука исследует специфические для нее закономерности развития и динамики активности. В параграфе мы рассмотрим активность как предмет исследования в отечественной и зарубежной психологии. В широком смысле активность понимают как любое проявление

психики, выходящее за пределы адаптивной приспособительной деятельности индивида [1, с. 75]. В узком смысле, активность – это мера деятельности, «более содержательная, более качественная характеристика психических явлений», приобретающая смысл лишь в сопоставлении «со своей противоположностью – пассивностью» [1, с. 185]. А. А. Волочков считал, что одной из основных проблем в психологии субъекта активности является проблема соотнесения таких категорий, как «активность» и «деятельность». В зарубежной психологии довольно сложно определить разницу между ними в силу отсутствия языковой разницы. Однако отечественная психология, взяв за основу труды немецких психологов, всерьёз берётся за выявление этой разницы. А.А. Волочков в своем исследовании выделяет в отечественной психологии две основные «линии» изучения проблемы соотношения активности и деятельности – «линия А. Н. Леонтьева – В.А. Петровского» и «линия С. Л. Рубинштейна – А. В. Брушлинского» [1, с. 97]. Эти «линии» имеют тесную связь, но их объединение невозможно из-за расхождения в теории, в частности в её исходных аспектах. При этом данные подходы не противоречат друг другу, как можно было бы предположить, но рассматривают психическую реальность с разных сторон [1, с. 200].

В системе А.Н. Леонтьева активность формируется материальным процессом развития общественного производства и системы общественных отношений.

А психолог В. А. Петровский включил в деятельностьную теорию А.Н. Леонтьева индивидуально-своеобразную меру активности, которая в его работах понимается как «совокупность обособленных индивидом моментов движения, обеспечивающих становление, реализацию, развитие и видоизменение деятельности» [2, с. 96].

Таким образом, в «линии А.Н. Леонтьева – В.А. Петровского» активность рассматривается в узком смысле, а категория деятельности занимает приоритетное положение по отношению к категории активности, при этом можно говорить о том, что активность определяется через деятельность. В дальнейшем с данной «линией» связан ряд теоретических и эмпирических исследований активности как меры той или иной деятельности – учебной, познавательной, коммуникативной и т.д. [1, с. 69].

Также совместно с В. А. Петровским представления о необходимости понимания самодвижения деятельности разрабатывал А. Г. Асмолов. Отстаивая положение об активности психического отражения, опосредующего деятельность субъекта, он выделил три подхода, раскрывающих разные стороны принципа активности. Первый и наиболее традиционный из них состоит в том, что исследуется зависимость познавательных процессов от различного рода ценностей, целей, установок, потребностей,

эмоций и прошлого опыта, которые определяют избирательность и направленность деятельности субъекта. Второй выражается во взгляде на познавательные и вообще психические процессы как на процессы порождения психического образа. И третий, следуя А.Г. Асмолову, ставит во главу угла идею о самодвижении деятельности, об активности субъекта как необходимом внутреннем моменте его саморазвития. Данный подход считается тесно связанным с принципом неадаптивной природы человеческой деятельности. Неадаптивный характер предметной деятельности отчетливо проявляется при изучении активности человека, отвечающей формуле «внутреннее (субъект) действует через внешнее и тем самым само себя изменяет» [4, с. 30].

С «линией С.Л. Рубинштейна – А.В. Брушлинского» связано изучение человека как субъекта активности, которая подчинена категория «субъект». В системе С.Л. Рубинштейна активность – это особый способ взаимодействия субъекта со средой, которое не ограничивается одной лишь деятельностью [2, с. 93]. Активность, в отличие от «линии А.Н. Леонтьева – В.А. Петровского», понимается в широком смысле, а деятельность воспринимается как одна из ее форм. Согласно же исследованиям А.В. Брушлинского, активность понимается как способ обеспечения целостности, неделимости субъекта бытия, т. е. ее носителя [2, с. 86]. Близкими к теории С. Л. Рубинштейна являются взгляды представителей грузинской школы. Например, согласно концепции Д.Н. Узнадзе, специфическое состояние активности у субъекта возникает при «встрече» имеющейся у него потребности и объективной ситуации ее удовлетворения [2, с. 57]. В этом случае активность проявляется как установка к совершению конкретной деятельности. В своих работах он фактически устанавливает роль активности как исходное условие для развития психики. Советский и российский психолог К.А. Абульханова-Славская понимает активность как «формирование личностью себя как субъекта деятельности» [1, с.77]. Характер активности, таким образом, определяется общественными отношениями, социальной позицией личности, а также требованиями и нормами, обращенными к ней. По мнению К.А. Абульхановой-Славской, активность определяется системным характером самой личности и проявляется в становлении человека субъектом своей деятельности, когда у него возникает собственное отношение к ней, создаются свой стиль и характер ее осуществления [1, с. 65].

Б. Ф. Ломов определяет активность как «особое качество субъекта деятельности, состоящее в интеграции его психологических возможностей, способностей, знаний и их направленности на достижение цели» [3, с. 77]. В обеспечении развития личности он придает особое значение активности. При этом активность может рассматриваться как осуществление всех

личностных потребностей, в том числе и такие, как стремление занять определенную позицию в обществе и получить общественное признание [3, с. 58]. В Пермской психологической школе теоретико-экспериментальное изучение роли активности в структуре интегральной индивидуальности позволило провести серию исследований отдельных видов активности, их индивидуальных стилей.

Один из представителей данной школы, доктор психологических наук А.А. Волочков предложил концепцию целостной активности субъекта в конкретной сфере бытия. Структурная модель активности включает в себя 4 компонента:

- потенциал активности выражается путём соотношения желания и возможностей;
- регулятивный компонент есть соотношение непроизвольной саморегуляции и произвольного самоконтроля поведения;
- динамический компонент отражает особенности реально наблюдаемой динамики конкретной сферы жизнедеятельности;
- результативный компонент воплощает в себе итог движения и залог постоянного возобновления и циклического перехода в новый потенциал активности» [3, с. 85].

Система активности здесь построена по динамическому принципу, что отражает сущность активности как самодвижения.

Среди зарубежных психологов, изучавших поведение и причины проявления активности человека, нельзя не отметить работы К. Левина, который разработал концепцию динамической системы поведения [2, с. 90]. Согласно его теории, именно квазипотребности – потребности, которые возникают в конкретной ситуации, – образуют механизмы активности в повседневной жизни.

В иерархической модели потребностей А. Маслоу представлены основные положения гуманистической психологии, которые характеризуют развитие активности человека. Высшие потребности могут направлять поведение человека лишь в той мере, в какой удовлетворены его более низкие потребности [2, с. 86]. Каждый вид потребности для своего удовлетворения требует соответствующей формы активности.

Согласно теории Э. Шпрангера, активность личности может быть охарактеризована в зависимости от личностной доминирующей жизненной ценности, которая формирует и определяет личность человека. Им было выделено шесть ценностных типов: теоретический, экономический, эстетический, общественный, политический, религиозный [2, с. 66].

Американский психолог Р. Вудвортс в своих работах писал, что человек рождается с активной тенденцией освоить мир с

помощью поведения. Такое поведение понимается как поток активности по эффективному взаимодействию с окружением [5, с.10].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что исследования активности проводятся не только отечественными психологами, но и за рубежом. В трудах, посвященных исследованиям активности, накоплен большой объем данных, несомненно, требующих тщательного изучения, а также являющихся показателем важности исследования проблем активности в науке, в частности, в психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская, К. А. Активность и сознание личности как субъекта деятельности / К. А. Абульханова-Славская. – М.: Наука, 1989. – 294 с.
2. Брушлинский, А. В. Проблемы психологии субъекта / А. В. Брушлинский. – М. : Институт психологии РАН, 1994. – 109 с.
3. Джидарьян, И. А. Категория активности и ее место в системе психологического знания / И. А. Джидарьян. – М.: Наука, 1988. – С. 56–88.
4. Крупнов, А. И. Психологические проблемы исследования активности человека / А. И. Крупнов // Вопросы психологии. – 1984. – № 3. – С. 25–32.
5. Осницкий, А. К. Проблемы исследования субъектной активности / А. К. Осницкий // Вопр. психол. – 1996. – №1. – С. 5–19.

АННОТАЦИЯ

Плетнёва Юлия Сергеевна. Субъект и субъектная активность в современной психологии

Основной характеристикой человека в рамках направлений исследований признается способность активно выстраивать свою жизнь и быть ее субъектом. Одной из фундаментальных задач, которая создает главные предпосылки субъектного и личностного становления индивида, является исследование субъектной активности человека, ее видов, закономерностей, а также условий развития и внедрение в образовательный процесс. Тем не менее, проблема субъектной активности, несмотря на возрастающий интерес, остаётся всё так же мало исследованной.

Ключевые слова: активность индивидуальности, субъектная активность.

SUMMARY

Pletneva Yu.S. Subject and subjective activity in modern psychology

The main characteristic of a person within the framework of research areas is the ability to actively build one's life and be its subject. One of the fundamental tasks creating the main prerequisites for the subjective and personal formation of an individual is the study of a person's subjective activity, its types, patterns, as well as the conditions for development and implementation in the educational process. Nevertheless, the problem of subjective activity, despite the growing interest, remains underexamined.

Key words: activity of individuality, subjective activity.

Росинская Ольга Леонидовна

г. Горловка, ДНР

УДК 159.9

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КЛИМАТ В КОЛЛЕКТИВЕ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ТРУДОСПОСОБНОСТИ

Актуальность проблемы: в настоящих реалиях решение любой проблемы основано на коллективных началах. Социально-психологический климат, на основе которого строится вся работа в коллективе, имеет непосредственное влияние на качество и эффективность работы, а также производительность труда. Поэтому на современном этапе развития общества данный вопрос требует всестороннего изучения.

При этом эмоциональное состояние коллектива, как правило, есть эхо жизнедеятельности всего коллектива в целом и отражает эмоциональную ситуацию. Исходя из этого необходимо изучать межличностные отношения всех людей в данной группе, что является приоритетным с точки зрения коллективной деятельности.

Цель работы: изучить всевозможные подходы к решению проблемы социально-психологического климата в коллективе.

Социально-психологический климат – это совокупность межличностных отношений совместно живущих, учащихся в группе людей. Как правило, есть целый ряд факторов, определяющих социально-психологическую обстановку в коллективе [1].

1. Удовлетворенность работой.

Немаловажное значение в удовлетворенности работой имеет обстановка в коллективе, то, насколько сотруднику нравится его работа, насколько она ему интересна, является ли она разнообразной, творческой, позволяет ли развиваться как на профессиональном уровне, так и на творческом, соответствует

ли она его профессиональным навыкам. В значительной мере удовлетворенность работой обусловлена такими факторами: высокой оплатой труда, системами морального и финансового стимулирования (премия, надбавки), режимом работы, графиком отпусков, уровнем профессионализма как руководства, так и коллег в целом, характером деловых и личностных отношений в коллективе [2].

2. Коллективная совместимость и срабатываемость в коллективе.

При общении в любой замкнутой группе определяется психологическая совместимость и налаживаются межличностные отношения. Сотрудникам чьи, взгляды совпадают на жизнь, на экономическую и политическую обстановку и так далее, проще работать вместе. При сходстве характеров у человека появляется чувство безопасности, уверенности в себе и выполняемой работе при этом повышается самооценка сотрудника. Стоит отметить, что существует и такое понятие как взаимодополняемость – это когда сотрудникам с противоположными характеристиками свойственна психологическая совместимость, что улучшает качество работы. Одним из условий и результатов совместимости, как правило, выступает межличностная привязанность. Ведь человек по своей натуре негативно относится к людям, которые ему не нравятся, тем самым у сотрудника при отрицательных эмоциях к коллеге может сформироваться стойкая неприязнь, что осложнит работу.

Некоторые ученые разделяют понятия совместимости и сработанности. Совместимость чаще всего возникает при личных отношениях, а сработанность, как правило, основана на сугубо деловых отношениях, связанных непосредственно с работой. Успешность и результативность являются одним из главенствующих критериев, когда речь идет о сработанности – это когда весь коллектив идет к одной цели, несмотря ни на что [2].

Например, в синхронном плавании важнее всего именно срабатываемость, а не межличностные отношения, так как все спортсменки идут к общей мечте о пьедесталах, призовых и золотых медалях, хотя стоит отметить, что отношения в коллективе играют одну из важнейших ролей на пути к победе. От каждого члена команды, от его места в коллективе, умственных и интеллектуальных способностей зависит обстановка в данном сообществе.

3. Сплоченность коллектива.

Сплоченность в любом коллективе чаще всего проявляется в эмоциональной сфере. Ведь если коллектив считает себя сплоченным и у кого-то радость, то, как правило, это передается всему коллективу, и наоборот, если у кого-то горе и человек рыдает, то вряд ли найдется тот, кто будет радоваться в этот момент.

Выделяют несколько факторов, непосредственно влияющих на сплоченность коллектива:

- отношение коллектива к руководству;
- доверительные, неподдельные отношения в коллективе;
- срок, при котором все члены группы проводят совместный досуг;
- непредвзятая оценка о вкладе каждого члена группы в общее дело.

На сплоченность в любом из коллективов влияют личностные характеристики каждого человека в отдельности, такие как образованность, культура общения, личностные ценности, жизненная позиция, симпатии или антипатии. Как правило, в одном и том же коллективе существуют разные возрастные группы, у каждого свой темперамент, привычки, взгляды, интересы. Преобладание каких-либо выраженных качеств у людей в коллективе в значительной мере влияет на отношения, такие качества придают ему своеобразную окраску. Когда в коллективе создана атмосфера недоверия, заискивания и доноительства, то такой коллектив будет функционировать не очень хорошо. Ещё на эмоциональное состояние коллектива влияют такие особенности характера отдельных членов группы, как зависть, болезненное самолюбие, обидчивость, заносчивость, пренебрежение мнением других. Стоит отметить, что в сплоченном коллективе практически полностью отсутствует такое понятие, как текучесть кадров, потому что каждый из членов коллектива с желанием и радостью идет на работу [2].

4. Характер коммуникаций.

Стоит отметить, что низкий уровень коммуникабельности членов группы также негативно отражается на коллективе в целом. Это и непонимание, и недоверие, конфликты. Способность респондента правильно донести свою точку зрения и конструктивно отнестись к критике, а также умение выслушать оппонента создают благоприятные условия как для выполнения работы, так и к удовлетворенной коммуникации в коллективе.

Выделяют несколько типов коммуникативного поведения:

а) коллективисты – это люди с активной жизненной позицией, они с удовольствием поддержат любое предложение, очень инициативны;

б) индивидуалисты – это сотрудники, предпочитающие ни от кого не зависеть, тем самым решать проблему самостоятельно, взваливая на себя всю ответственность;

в) претензионисты – чересчур тщеславны и обидчивы, имеют непреодолимое желание находиться в центре любых событий;

г) пассивные – эти сотрудники безынициативны, никогда не проявят желание к выполнению работы, им проще следовать за кем-то, чем вести самим;

д) подражатели – они как хамелеоны постоянно примеряют на себя чужую личину;

е) изолированные – практически не контактные, имеют отвратительный характер [3].

5. Стиль руководства.

Существует такие стили руководства: демократический, авторитарный и попустительский. При демократическом стиле руководства в коллективе развивается общение, доверие, дружелюбие и, как правило, нет ощущения, что тобой руководят сверху. В таком стиле руководства в процессе управления участвуют все члены коллектива, что способствует улучшению социально-психологического климата.

Авторитарный стиль. Этот стиль присущ армейским подразделениям и различным спортивным организациям, ему свойственно недоверие, враждебность, но наравне с этим заискивание и покорность. В отдельных случаях, если данный стиль руководства приводит команду к победе, участники коллектива благоприятно это воспринимают.

Попустительский стиль – это антиутопический стиль управления коллективом, так как он ведет к низкой продуктивности и плохо выполненной работе. Такой стиль приемлем только в тех коллективах, где очень хорошо выражено самосознание и ответственность.

Исходя из всего вышесказанного можно предположить, что руководство организации по стилю своего общения с подчиненными может и обязано влиять на удовлетворенность работой, заработной платой и другими условиями, связанными с производством.

6. Характер выполняемой деятельности.

Монотонная работа, высокая ответственность, угрозы жизни и здоровью, стресс на работе – все эти факторы могут непосредственно влиять на социально-психологический климат в коллективе.

Существует несколько основных характеристик хорошего психологического климата в коллективе.

1) В некоторых коллективах, но не так часто встречается атмосфера доверия, взаимопонимания и общей доброжелательности. В таких группах сотрудники очень много общаются между собой не только по работе, но и в свободное время, организуют различные мероприятия, и критика если и высказывается, то только в одобрительном смысле.

2) В группе людей преобладают нравственные показатели. В таких сообществах справедливо и уважительно относятся ко всем членам группы, встают на защиту слабых и поддерживают молодых.

3) В работе приветствуется и высоко ценится трудолюбие, бескорыстие и честность.

4) Данная характеристика чаще всего встречается в молодых

коллективах, так как они энергичны и с радостью берутся за любое дело, если есть хоть малейшая возможность помочь коллективу.

5) Личные успехи и провалы воспринимаются всем коллективом близко к сердцу, с искренним сопереживанием к человеку.

6) В разных коллективах существуют различные группы, внутри которых люди полностью поддерживают друг друга, но это не мешает им общаться с другими группами.

Также существуют и негативные характеристики социально-психологического климата.

1) В таких коллективах сотрудники конкурируют друг с другом, выражают агрессию и не заботятся о мнении других членов коллектива.

2) В сообществе очень явно выражено деление на касты, приближенных и всех остальных. Здесь высмеивают слабых, презрительно относятся к любым проступкам, а молодой сотрудник чувствует себя не нужным.

3) Труdolюбие, честность, бескорыстие не приветствуются в коллективе.

4) Многие сотрудники стремятся отделиться от всего коллектива, и коллектив в общем пассивен.

5) Злорадство, а чаще всего нездоровую зависть вызывает удача или успех одного взятого члена, но зачастую у сотрудников эмоциональные переживания другого сотрудника не вызывают ничего, кроме равнодушия.

6) При создании коалиций разные члены группы примыкают к одной из них, такие группировки враждуют между собой и часто ставят палки в колеса при выполнении совместной задачи.

7) В сложившихся экстренных ситуациях коллектив не может объединить усилия, зачастую возникают ссоры, споры и взаимные обвинения [4].

Вывод. Хотя данная тема исследована многими учеными, но стоит заметить, что она все еще остается актуальной. Поэтому основополагающей задачей в современной психологии есть определение сути возникающих перед коллективом проблем и по возможности помощь в решении конфликтных ситуаций в коллективе. Решение этой сложной задачи поможет более четко понять все социально-психологические процессы и наладить подходящий климат в коллективах, тем самым увеличить производительность труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко, В. В. Социально-психологический климат коллектива и личность / В. В. Бойко, А. Г. Ковалев, В. Н. Панферов. – М.: Мысль, 1998. – 185 с.
2. Данцов, А. И. Психология коллектива / А. И. Данцов. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 207 с.

3. Ильин, Е. Б. Психология общения и межличностных отношений / Е. Б. Ильин. – СПб. : Питер, 2009. – 576 с.
4. Регуляция социально-психологического климата трудового коллектива / Под ред. Б. Д. Парыгина. – Л. : Наука, 1996. – 241 с.

АННОТАЦИЯ

Росинская Ольга Леонидовна. Социально-психологический климат в коллективе как важнейший фактор трудоспособности

В статье рассматривается проблема социально-психологического климата в коллективе как важнейших фактор трудоспособности личности и основные факторы, имеющие определяющую социально-психологическую обстановку в коллективе.

Ключевые слова: социально-психологический климат, удовлетворенность работой, коллективная совместимость и срабатываемость в коллективе, сплоченность коллектива, характер коммуникаций, стиль руководства, характер выполняемой работы.

SUMMARY

Rosinskaya O.L. The socio-psychological climate in the team as the most important factor of working capacity

The article deals with the problem of the socio-psychological climate in the team as the most important factor of working capacity. We have considered the main factors determining the socio-psychological situation in the team.

Key words: socio-psychological climate, job satisfaction, collective compatibility and workability in the team, team cohesion, the nature of communications, leadership style, the nature of the work performed.

*Скляренко Ольга Николаевна
г. Горловка, ДНР*

УДК 159.9.01

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕОРИИ ПОКОЛЕНИЙ В УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА

Как показывают исследования ряда ученых, принадлежность к разным возрастным группам влияет на мировосприятие, индивидуальные стремления, личные потребности, профессиональные качества человека. В различные исторические периоды происходят те или иные социальные, экономические, политические трансформации в обществе, что существенно влияет на особенности личности, проживающей в конкретное время. Одним из инструментов, помогающим понять базовые ценности людей всех возрастов, может послужить теория поколений,

применение которой в психолого-педагогической практике может способствовать оптимизации учебного процесса, улучшению социально-психологического климата в коллективе, адаптации первокурсников к учебе в вузе, профилактике конфликтных ситуаций между преподавателями и студентами, откроет возможности для взаимопонимания, модернизации процесса преподавания с учетом потребностей поколений.

Научный интерес к изучению проблематики поколений возник еще в XIX в. Ряд ученых (О. Конт, Дж. Милль, О. Лоренц и др.) считали, что смена поколений является движущей силой исторических событий. Ибн Халдун, средневековый арабский мыслитель, одним из первых обосновал, что любое государство имеет временные пределы существования в циклах из трех поколений. К. Мангейм, исследуя противоречия социального подражания и преемственности культур, ввел понятие «энтелехия» поколения – особое мироощущение, собственная система понимания и объяснения окружающего мира, а также воздействия на него [1; 3; 4]. Энтелехия, единство и самоидентификация себя с определенным поколением образуют габитус данного поколения – систему устойчивых диспозиций к определенному восприятию событий и определенных образцов действий [1; 3; 4].

Поколение представляет собой социальное сообщество, состоящее из нескольких возрастных когорт, признаками которого является специфический габитус, сформированный на основании особенностей периода, социализационной системы, биографических характеристик групп. Габитуализация объективируется в особом жизненном стиле поколения. Новое поколение определяет социокультурные условия для формирования и закрепления новых качеств, создает культурные конфигурации, которые входят в оппозицию системным характеристикам предыдущих поколений, тем самым задавая процессы, инициирующие социальные изменения [1; 2; 3; 4].

Современную теорию поколений в 1991 году представили исследователи Н. Хоув и В. Штраус авторы, рассматривая историю США, начиная с 1584 года и заканчивая современностью, обнаружили исторические аналогии между прошлыми и нынешними поколениями, описали повторяющиеся модели поведения четырех типов поколений, каждому из которых характерен свой собирательный образ и соответствующий цикл четырех разных типов эпох со свойственным им настроением [2; 3; 6; 8].

Авторы выделяют четыре архетипа поколений, общим для которых является место в истории, отношение к семье, культуре, ценностям, риску. Поколения, имеющие одинаковый исторический опыт в начале жизни, формируют коллективный портрет и живут по схожему жизненному сценарию.

По мнению Н. Хоува и В. Штрауса, существует определенная модель в развитии поколений, на которую повлияли исторические события. Авторы назвали эту модель преобразованиями или периодами. Каждый период длится 20-22 года, 4 периода составляют полный цикл, длящийся 80-90 лет и примерно равный продолжительности человеческой жизни. Смена поколений двигает цикл преобразований и определяет его периодичность. Как только каждое поколение вступает в следующую жизненную фазу, фундаментально меняются настроение и поведение, давая возможность новому поколению проявить себя. Исторические события формируют поколения в детстве и молодости, будучи родителями и лидерами в середине жизни и в старости, поколения формируют историю [2; 3; 6; 8].

Базовым понятием теории является понятие «поколение». Н. Хоув и В. Штраус определяют социальное поколение как совокупность всех людей, рожденных в промежуток времени, составляющий примерно 20 лет (период), или один полный цикл. Поколение можно идентифицировать по следующим трем критериям:

- возрастная принадлежность к одной исторической эпохе, проживание одинаковых исторических и социальных событий;
- общие верования, убеждения, модели поведения;
- ощущение принадлежности к этому поколению.

Преобразования составляют четырехэтапный цикл: подъем, пробуждение, спад и кризис. Подъем – посткризисный период, когда институты сильны, индивидуализм слабо проявлен, общество имеет общие цели, но люди, не включены в это движение, часто страдают от необходимости соблюдать общие для всех правила. Пробуждение – период стремления к личной и духовной автономии, когда, достигнув пика своего социального развития, люди ощущают утомление от дисциплины, желая вернуть себе индивидуальность, период Подъема видится ими как эпоха культурной и духовной бедности. За ним следует период Спада, когда институты слабы и лишены доверия, а индивидуализм находится на пике своего проявления. Подъемы следуют за кризисами, поэтому общество жаждет объединяться и строить, спады приходят на смену пробуждениям, поэтому общество разобщено и хочет наслаждаться жизнью. Четвертое превращение – Кризис – период, когда предыдущие институциональные структуры разрушены и созданы вновь для выживания, гражданские власти включены в работу, культура служит потребностям общества, люди начинают осознавать себя членами этого общества. Периоды кризиса стимулируют общество к объединению перед лицом общей опасности, формируют этику самопожертвования и стремления к порядку. Во время подъемов преобладают ценности индивидуализма, а государственные институты, как и весь институциональный порядок

в целом, подвергается критике с точки зрения новых социальных и духовных идеалов [2; 3; 5; 6; 7; 8].

В. Штраус и Н. Хоув выделяют 4 вида архетипа поколений, которые повторяются. Поколения, принадлежащие к одному архетипу, имеют ряд общих базовых установок в отношении культуры, семьи, ценностей и др., циклы архетипов повторяются, потому что молодые поколения хотят исправить или компенсировать те черты старшего поколения, которые им кажутся неприемлемыми в результате, люди, относящиеся к одному архетипу, формируют поколение противоположного [2; 3; 8].

Поколение «Пророков» рождается после кризисов, в период восстановления общественной жизни и установления новых социальных порядков в обществе, они - эксцентричные предвестники пробуждения в период молодости, в середине жизни сосредотачиваются на нравственных принципах и общественных ценностях, а в конце жизни руководят очередным кризисом. Примером являются «бэби-бумеры» [2; 3; 5; 6; 7; 8].

Поколение «Путешественников» рождается в эпоху Пробуждения, время социальных идеалов и духовных поисков, когда молодые люди критикуют устоявшийся порядок, борются со старыми государственными институтами. Поколение «Героев» рождается после Пробуждения, во время Спада, период индивидуального прагматизма, уверенности в своих силах и невмешательства [2; 3; 5; 6; 7; 8].

«Герои» растут как дети пост-Пробуждения, достигают совершеннолетия молодыми оптимистами, ориентированными на интересы группы, во время Кризиса, становятся энергичными и чрезвычайно уверенными в себе взрослыми, характеризуются своими военными успехами в молодости и политическими достижениями в зрелом возрасте. Наибольшее влияние эти поколения имеют на построение общественных институтов, а также на развитие технологий. Примерами являются «строители» или «победители» (1901-1924 гг.) и поколение «миллениума» (1982-2004 гг.) [2; 3; 5; 6; 8].

Поколение «Художников» рождается после Спада, во время Кризиса, когда общая угроза стирает социальные и политические противоречия и объединяет общество, приводя к консенсусу. Дети-художники достигают совершеннолетия социализированными и умеющими приспосабливаться в посткризисном мире, становятся лидерами во взрослом возрасте, ведущими активную деятельность во время Пробуждения, превращаясь в здравомыслящих пожилых людей в эпоху пост-пробуждения. К ним относятся «Молчаливое поколение» (1925-1942 гг.) и «поколение Z» (2005-2020 г. н.).

Согласно теории В. Штрауса и Н. Хоува, поколения считаются доминантным или рецессивным, в зависимости от того, какое

превращение они пережили в молодости. Доминантное поколение («Пророк» – эпоха пробуждения; «Герой» – эпоха кризиса) характеризуется независимым поведением, играющим главную роль в формировании эпохи, рецессивное поколение («Путешественник» – спад, «Художник» – подъем) играет зависимую роль [2; 3; 5; 8].

Выделяют следующие их типы поколений:

1. «Поколение победителей» или GI (1901-1924 гг.);
2. «Молчаливое поколение» (1925-1942 гг.);
3. «Поколение бумеров или Baby Boom» (1943-1960 гг.);
4. «Поколение X» (1961-1981 гг.);
5. «Поколение Y» (1982-2004 гг.);
6. «Поколение Z» (2005-2020 гг.).

Поколение GI или победители – неисправимые оптимисты, романтики и идеалисты, имеют высокий уровень ответственности, трудолюбия, готовы на самопожертвование ради коллективного блага, носители классических семейных ценностей. «Молчаливое поколение» – поколение терпеливых, законопослушных, исполнительных, экономных людей, привыкшее беспрекословно подчиняться и выполнять распоряжения старшего по статусу или званию и умеющее выживать в любых обстоятельствах. Коллектив для них – привычная форма работы и проведения досуга [2; 3; 5; 6].

Представители поколения беби-бумеров («бэби-бум» – послевоенный взрыв рождаемости) активные, решительные, смелые, романтические оптимисты, умеющие работать в команде, однако заинтересованные в личностном росте и вознаграждении, отличающиеся трудоголизмом, ценящие профессионализм, успешность, материальное благополучие. Семейные ценности рассматриваются ими в русле возможностей дальнейшего развития, супруги сочетают в себе умения одновременно строить карьеру и семейную жизнь [2; 3; 5; 6].

Поколение X – «Неизвестные» или «Дети с ключами на шее», дети «бэби-бумеров», выросшие в период «холодной войны», перестройки. Их можно охарактеризовать как индивидуалистов, трудоголиков и прагматиков, они самостоятельны, гибки, коммуникабельны, обладают критическим мышлением, полагаются только на себя, умеют добиваться поставленных целей, хорошо разбираются в том, что происходит в мире, они предпочитают заняться работой, которая даст пространство для творчества, широты мысли и возможности реализоваться. Основные ценности поколения X – возможность выбора, изменения, глобальная информированность, стремление учиться в течение всей жизни, неформальность взглядов, равноправные отношения между партнерами в браке [2; 3; 5; 6].

«Поколение Y», «Миллениум», «Поколение Next» выросли в эпоху цифровых технологий, социальных сетей, интернет-общения, виртуальной реальности, активной внешней миграции и глобализации,

они раскрепощенные, предъявляют высокие требования к миру, заботятся о своем здоровье и внешности, ценят возможность выбора, гражданский долг и мораль, их характеризуют определенная наивность и умение подчиняться, они стремятся к общению и коллективизму, однако не всегда умеют выразить свои мысли и чувства в реальном мире. При выполнении какой-либо деятельности их не так легко будет заинтересовать отдаленной перспективой, скорее, они предпочтут немедленное вознаграждение. Их обучение следует, скорее, проводить в формате игр и тренингов, применяя контроль и точные указания, давая творческие задания и возможность проявить себя. В работе они предпочтут гибкий график и возможность быстрого карьерного роста [2; 3; 5; 6].

Поколение» Z или «центауалы», согласно теории поколений, они повторяют ценности поколения GI. Их особенностями является желание учиться посредством интердисциплинарного подхода, изучая одновременно много различных направлений, часто меняя виды деятельности. Они гиперактивны, нацелены на будущее, предприимчивы, реалистичны, креативны, экономически грамотны, толерантны к другим, стремятся к здоровому образу жизни, стабильности и благополучию, соблюдению правил личной и коллективной безопасности. В процессе обучения следует ориентироваться на визуальные стимулы, опираясь на их любознательность, теоретический материал вплетать в практическую деятельность, привлекать к решению социальных вопросов, общаться на равных, как со взрослыми людьми, которые имеют на все свою точку зрения, проявляя уважение к их позиции и мнению [2; 3; 5; 6].

Таким образом, опираясь, на типичные поколенческие характеристики, можно наиболее продуктивно выстраивать учебный процесс в высшем учебном заведении, однако, при этом, учитывая индивидуальные особенности каждого студента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдые, П. Практический смысл [Текст] / пер. с фр / П. Бурдые. – СПб. : Алетея, 2001. – 362 с.
2. Исаева, М. А. Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоува / М. А. Исаева // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 3. – С. 290-295.
3. Лютак, О. Застосування теорії поколінь у консультуванні персоналу організації / О. Лютак // Збірник наукових праць: психологія. – 2019.– Вип. 23. – С. 94-101.
4. Мангейм, К. Проблема поколений / К. Мангейм // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 2 (30). – С. 7-47.
5. Пищик, В. И. Психологические особенности поколений в культурном контексте / В. И. Пищик // Концепт. – 2015. – № 04 (апрель). – С. 34-41.

6. Сапоровская, М. В. Психология межпоколенных отношений в современной российской семье / М. В. Сапоровская. – Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. – 430 с.
7. Толстых, А. В. Опыт конкретно-исторической психологии личности / А. В. Толстых. – СПб. : Алтея, 2000. – 287 с.
8. Strauss, W., Howe, N. The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. – N. Y. : Broadway Books, 1997.

АННОТАЦИЯ

Скляренко Ольга Николаевна. Использование теории поколений в учебно-воспитательном процессе вуза

В статье проанализирована возможность применения теории поколений в педагогическом процессе высшего учебного заведения. Данная теория поможет преподавателям лучше понимать возрастные личности студентов, повысить мотивацию студентов, улучшить качество взаимодействия с ними в процессе преподавания.

Ключевые слова: теория поколений, поколение X, Y, Z, центенеалы.

SUMMARY

Sklyarenko O.N The use of the theory of generations in the educational process of the university

The article analyzes the possibility of applying the theory of generations in the pedagogical process of a higher educational institution. This theory will help teachers to better understand the age-related personalities of students, increase students' motivation, and improve the quality of interaction with them in the teaching process.

Key words: personnel of the organization, theory of generations, generation X, Y, Z, centenials.

*Халилова Левиза Джаферовна
г. Симферополь, РФ*

УДК 378.12

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЙ СФЕРЫ ШКОЛЬНИКОВ С НАРУШЕНИЕМ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА

Проблема изучения эмоционально-личностной сферы школьников с нарушением опорно-двигательного аппарата – одна из наиболее актуальных в психологии. Актуальность обусловлена значительной распространенностью и постоянным ростом количества детей с нарушением опорно-двигательного аппарата.

Данный аспект усугубляется рядом проблем: с одной стороны, ухудшение экологической ситуации, которое неизбежно влечет за собой увеличение числа детей с данной патологией, с другой, переход на новые формы медицинских услуг и уменьшение государственных дотаций для оказания бесплатной медицинской помощи – дорогостоящее лечение, в котором нуждается школьник с нарушением опорно-двигательного аппарата, становится недоступным для большинства. В сфере изучения личности ребенка с нарушением опорно-двигательного аппарата остро стоит проблема, связанная с исследованием ее эмоциональных проявлений, так как эмоциональный аспект личности является базовым для ее целостной характеристики.

Стоит подчеркнуть, что эмоции выступают своеобразным базисом для построения чувств. Если эмоции могут возникать напрямую, то чувства возникают лишь при условии наличия объекта.

Психолог Н.Л. Кряжева эмоции рассматривает как процесс отражения отношений индивида к разнообразным раздражителям, как сигнал об удовлетворении или неудовлетворении его потребностей. Она отмечает, что «в психологической науке выделяют присущие только человеку высшие эмоции или чувства, которые переживаются в ситуации удовлетворения-неудовольствия социальных потребностей, в частности таких, как интеллектуальные, эстетические и тому подобное. Развитие эмоциональной сферы в онтогенезе осуществляется в направлении усиления дифференцированности переживаний, подчинения их интеллекту, а также формирования и углубления чувств» [4, с. 20].

В свою очередь Е.П. Ильин эмоционально-личностную сферу трактует как «свойства человека, характеризующие содержание, качество и динамику его эмоций и чувств, в том числе способов их регуляции». Эмоционально-личностная сфера является компонентом эмоциональной устойчивости личности [2, с. 106].

Характеризуя специфику психологического развития школьников с нарушениями опорно-двигательного аппарата, следует отметить, что дети с нарушениями опорно-двигательного аппарата представляют особую категорию детей с органичными возможностями здоровья. Для них характерны, как правило, сложные сочетанные нарушения в развитии, низкие показатели обучаемости, адаптивности, здоровья в целом [3].

Клинико-психолого-педагогические особенности этой группы детей описаны в работах М.В. Ипполитовой, Э.С. Калижнюк, И.Ю. Левченко, И.И. Мамайчук, Е.М. Мастюковой и других.

К нарушениям опорно-двигательного аппарата приводят различные заболевания, чаще – детский церебральный паралич (ДЦП). В наше время ДЦП является одной из актуальных проблем

ортопедии и травматологии. Этот недуг очень трудно лечится и является наиболее распространенной причиной инвалидности. Структура дефекта при церебральном параличе охватывает нарушения речи и движений, что приводит к ограничению предметно-практической деятельности, затрудняет манипуляцию с предметами (ручкой или карандашом) и негативно сказывается на письме. Эти недостатки – причина несформированности оптико-пространственных представлений. Такие люди плохо ориентируются на листе бумаги, не видят границ строки и тому подобное. Мышление у них часто замедленное. Отмечаются также негативные изменения корковых функций, что может проявляться в недостаточной сформированности фонематического анализа и синтеза, нарушениях симультанных процессов [3].

У школьников с нарушением опорно-двигательного аппарата наблюдаются и расстройства эмоционально-личностной сферы в виде синдрома раздраженной слабости, который характеризуется двумя основными компонентами: повышенной истощаемостью психических процессов, утомляемостью; чрезмерной раздраженностью, плаксивостью, капризностью. Эмоциональные изменения школьников с нарушением опорно-двигательного аппарата могут проявляться в повышенной возбудимости, чувствительности к обычным раздражителям внешней среды, склонности к изменениям настроения. Они могут сочетаться с эйфорией и снижением самокритичности, двигательной развязностью, аффективным взрывом, даже с агрессивными проявлениями и реакцией протеста к старшим (преподавателям). Все эти проявления усиливаются во время усталости или пребывания в новых условиях [1].

Если неблагоприятные ситуации, которые переживает школьник с опорно-двигательным аппаратом, вызывают у него временные нервно-психические расстройства, не связанные с органическими или функциональными нарушениями ЦНС, то такие расстройства определяются как реактивность. Эти состояния возникают как невротические реакции на сверхсильные для психики раздражители и проявляются: в виде общей депрессии – подавленного состояния; в психомоторном возбуждении, когда ребенок становится расторможенным, суетливым, делает бесцельные движения, немотивированные поступки; у других детей – появляется реакция торможения, они цепенеют, застывают на месте; в расстройствах сознания.

Особенности эмоционально-личностной сферы школьников с нарушением опорно-двигательного аппарата сказываются на характере и поведении ребенка: дети боятся общаться, не желают ходить в школу, они становятся раздражительными, упрямыми, что приводит к снижению успеваемости, нареканиям, которые

усиливают невротические проявления в характере и поведении [6].

Любое нарушение психического здоровья связано, с одной стороны, с врожденными особенностями психики, с другой – с действующими в процессе жизни факторами – чрезмерными психическими нагрузками и психологическими травмами. Эти две стороны могут обуславливать низкий уровень психической энергии, низкую работоспособность, дисгармонию, неадекватность поведения [5].

Выводы. Таким образом, для школьников с нарушениями опорно-двигательного аппарата характерна эмоциональная лабильность, возбудимость, быстрая психическая пресыщаемость. Отмечаются симптомы повышенной тревожности, страхи либо весь комплекс невротических расстройств. В случае более грубых повреждений центральной нервной системы наблюдаются немотивированные колебания настроения с агрессивностью, злобностью, конфликтностью, расстройствами влечений. Именно эмоционально-личностная сфера, её состояние определяет состояние личности большого ребёнка: восприятие себя, своего тела, своего положения среди окружающих, отношение к дефекту, считывание и понимание внешних раздражителей, реагирование на внешние условия. Состояние личности подчинено уровню развития и состоянию эмоционально-личностной сферы. Коррекционная психологическая работа со школьниками, имеющими нарушения опорно-двигательного аппарата, будет тогда эффективна и наиболее успешна, когда ребёнок будет правильно понимать, воспринимать себя, принимать себя таким, как есть, распознавать и дифференцировать внешние раздражители, считывать эмоции окружающих и правильно реагировать на них.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгова, В. И. Особенности самооценки и морально-нравственного развития младших школьников с нарушением опорно-двигательного аппарата / В. И. Долгова, Ю. А. Рокицкая, А. А. Рожкова. // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2018. – Т. 44. – С. 115–121.
2. Ильин, Е. П. Эмоция и чувства / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2018. – 637 с.
3. Калижнюк, Э. С. Роль личностных реакций в патологии формирования характера при детских церебральных параличах / Э. С. Калижнюк // Журнал невропатологии и психиатрии. – 2011. – № 3. – С. 55–59.
4. Кряжева, Н.Л. Развитие эмоционального мира детей / Н. Л. Кряжева. – Ярославль, 2016. – 240 с.
5. Левченко, И.Ю. Технологии обучения и воспитания детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата: Учеб.пособие

- для студ. сред. пед. учеб. заведений / И. Ю. Левченко. – М.: Академия, 2019. – 192 с.
6. Нурымов, Е. С. Методы определения эмоционального состояния детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата/ Е. С. Нурымов, Н. Б. Жиенбаева, Д. С. Какабаева/ Евразийский Союз Ученых. – №4(73). – 2020. – С. 60–63.

АННОТАЦИЯ

Халилова Левиза Джаферовна. Методологические аспекты исследования эмоционально-личностной сферы школьников с нарушением опорно-двигательного аппарата

В данной статье на основе анализа психологической литературы обоснованы методологические аспекты исследования эмоционально-личностной сферы школьников с нарушением опорно-двигательного аппарата. В ходе изложения статьи раскрыты определения понятия «эмоции» и «эмоционально-личностная сфера», дана характеристика психологического развития школьников с нарушениями опорно-двигательного аппарата, а также описана специфика их эмоционально-личностной сферы.

Ключевые слова: методология исследования, эмоции, эмоционально-личностная сфера, нарушение опорно-двигательного аппарата.

SUMMARY

Khalilova L.D. Methodological aspects of studying emotional and personal sphere of schoolchildren with the musculoskeletal system disorder

Based on the analysis of psychological literature, the article deals with the methodological aspects of studying the emotional and personal sphere of schoolchildren with musculoskeletal system disorder. We have analyzed the definitions of the concepts of *emotions* and *emotional-personal sphere*, the characteristics of the psychological development of schoolchildren with disorders of the musculoskeletal system, as well as the specific features of their emotional and personal sphere.

Key words: research methodology, emotions, emotional and personal sphere, musculoskeletal system disorder.

УДК 159.9

**ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ
БЛАГОПОЛУЧИЕ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА
В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Стремление к благополучию является одной из основных движущих сил человека. Принимая в внимание сложность и многогранность психологического благополучия, а также полисемию терминологии, необходимо проанализировать различные взгляды на понимание этого феномена и его конструкторов. Изучением благополучия занимается большое количество исследователей в основных двух парадигмах: эвдемонистической и гедонистической.

В эвдемонистической парадигме понимания психологического благополучия можно выделить две группы. В первой группе теорий (Селигман М., Рифф К., Леонтьев Д. А., Ширяева А.С. и др.) психологическое благополучие рассматривается как совокупность психологических черт, которые обеспечивают личности высокий уровень качества взаимодействия с окружающим миром, благодаря чему возникает чувство удовлетворения собой и своей жизнью. Во второй группе теорий (Воронина А. В., Гранкина-Сазонова Н. В., Гуляева А. В., Идобаева А. А., Кряж И. В., Сердюк Л. С.) психологическое благополучие понимается как интегративная система качество личности, которая достигается за счет полноценного функционирования на всех уровнях жизнедеятельности: биологическом, индивидуально-психологическом, социальном, духовном.

В основе гедонистического подхода лежит идея того, что движущей силой человека является стремление к наслаждению. Близко по содержанию к понятию «психологическое благополучие» личности стоит понятие «удовлетворенность жизнью», которое в отдельных психологических исследованиях рассматривается как составляющая счастья, удовлетворенность трудом, удовлетворенность жизнью [11; 1]. Через понятия удовлетворенности жизнью подчеркивается близость понятий счастья, психологического и субъективного благополучия. Для осознания термина необходимо обратиться к таким понятиям: «субъективное» и «благополучие». В соответствии с семантическим анализом, под субъективным благополучием следует понимать состояние удовольствия, которое определяется человеком как субъектом и связано с достижением необходимых благ и счастья, но не всегда совпадает с объективными условиями. К теории гедонистической направленности относят представление о

благополучии Бредберна Н. и Динера Е. Бредберн Н. определил благополучие как субъективное ощущение общей удовлетворенности жизнью и счастья (по сути, это является современным пониманием субъективного благополучия) [9, с.320]. Ученый разработал структуру благополучия, которая состоит из двух видов аффекта – негативного и позитивного. Разница между позитивным и негативным аффектами является показателем благополучия, который отражает общее восприятие удовлетворенности или неудовлетворенности жизнью [9, с.320]. На сегодня почти общепринятой является модель субъективного благополучия Динера Е. [10, с. 542-575]. Динер Е. ввел понятие субъективного благополучия и описал трехкомпонентную структуру субъективного благополучия, в которой все три компонента являются относительно независимыми друг от друга: удовлетворенность жизнью, позитивные и негативные эмоции. В понятии «субъективное благополучие» подчеркивается, что внешние факторы действуют на переживание благополучия через субъективное восприятие, субъективную интерпретацию и субъективную оценку и обусловлены особенностями личности. Поскольку субъективное благополучие – бинарное понятие, то его смысл может быть понят только с учетом содержания каждой из составляющих, то есть когнитивной и эмоциональной сторон самопринятия. Динер Е. рассматривает субъективное благополучие как часть психологического благополучия и отмечает, что для описания психологического благополучия является необходимостью вводить дополнительные характеристики, как это сделала Рифф К. [10, с. 542-575].

Понятия удовлетворенности и благополучия личности основываются на субъективном эмоционально окрашенном отношении к событиям. Внутренний комфорт, равновесие, удовлетворенность качеством жизни позволяют почувствовать себя счастливым, а это, в свою очередь, делает субъективное благополучие эмоционально-положительным. Коваленко А. Б. рассматривает психологическое благополучие как феномен, который выражает отношение человека к себе, а также к процессам собственной жизни, которые являются значимыми для него, и сопровождается субъективным ощущением удовлетворенности и счастья. Следует отметить, что вследствие неопределенности термина «счастье» некоторые психологи отказывались от его использования и заменяли термином «субъективное благополучие». Понятие субъективного благополучия выступает достаточно точным научным эквивалентом понятия «счастье», рассматриваемого в парадигме субъективного переживания [6, с.63]. Бонивелл И. отмечает, что понятие «субъективное благополучие» используется в научной литературе как заменитель термина «счастье» [2, с.192].

У большинства авторов нет согласия относительно операционализации понятий «субъективное благополучие» и «психологическое благополучие». Так, много ученых, среди которых Бахарева Н. К., Куликов Л. В., Пучкова Г. Л., Санько К. А., Соколова Н. В., Шамионов Г. М., рассматривают психологическое благополучие как часть субъективного благополучия. Согласно утверждениям Созонтова А. Е., Лебедевой А. А., субъективное благополучие является индикатором психологического благополучия [7, с. 105-114]. Батурин Н. А., Башкатов С. А., Гафарова Н. В. рассматривают субъективное благополучие как структурообразующий фактор личностного благополучия. Весна Е. Б., Ширяева А. С. предлагают рассматривать субъективное благополучие как один из основных критериев психологического благополучия. В трудах Бочаровой А. Е. можно найти трактовки этих понятий как синонимичных. Соколова Н. В. рассматривает субъективное благополучие с трех сторон: 1) соответствие системе ценностей, принятой в культуре; 2) удовлетворенность жизнью, которая связана со стандартами «хорошей жизни»; 3) житейское (обыденное) понимание счастья как превосходства положительных эмоций над отрицательными [3, с.24]. Пучкова Г. Л. выделила особые психологические признаки субъективного благополучия: 1) субъективность; 2) позитивность измерения (не отсутствие негативных факторов, а наличие определенных позитивных показателей); 3) глобальность измерения (оценка всех аспектов жизни личности за определенный период). Куликов Л. В. также подчеркивает субъективную природу благополучия. В его понимании, субъективное благополучие – это относительно устойчивое, значимое для личности переживания, что является важной составной частью ведущего психического состояния. К тому же он отмечает, что человек способен чувствовать состояние благополучия и его отрефлексировать. В своих трудах Куликов Л. В. выделяет компоненты субъективного благополучия: 1) когнитивный (рефлексивный), который характеризует отдельные аспекты жизни человека; 2) эмоциональный, который отражает эмоциональное отношение человека к обстоятельствам его жизни. Бородкина Е. В. подчеркивает, что в понятии «субъективное благополучие» отражается влияние внешних факторов на переживание личностью благополучия благодаря субъективным восприятием, интерпретации и оценке того, что происходит. Среди факторов субъективного благополучия выделены осмысленность жизни и жизнестойкость человека. Долгов Ю. М. отмечает, что субъективное благополучие предполагает наличие социально-нормативных ценностных установок и связано со стереотипами, которые произведены в обществе и усвоены субъектом в процессе

социализации. Проблема субъективного благополучия зарождается в результате процесса социализации, поскольку общество определяет компоненты субъективного благополучия, которые влияют на удовлетворение потребностей личности. Субъективное благополучие – это тонко организованное чувство, которое испытывает каждый конкретный человек и которое определяется системой представлений человека о себе, своей жизни, взаимоотношениях. Долгов Ю. М. выделяет две подсистемы субъективного благополучия: когнитивную и эмоциональную. Когнитивная является комплексом представлений о своей жизни в целом и ее отдельных сторонах. Возникающие противоречия могут вносить когнитивный диссонанс в понимание жизни как неопределенности. Эмоциональная подсистема проявляется через доминирующий эмоциональный тон в отношении к жизни. Это переживания, чувства, обусловленные успешным или неуспешным функционированием различных сфер жизни. Диссонанс в разных сферах может вызвать эмоциональный дискомфорт и чувство неблагополучия, а положительный эмоциональный фон, наоборот, свидетельствует о субъективном благополучии.

Фундаментальными исследованиями субъективного благополучия являются работы исследователя Шамянова Г. М. Он описал собственную структурно- функциональную модель субъективного благополучия, где субъективное благополучие – это интегральное социально-психологическое образование, которое отражает определенный уровень внутренней экологии личности: представление о себе, своей жизни, своих взаимоотношениях. Уникальная система смысловых образований личности играет важную роль в формировании субъективного благополучия. Например, значимые события, наличие смыслов и ценностей обеспечивают чувство удовлетворенности жизнью и создают зону субъективного благополучия. Автор считает, что субъективное благополучие – это не переживание абсолютного счастья или удовлетворенности всего и всем, а состояние динамического равновесия, что достигается различными переживаниями удовлетворенности в различных сферах жизнедеятельности [8, с.240]. Описывая свою модель субъективного благополучия, Шамянов Г. М. отмечает, что для субъективного благополучия является характерным выполнения четырех функций:

- 1) регулятивной, которая заключается в урегулировании и сохранении внутреннего баланса собственного самочувствия, отношения к себе, отношения к окружающим. Таким образом, регулятивная функция способствует адаптации человека в социуме;

2) функция управления когнитивными процессами заключается в систематизации и интеграции опыта, в соотношении актуальных и перспективных знаний и чувственного опыта;

3) функция развития обеспечивает стремление личности к саморазвитию, удовлетворению высших потребностей, сохранении баланса;

4) поведенческая функция состоит в «выборе стратегий поведения в зависимости от локуса благополучия и направленности личности» [8, с. 10].

Шамионов Г. М. также считает, что достижение субъективного благополучия возможно по принципу иерархического строения потребностной сферы Маслоу А. В теории Маслоу А. подчеркивается, что переход от одной потребности к другой является результатом удовлетворения первой [3, с.24]. В понимании Маслоу А., субъективное благополучие – это не частная ситуация, а обобщенная оценка жизни, удовлетворения тех потребностей, которым человек придает особый смысл, высшая форма субъективного благополучия – самоактуализация [3, с.24]. Неудовлетворенность потребности не означает обязательного снижения субъективного благополучия, наоборот, это может создать предпосылку для усиления активности личности, направленной на удовлетворение потребности. Рефлексия ситуации и собственных возможностей приводит к изменению индекса субъективного благополучия [8, с. 240].

Субъективное благополучие часто употребляется наряду с родственными понятиями, которыми являются понятия «счастье», «удовлетворенность жизнью». Однако Капра Дж. и Сервон Д. отмечают, что отождествление благополучия и счастья является не столь универсальным, как кажется, поскольку для некоторых людей характерно выдвижение на первый план цели, осмысления жизни, а невысокой самооценки или частого переживания счастья [5]. Считаем, что наиболее полное определение субъективного благополучия сформулировано Шамионовым Г. М. В его трактовке, субъективное благополучие отражает собственное отношение человека к себе и жизни, которое имеет значимость для личности с точки зрения усвоенных нормативных представлений о внешней и внутренней среде и которое характеризуется чувством удовлетворенности [8, с. 240]. В структуре субъективного благополучия традиционно выделяют два основных компонента: когнитивный и эмоциональный. К тому же субъективное благополучие человека отражает не столько удовлетворенность обстоятельствами жизни, сколько стабильные личностные характеристики.

В современной науке психологическое благополучие рассматривается не как стремление к всеобъемлющему счастью

и удовлетворенности жизнью, а как «переживание определенных чувств по отношению к себе и своей жизни в конкретный период времени». Итак, психологическое благополучие является целостным субъективным переживанием, в основе которого лежит анализ собственного жизненного пути.

Таким образом, в эвдемонистическом подходе психологическое благополучие рассматривается в зависимости от полноты реализации личностью собственного потенциала и связано со смысловой наполненностью жизни и процессом её проживания. В гедонистическом подходе психологическое благополучие рассматривается с позиции удовлетворенности – неудовлетворенности личности собственной жизнью и отражает преобладание положительной эмоциональной окрашенности над отрицательной. Нужно отметить, что в современной психологической науке разграничение понятий «субъективное благополучие» и «психологическое благополучие» является дискуссионным. Одни исследователи рассматривают субъективное благополучие как составляющую психологического благополучия, другие – психологическое благополучие как часть субъективного благополучия. В отдельных работах указанные понятия трактуются как синонимичные, но чаще эти понятия рассматриваются как взаимодополняющие показатели позитивного функционирования человека [4, с.198-207]. Классификация подходов к проблеме благополучия позволяет выделить два его вида: психологическое благополучие, которое понимается через понятие «личностный потенциал», «положительные черты», «психологические ресурсы» (Райан Г., Рифф К., Леонтьев Д. А., Селигман М., Олефир В. А.), и субъективное благополучие, которое рассматривается в рамках понятий «счастье», «удовлетворенность жизнью» (Бредберн Н., Динер Е., Куликов Л. В., Шамионов Г. Г.). Оно включает психологическое функционирование, а также когнитивные и эмоциональные аспекты благополучия [13, с.687-695]. На наш взгляд, психологическое благополучие является комбинацией положительных аффективных состояний, таких как счастье (гедонистическая парадигма), и функционирования с оптимальной эффективностью в индивидуальном и социальной жизни (эвдемонистическая парадигма). Дифференциация субъективного и психологического благополучия является достаточно условной, поскольку концепции благополучия имеют интегративный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аргайл М. Влияние взаимоотношений на счастье и удовлетворенность / М. Аргайл. // Психология семьи :

- Хрестоматия / ред. Д.Я. Райгородский. : Бахрах-М, 2007. – С. 384-400.
2. Бонивелл И. Ключи к благополучию. Что может позитивная психология. Пер. с англ. Маши Бабичевой.– М.: Время, 2009. – 192 с.
 3. Воронина А.В. Оценка психологического благополучия школьников в системе профилактической и коррекционной работы психологической службы: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Томск, 2002. – 24 с.
 4. Грубьяк О. М. Психологическое благополучие современных мужчин и женщин периода ранней взрослости / О. М. Грубьяк // Психологичний часопис. – 2017. – № 1. – С. 198-207.
 5. Капра Дж., Сервон Д. Психология личности. – СПб.: Питер, 2003.
 6. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. – М.: смысл, 2006. – 63 с.
 7. Сзонтов А.Е. Гедонистический и эвдемонистический подходы к проблеме психологического благополучия // Вопросы психологии. – 2006. – № 4. – С. 105-114.
 8. Шамионов Р.М. Личность и ее становление в процессе социализации. – Саратов: СГПИ, 2000. – 240 с.
 9. Bradburn N. The Structure of Psychological well-being. – Chicago: Aldine Pub. Co., 1969. – 320 p.
 10. Diener E. Subjective well-being//Psychological Bulletin. – 1984. – № 95. – P. 542–575.
 11. Ruggeri K, Garcia Garzon E, Maguire á, huppert f. Chapter 1: comprehensive psychological well-being. In: looking through the wellbeing kaleidoscope: results from the european social survey. London: new economics foundation; 2016
 12. Seligman M. Put' k protsvetaniyu. Novoe ponimanie schast'ya i blagopoluchiya [Flourish: A Visionary New Understanding of Happiness and Well-being]. Moscow, Mann, Ivanov I Ferber Publ., 2013, 440 p.
 13. Tennant R, Joseph S, Stewart-Brown S: The Affectometer 2: a measure of positive mental health in UK populations. Qual Life Res 2007,16(4):687–695.

АННОТАЦИЯ

Храпко Анастасия Марковна. Психологическое и субъективное благополучие как предмет научного анализа в психологической науке

В статье представлен обзор основных исследований благополучия личности, проведенных в рамках эвдемонистической и гедонистической парадигм. Подчеркивается, что в

эвдемонистической парадигме предметом исследования является психологическое благополучие, в гедонистической парадигме – субъективное благополучие; дифференциация субъективного и психологического благополучия является достаточно условной, поскольку концепции благополучия имеют интегративный характер.

Ключевые слова: психологическое благополучие, субъективное благополучие, эвдемонистическая и гедонистическая парадигмы.

SUMMARY

Khrapko A. M. Psychological and subjective well-being as a subject of scientific analysis in psychological science

The article presents an overview of the main studies of personal well-being conducted within the framework of the eudemonistic and hedonistic paradigms. It is emphasized that in the eudemonistic paradigm, the subject of research is psychological well-being, in the hedonistic paradigm – subjective well-being; differentiation of subjective and psychological well-being is rather conditional, since the concepts of well-being have an integrative character.

Key words: psychological well-being, subjective well-being, eudemonistic and hedonistic paradigms.

Хребина Светлана Владимировна

г. Пятигорск, РФ,

Никулина Светлана Анатольевна

г. Пятигорск, РФ,

Воронкина Любовь Борисовна

г. Пятигорск, РФ

УДК 316.624.2

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ АГРЕССИВНЫХ ПАТТЕРНОВ ПОВЕДЕНИЯ

Сообщения средств массовой коммуникации составляют значительную часть информационного поля, в котором существует современный человек. Многочисленные экспериментальные исследования доказывают их воздействие на формирование картины мира личности, ее эмоциональные переживания и поведение [11].

В настоящий момент установлено, что средства массовой коммуникации могут влиять на личность как положительно, так и отрицательно. Если сообщения массовой коммуникации улучшают жизнь отдельного человека и социума, то это принимается и поощряется обществом. Большую озабоченность вызывает деструктивное влияние СМК на человека. Особенно

общественность обеспокоена воздействием масс-медиа на проявление агрессивного поведения получателей информации в реальном мире.

Агрессивное поведение несет в себе значительную угрозу для членов общества. Его формы могут быть разнообразны, но все они приносят тот или иной ущерб и вызывают страдания у своих жертв. Исследователи изучают данный феномен давно, и, тем не менее, до сих пор ведутся дискуссии о причинах его проявления. Среди наиболее обсуждаемых факторов, обуславливающих агрессивное поведение человека – материалы с образцами насилия и паттернов агрессивного поведения, демонстрируемыми средствами массовой коммуникации. Исследователи давно установили связь между просмотром агрессивного контента СМК и воспроизведением увиденных моделей [2]. Метаанализ 85 научных работ медианасилия и его связи с реальным насилием в обществе, представленный в сборнике «Насилие в СМИ» под редакцией К. Вексера, выявил эту связь в 84 случаях. Только в одной из рассматриваемых работ корреляция не была обнаружена. Примечательно, что данное исследование было спонсировано телекорпорацией NBC [4].

Однако выявленная взаимосвязь не получила однозначного объяснения и требует дальнейшего экспериментального изучения и анализа полученных фактов. Существуют разные точки зрения на влияние агрессивных материалов на аудиторию. Чаще всего противопоставляются биологический и социальный факторы. Так, изначально более агрессивные люди могут выбирать контент, содержащий насилие, или же они становятся агрессивными вследствие его просмотра. Также по-разному оценивается влияние просмотренного материала. Есть точка зрения, что человек агрессивен по своей природе, и наблюдение за жестокостью других, в том числе посредством массовой коммуникации, высвобождает подавленные импульсы, тем самым принося необходимую разрядку зрителю безопасным для окружающих способом. В двух других гипотезах, наоборот, сцены насилия в СМК постулируются в качестве причин агрессивного поведения зрителей. Согласно «Гипотезе катализатора» Л. Берковитца сцены насилия являются своеобразными стимуляторами возбуждения и импульсивного поведения у зрителей. Они способствуют фокусировке на агрессивных воспоминаниях и идеях, что в итоге приводит к агрессивному поведению. Другая гипотеза утверждает, что насилие, увиденное в СМК, копируется аудиторией, становится моделью поведения и, в дальнейшем, входит в репертуар ее поведенческих реакций [3].

Исследования, проведенные Л. Берковитцом, А. Бандурой, Д. К. Клаппером, С. Фешбахом, Р. Бэрном, Д. Ричардсон и др. подтверждают вторую точку зрения [11]. Данные естественного

эксперимента согласуются с фактами лабораторных исследований. Так, ограничение трансляций сцен насилия, демонстрируемых телевидением, уменьшало уровень агрессии в конкретной стране. В качестве иллюстрации можно привести ситуацию в Польше, где законодательно было определено максимально возможное количество сцен насилия в СМИ. Как следствие, отмечался меньший уровень выраженности агрессии у польской молодежи, чем в то же время у данной возрастной категории в США, где сообщения СМИ не контролировали по данному параметру [12].

В настоящий момент нет единой точки зрения на степень влияния массовой коммуникации на аудиторию. Так, существует точка зрения, абсолютизирующая воздействие массовой коммуникации на сознание личности (теория максимального эффекта), игнорирующая влияние массовой коммуникации (теория минимального эффекта) и допускающая умеренное влияние на адресата [7]. Дж. Брайант предлагает не противопоставлять обозначенные позиции, а рассматривать их как уровни влияния на определенную часть аудитории, при котором воздействие может варьироваться от ограниченного до весьма сильного [1].

Относительно влияния СМК на агрессивность представлены данные, согласующиеся с обозначенными выше точками зрения. А. Бандурой было показано большое влияние демонстрируемых паттернов на поведение детей [11]. Обобщение данных Хогберном показало умеренную, но убедительную взаимосвязь между наблюдением медианасилия и агрессивным поведением аудитории. Дж. Комсток отмечает влияние СМК на склонность зрителей к агрессивным паттернам поведения в дальнейшем в пределах 5-15% [4].

Концепция Дж. Брайант хорошо согласуется с взглядами отечественных авторов. С.Л. Рубинштейн, в сформулированном им принципе детерминизма, писал о том, что действительность обуславливает психическую жизнь опосредованно, преломляясь через личностные и познавательные свойства субъекта [9, с. 27]. Применительно к проблеме воздействия массовой коммуникации на аудиторию, можно сказать, что результат воздействия определенного сообщения окажет разный результат на получателей информации. Какая-то часть аудитории отреагирует соответственно ожиданиям коммуникатора, реакция другой ее части может быть для него непредсказуема. Даже если целью коммуникатора, предлагающего зрителю сюжет, содержащий насилие, является его недопущение в дальнейшем, сам зритель волен интерпретировать его совсем по-другому.

СМК снабжают аудиторию сценарием действия различных форм агрессивного поведения: физической и вербальной, активной и

пассивной, прямой и косвенной, направленной на других людей и на окружающие объекты, различными их комбинациями, а также на себя самого.

Мы получаем порочный круг: средства массовой коммуникации отображают события реальности, в которых есть насилие и драматизм, аудитория, подражая моделям поведения героев сообщений СМК, переносит насилие в реальность. Образцы для подражания есть в новостных выпусках, документальных фильмах, художественных фильмах, сериалах и даже в мультфильмах. Сюжеты новостей изобилуют фактами убийств, членовредительства, порчи имущества, расстрелов, военных действий, оскорблений, угроз и т.п. *Например, убийство Джорджа Флойда 25 мая 2020 г. полицейскими, и его освещение в СМИ было в новостных сообщениях многих стран. Реакцией на него стали массовые беспорядки и необходимость ввода чрезвычайного положения в Миннеаполисе и окрестностях.* Убийства и гибель известных людей, а также их агрессивные действия или направленные против них, становятся многократным новостным поводом, ретранслируемым в годовщины их смерти. *До сих пор муссируется убийство Джона Кеннеди и обстоятельства гибели леди Дианы.* Многие кинофильмы, сериалы, развлекательные передачи посвящены событиям, жертвами которых являются люди или их группы. Популярны жанры киноиндустрии такие как ужасы, триллеры, боевики, детективы, extreme cinema, truecrime и многие другие эксплуатируют потребность публики к наблюдению за насилием. Примеров множество, среди них можно назвать такие: *«Техасская резня бензопилой», «У холмов есть глаза», «Хэллоуин», «Пятница 13», «Крик», «Я знаю, что вы сделали прошлым летом», «Поворот не туда» «Анатомия насилия», «Я плюю на ваши могилы», «Райское озеро», «Мученицы», «Последний дом слева», «Джокер», «Однажды в Голливуде...», «Палач», «Ворошиловский стрелок», «Русский бес» и многие другие.*

С экранов телевизоров и мониторов на аудиторию выплескивается не только физическая, но и вербальная агрессия. Ненормативная лексика является ярким ее примером. Несмотря на законодательный запрет от 2014 года ее использования в теле и радиоэфире, проблема речевой агрессии остается актуальной. Разные ее формы демонстрируются как в новостных сообщениях, так и в разнообразном развлекательном контенте. Передаваемая в контексте сюжетов фильмов, сериалов, юмористических передач, вербальная агрессия начинает восприниматься аудиторией как часто употребляемая, исследователи отмечают также криминализацию лексики [10].

Если размывание норм в родном языке удручает, то последствия демонстрации массовых расстрелов являются непоправимыми.

Обратимся к проблеме скулшутинга в России, в освещении которой, на наш взгляд, средства массовой коммуникации играют значимую роль в демонстрации агрессивных паттернов поведения. Скулшутинг – феномен насильственных инцидентов с расстрелами школьников или стрельбой в школах (англ. – schoolshooting). Он возник в начале XX века, но получил распространение после расстрела Эриком Харрисом и Диланом Клиболдом учеников в школе «Колумбайн» штата Колорадо в США 20 апреля 1999 г. вследствие широкого и интенсивного освещения в СМК [6].

Новостные события, вызвавшие сильный общественный резонанс, часто подхватываются киноиндустрией. Колумбайн не стал исключением. Трагедия, унесшая 13 жизней, стала сюжетом для фильма «Класс» (2007) эстонского режиссера Ильмара Раага. В 2016 году уже американский режиссер Брайан Боф снял фильм о массовом убийстве в школе Колумбайн под названием «Мне не стыдно». Сюжеты расстрела в образовательных учреждениях стали основой для художественных фильмов «Сердце Америки» Уве Болла (2002), «Нулевой день» (2003), «Слон» (2003) Гаса ван Сента, «Что-то не так с Кевином» (2011) Линн Рэмси, «Черный дрозд» (2012) Джейсона Бакстона и документального фильма «Боулинг для Колумбины» (2002) Майкла Мура и др.

3 февраля 2014 года отмечено первым случаем скулшутинга в России. Сергей Гордеев открыл ящик Пандоры и количество убийств в образовательных учреждениях России с тех пор, к сожалению, растет. Насчитывается уже 18 случаев убийств в школах и колледжах России [6].

Детальная отчетность, широкое освещение в СМК информации о убийствах и самоубийствах впоследствии увеличивают частоту подобных событий. Колумбайн-эффект имеет много общего с синдромом Вертера – массовой волной подражающих самоубийств, которая возникает после самоубийства, широко освещенного в СМК, либо описанного в популярном произведении литературы или кинематографа. Роль подражания может быть косвенно подтверждена следующими данными. Все случаи скулшутинга были совершены молодыми людьми (мужчинами), большинство из них применило огнестрельное оружие и/или планировало применить взрывчатые вещества. Прессой отмечались схожие характеристики убийц в поведении или одежде с Эриком Харрисом или Диланом Клиболдом. *После расстрела жертв, они сводили счеты с жизнью, как, например, Даниил Засорин и Владислав Росляков, или планировали застрелиться, как Сергей Гордеев.* Обобщение данных по трагедиям в образовательных учреждениях привели авторов к

выводу, что в 12 случаев из 23 состоявшихся и предотвращенных актах насилия просматривается влияние событий в Колумбайне [6].

В настоящий момент доминирует точка зрения, что не существует единого профиля скулшутера. Несостоятельной оказалась гипотеза о психических заболеваниях агрессоров, хотя некоторые из скулшутеров все же состояли на учете в специализированных учреждениях. Карпова А.Ю., Максимова Н.Г. приводят данные о 4 из 23 (17%) случаев. В то же время можно предположить, что влияние на стрелков опосредуется внутренними условиями – их личностными характеристиками. Мотивы убийств могут быть разнообразны, например, защита своего «Я», стремление к превосходству и доминированию, идентификация с героизированными образами, получение удовольствия от наблюдения за страданиями других, месть, личная неприязнь, расширенный суицид и др. Среди причин, обуславливающих такое поведение, можно назвать: конфликты с учителем или учащимися, оскорбления и унижения, буллинг, психологический кризис. *Например, у Сергея Гордеева не было конфликта с его жертвой, в СМИ упоминается усталость старшего школьника от жизни и страх. Даниил Засорин выбирал свои жертвы, отпуская людей, непричастных к его обидам.* В этом случае явно прослеживается мотив мести.

Несмотря на свои различия, скулшутеры привлекают определенную аудиторию, которая фиксирует внимание на трагических событиях, оставаясь равнодушной к их жертвам. Социологический опрос 1152 школьников Москвы, проведенный Центром социологии образования РАО, показал, что просмотр сцен насилия приносит удовольствие 10,9% опрошенным, 2,8% учащихся целенаправленно выбирают агрессивный контент. К. А. Тарасов приводит сведения о 6% российских подростков, считающих, что жестокие фильмы учат, как нужно овладевать искусством насилия. Насилие на экране вызывает положительные эмоции у 39–43% подростков, склонных к хулиганским поступкам и участию в драках [5].

Райтанен Дж., Оксанен А., проводя этнографическое исследование, обнаружили, что подростки, интересующиеся тематикой скулшутинга, не образуют однородную группу и делятся внутри субкультуры на четыре подгруппы в зависимости от их интересов и моделей поведения: исследователи, фанаты, колумбайнеры и подражатели [6]. При этом только подражатели являются теми, кто заинтересован в тиражировании агрессивных действий. Помимо подражателей, другие подгруппы также участвуют в романтизации преступников и распространении идей скулшутинга. Пользователи, интересующиеся событиями, связанными со скулшутингом, считают себя неравнодушными, добрыми и хорошими людьми,

друзьями, объединенными общей трагедией. В основном эти определения касаются пользователей сообществ, посвященных Даниилу Засорину. Они испытывают чувство боли, жалости, утраты, шока, несправедливости по отношению к произошедшему, и, в то же время, надеются на «справедливое расследование». Отметим, для них «справедливым расследованием» является оправдание действий Даниила и признание факта его травли другими студентами колледжа, наказание виновных студентов.

Масштабное освещение в СМК инцидента с керченским стрелком породило случаи подражания и героизацию преступников в среде российских скулшутеров. В 2 случаях скулшутинга (Казань 2021, Пермь 2021) отмечается прямое копирование, вдохновенность образом и героизация керченского стрелка. Эффект подражания сработал и в случае первого инцидента скулшутинга 2014 г. В соцсети ВК опьяненные «славой героев», сотворенной СМИ, молодые люди создали и продолжают создавать «фан-клубы», сообщества, названные в честь стрелков, тиражируя преступные идеи и способы достижения личных целей через применение насилия.

Наиболее эффективным подходом к противодействию угрозе скулшутинга будет пересмотр подхода к широкому освещению в СМК подробностей, имен и деталей инцидентов скулшутинга. Эффект подражающих инцидентов – это следствие трагедии, преобразованной СМК в сенсацию. СМК должны быть ответственными в представлении фактов, которые провоцируют эффект заражения молодежи деструктивными идеями. Уже разработаны подобные рекомендации относительно представления в СМК информации о самоубийствах [8]. Не надо называть имени преступника, иначе это будет ему рекламой и позволит остаться в истории. Важно не делать из него героя и не романтизировать его образ для подражателей. Имеет смысл отказаться от употребления термина «стрелок», имеющего яркую героическую коннотацию, а использовать термины убийца, преступник и т.п. Информация в СМК должна содержать минимальные подробности о событии: где и как было совершено нападение, и кто пострадал. Без необходимости не фокусироваться на мотивах преступников. Важно минимизировать возможность идентификации зрителей с преступником и не давать аудитории деструктивных моделей поведения.

Подводя итоги, можно сказать, что сцены насилия, демонстрирующие асоциальные модели поведения, наполненные драматизмом, оказывают влияние на аудиторию и могут повышать уровень ее агрессии. Количественный и качественный характер этого влияния будет различаться в зависимости от внутренних условий каждого получателя информации. Такие личностные

особенности, как: фрустрированные актуальные потребности, прохождение личностного кризиса, особенности познавательной сферы, влияющие на интерпретацию событий, отсутствие или низкий уровень выраженности эмпатии, острое переживание обиды, депрессивные состояния и др., могут быть тем фильтром, который будет преобразовывать контент СМК и способствовать реализации асоциальных паттернов поведения в реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брайант, Д. Основы воздействия СМИ / Д. Брайант. – М. : Издательский дом «Вильямс», 2004. – 419 с.
2. Бэрн, Р. Ричардсон Д. Агрессия / Р. Бэрн, Д. Ричардсон. – СПб. : Питер, 1998. – 336 с.
3. Дроздов, А. Ю. «Агрессивное» телевидение: социально-психологический анализ феномена [Электронный ресурс] / А. Ю. Дроздов. – Режим доступа: <https://ecsocman.hse.ru/data/568/841/1231/009drozdov.pdf> ... – Заголовок с экрана.
4. Жмуров, Д. В. Сценарная агрессия. Влияние СМИ на криминализацию молодежи [Электронный ресурс] / Д. В. Жмуров. – Режим доступа: <https://refdb.ru/look/1964653-p2.html>... – Заголовок с экрана.
5. Ильин, Е. П. Психология агрессивного поведения / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2014. – 368 с.
6. Карпова, А. Ю. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. – 2021. – №1 [Электронный ресурс] / А. Ю. Карпова, Н. Г. Максимова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/skulshuting-v-rossii-cto-imeet-znachenie> ... – Заголовок с экрана.
7. Почепцов, Г. Теория коммуникации / Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001. – 656 с.
8. Рекомендации по распространению в СМИ информации о случаях самоубийства (rospotrebnadzor.ru) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rospotrebnadzor.ru/upload/iblock/2a1/rekomendatsii-smi-4.pdf>... – Заголовок с экрана.
9. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер Ком, 1999. – 720 с.
10. Салмина, Д. В. Проблемы современного терминоведения. Лингвистические термины за пределами специального текста: учебное пособие для вузов / Д. В. Салмина, И. С. Куликова. – М. : Юрайт, 2021. – 325 с.
11. Харрис, Р. Психология массовых коммуникаций / Р. Харрис. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 448 с.
12. Чельшева, И. В. Медиаобразовательные возможности аудиовизуальных медиатекстов на школьную и студенческую

тему // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2019. – №2. [Электронный ресурс] / И. В. Челышева, Л. И. Кобышева. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaobrazovatelnye-vozmozhnosti-audiovizualnyh-mediatekstov-na-shkolnyuyu-i-studencheskuyu...> – Заголовок с экрана.

АННОТАЦИЯ

Хребина Светлана Владимировна, Никулина Светлана Анатольевна, Воронкина Любовь Борисовна. Роль средств массовой коммуникации в реализации агрессивных паттернов поведения

В статье анализируется влияние СМК на реализацию агрессивных паттернов поведения. Обосновывается непосредственное деструктивное влияние СМК на эмоциональную сферу, реализующуюся в антисоциальных и девиантных формах поведения, особенно в молодежной среде. Анализируется уровень разработанности проблемы скулшутинга. Рассмотрена сложность проблемы школьной стрельбы. На основе анализа освещения случаев скулшутинга обосновывается необходимость пересмотра формата преподнесения информации СМК.

Ключевые слова: средства массовой коммуникации, школьный стрелок, скулшутинг, массовый убийца, преступник-подражатель, молодежь.

SUMMARY

Hrebina S.V., Nikulina S.A., Voronkina L.B. The role of mass media in implementing aggressive behavior patterns

The article is devoted to studying media influence on the aggressive patterns of behavior. The authors substantiate the direct destructive influence of the media on the emotional sphere, which is realized in antisocial and deviant forms of behavior, especially in the youth environment. We have analyzed the problem of school shooting and the level of its development, as well as have considered the thematic complexity of the problem of school shooting. As a result of the media coverage analysis of school shooting cases, the authors substantiate the need to revise the format of presenting information to the media.

Key words: mass media, school shooter, school shooting, mass murderer, copycat criminal, youth.

УДК 159.9

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ.

Актуальность проблемы обусловлена тем, что межличностные отношения являются необходимым условием бытия людей, без которого невозможно полноценное формирование психических функций и свойств человека и личности в целом.

В этой связи образовательное учреждение занимает главное место, так как обучение человека происходит в то время, когда происходит становление различных психических процессов, которые потом формируют личность человека.

Цель работы: рассмотреть и проанализировать существующие подходы к проблеме формирования социально-психологического климата в педагогическом коллективе.

Стремительное развитие научно-технического прогресса в современном мире требует высокого уровня психологической готовности человека к трудовой деятельности. В связи с этим растет интерес к такому явлению, как социально-психологический климат коллектива. Существует значительное количество научных исследований и теоретической литературы отечественных и зарубежных авторов, посвященных разработке этого вопроса, и, несмотря на все разнообразие подходов к его сущности, все работы можно условно разделить на две группы. Первая освещает проблемы отношения людей к своей работе. Во вторую группу входят исследования, изучающие отношения между коллегами внутри коллектива, как по вертикали, так и по горизонтали. Полученные результаты позволяют выделить основной параметр отношения человека к трудовой деятельности – это психологический настрой, т.е. предметное и эмоциональное восприятия его работы, что выражается в удовлетворенности или неудовлетворенности своим трудом. Социально-психологический климат проявляется в отношении людей друг к другу и к общему делу, но этим феномен не исчерпывается. Он оказывает влияние на собственное мироощущение и мировосприятие человека, что формирует систему ценностных ориентаций личности как члена определенного коллектива.

Исследуя коллектив, важно выяснить, какие обстоятельства и факторы способствуют или мешают установлению социально-значимых форм взаимодействия людей в коллективе. С этой целью используются методики, изучающие и измеряющие сведения о социально-психологическом климате, а также факторы, с помощью которых им можно управлять. Благодаря распространению

результатов научных исследований, мы получаем конкретное направление, в котором необходимо совершенствовать социально – психологический климат для решения профессиональных задач работниками в соответствии с современными требованиями.

Изучая научные труды, можно обнаружить и различия во взглядах на социально-психологический климат в зарубежных и отечественных исследованиях. Так, зарубежные ученые рассматривают социально-психологический климат как «организационную культуру». Главным отличием, по их мнению, являются временные рамки, «климат» носит кратковременный и более изменчивый характер, а «культура» – более длительная и стабильная характеристика организации. Организационная культура несет в себе целостность, системность; развитие организации; наличие ритуалов, символов; мягкость воздействия. Ядром культуры являются ценности, а сама культура является коллективным программированием мыслей, которые отличают одну группу людей от другой.

По мнению отечественных исследователей, социально-психологический климат – это многофункциональный показатель, в который входят следующие составляющие:

- уровень психологической включенности человека в деятельность;
- мера психологической эффективности и уровень психического потенциала личности и коллектива (резервы и возможности);
- обучаемость и рост личности под влиянием научно-технического прогресса.

Впервые понятие «психологический климат» было использовано Н. Мансуровым во время изучения производственных коллективов. Однако содержание этого понятия было раскрыто российским ученым В. Шепелем.

Социально-психологический климат по Шепелю В. – это эмоциональная окраска психологических связей членов коллектива, возникающая на основе их близости, симпатии, совпадения характеров, интересов, наклонностей. Шепель выделил три составляющие:

- социальный климат, определяет цели и задачи организации;
- моральный климат, который раскрывает принятые моральные ценности;
- психологический климат, состоит из личностных отношений внутри коллектива.

Проведя анализ отечественных исследований, можно выделить четыре подхода к пониманию природы социально-психологического климата. Сторонники первого подхода рассматривают его как общественно-психологический феномен,

где главной составляющей является состояние коллективного сознания (Л. Бueva, Е. Кузьмин, М. Обозов, Платонов, А. Уледов). Они считают, что «психологический климат» показывает характер взаимодействия между людьми, их настроения, уровень управления, условия и особенности труда и отдыха в этом коллективе.

Представители второго подхода (А. Русалинова, А. Лутошкин, Н. Коломинский) понимают социально-психологический климат как устойчивый психологический настрой, который оказывает большое влияние на взаимоотношения и взаимодействие людей друг с другом, их отношение к работе и окружающей среде. Их взгляд сосредоточен на изучении динамических процессов в малой группе и структуры взаимоотношений в ней, микроклимата каждого индивида, степени удовлетворения группой, преобладающих отношений, чувств, переживаний и т.п. (М. Корнев и А. Коваленко, Л. Орбан-Лембрик, М. Дьяченко и Л. Кандибович).

Авторы третьего подхода (В. Шепель, В. Покровский, Б. Парыгин) анализируют социально-психологический климат через систему взаимоотношений личности, при непосредственном контакте, что является определяющим фактором социального и психологического самочувствия.

Четвертый подход к изучению климата (В. Косолапов, А. Щербань, Л. Коган) направлен на определение социальной и психологической совместимости членов группы. Исследователи рассматривают степень нравственного единства, сплоченности, наличия общих мнений, ритуалов внутри коллектива и т.д.

Под формированием и развитием благоприятного социально-психологического климата в педагогическом коллективе мы понимаем, что в него входят все четыре подхода. Главной целью является установление морально-психологической атмосферы, напитанной дружелюбием, чувством долга, ответственности, уважением, поддержкой и т.п. Доброжелательная обстановка помогает педагогу проявить себя и способствует росту в личностном и профессиональном плане. Таким образом, мы можем выделить основные функции социально-психологического климата педагогического коллектива:

- консолидирующую, которая помогает в решении учебно-воспитательных задач путем объединения усилий и сплочения коллектива;
- стимулирующую, которая приводит к пробуждению внутренних ресурсов для педагогической деятельности;
- стабилизирующую, придает устойчивость взаимоотношениям и взаимодействию внутри коллектива;
- регулирующую, в которую входят этические нормы и правила поведения в коллективе.

Нарушение этих функций может привести к явным или слабовыраженным конфликтам, что приведет к нарушению взаимодействия внутри коллектива. В зависимости от характера конфликта можно выделить три группы:

1. Конфликт, связанный с профессиональной деятельностью педагогов. Он может возникнуть на фоне некомпетентности, безынициативности педагога;

2. Конфликт ожиданий возникает при нарушении норм и правил поведения в коллективе;

3. Конфликт личностной несовместимости, который обусловлен личностными, психологическими особенностями педагога (характер, темперамент и т.д.).

Вывод. Социально-психологический климат непосредственно зависит от каждой личности, влияние которой носит как положительный, так и отрицательный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батаршев, А. В. Психология управления персоналом: учеб. пособие / А.В. Батаршев. – СПб. : Института психотерапии, 2008. – 624 с.
2. Истратова, О. Н. Справочник психолога-консультанта организации: справочник / О. Н. Истрахова. – СПб. : Феникс, 2007. – 638 с.
3. Машков, В. Н. Психология управления: учебное пособие, 2-е издание / В. Н. Машков. – СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2008. – 254 с.
4. Почебут, Л. Г. Организационная социальная психология: учеб. пособие / Л. Г. Почебут, В. А. Чикер. – СПб. : Речь, 2009. – 448 с.

АННОТАЦИЯ

Чевычелова Наталья Васильевна. Основные подходы к проблеме социально-психологического климата в педагогическом коллективе

В статье рассматриваются подходы к проблеме формирования социально-психологического климата, кратко описываются факторы, влияющие на формирование здоровой психологической обстановки в педагогическом коллективе.

Ключевые слова: деятельность, коллектив, конфликт, социально-психологический климат.

SUMMARY

Chevychelova N.V. The main approaches to the problem of the social and psychological climate of the teaching staff

The article examines the approaches to the problem of the formation of the social and psychological climate, as well as briefly describes the factors

influencing formation of a healthy psychological environment of the teaching staff.

Key words: activity, team, conflict, social and psychological climate.

Шарафатдинова Айсултан Нураддиновна
(г. Нукус, Республика Узбекистан)

УДК 159.9

КЛИЕНТ-ЦЕНТРИРОВАННЫЙ ПОДХОД К. РОДЖЕРСА

Американский психолог К. Роджерс в книге «Клиент-центрированная терапия: современная практика, смысл и теория» обосновал принципиально новый недирективный подход к работе с клиентом.

Согласно взглядам К. Роджерса индивид взаимодействует с реальностью, руководствуясь врожденной тенденцией организма к развитию своих возможностей, обеспечивающих его усложнение и сохранение. Человек обладает всей необходимой компетентностью, чтобы решать возникающие перед ним проблемы и направлять свое поведение должным образом. Однако эта способность может развиваться только в контексте социальных ценностей, в котором человек получает возможность устанавливать положительные связи.

Основные понятия клиент-центрированного подхода. «Поле опыта», «самость», «Я»-реальное, «Я»-идеальное, «тенденция к самоактуализации». В центр своей деятельности К. Роджерс поставил личность клиента как таковую, отмежевавшись от медицинской терминологии типа «психотик», «невротик». Он отказался от традиционных тогда психотехник типа «интерпретация», «суггестия», «научения», утверждая, что такой подход ориентирован прежде всего на самого психолога. Исходя из этой позиции, можно рассмотреть те понятия в подходе К. Роджерса, относящиеся к самому процессу коррекционной работы: «эмпатия», «забота», «конгруэнтность», «психологический климат».

Эмпатия – особое отношение психолога к клиенту, при котором последний воспринимается и трактуется не через призму инструментальных концепций, а непосредственно через позитивное личное отношение и принятие феноменологического мира клиента. *Забота* – традиционный термин экзистенциализма – в концепции Роджерса имеет выраженный оттенок безусловного принятия клиента таким, каков он есть, причем именно сочувственного принятия с выраженной готовностью откликнуться на актуальное состояние клиента и с перспективой видения личностного потенциала клиента.

Конгруэнтность отражает следующие существенные признаки поведения психолога:

- соответствие между чувствами и содержанием высказываний;
- непосредственность поведения;
- неотгороженность;
- инструментальность концепций;
- искренность и пребывание таким, какой психолог есть.

Психологический климат – одно из ключевых понятий, поскольку оно концентрирует в себе отношения, профессиональные (личностные) умения, свойства и рассматривается как главное условие позитивного роста (изменения) личности в психокоррекции. Для Роджерса психологический климат включает всю гамму переживаний (от самых болезненных до самых возвышенных), подлинное проявление которых создает возможность для личностного роста. По словам К. Роджерса, психологический климат – не панацея и не все решает, но он «применим ко всем».

Цель коррекция состоит в выработке у клиента большего самоуважения и способности предпринимать действия, необходимые для приведения его «Я»-реального в соответствие с его личным опытом и глубинными переживаниями. С самого начала внимание концентрируется не на проблемах человека, а на нем самом, на его «Я», поэтому задача, которая ставится и решается в рамках взаимодействия психолога и клиента, – это помощь в личностном росте и развитии, благодаря которому человек сам решает свои проблемы. А второстепенная задача – создание соответствующего психологического климата и соответствующих отношений.

К. Роджерс выдвигал четыре условия, необходимые для поддержания атмосферы, способствующей такому процессу:

1. Прежде всего важно, чтобы психолог сохранял *безусловное позитивное отношение* к выражаемым клиентом чувствам, даже если они будут идти вразрез с его собственными установками. Клиент должен чувствовать, что его воспринимают как самостоятельного, значительного человека, который волен говорить и действовать, не опасаясь осуждения.

2. *Эмпатия*. Психолог старается увидеть мир глазами клиента и переживать события так же, как их переживает клиент.

3. *Аутентичность*. Психолог должен доказать ее, отказавшись от маски профессионала или от какого-нибудь иного камуфляжа, который мог бы разрушить атмосферу эволюции клиента, лежащую в основе этого метода.

4. И наконец, психолог должен *воздерживаться от интерпретации* сообщений клиента или от подсказки решений его проблем. Ему нужно только выслушивать и всего-навсего выполнять функцию зеркала, отражающего мысли и эмоции

клиента и формулировать их по-новому. Такое отражение и приводит клиента к изучению своих внутренних переживаний, более реалистичному самовосприятию и пониманию того, как его воспринимают другие люди. Согласно Роджерсу именно в результате развития реалистического представления о самом себе человек приобретает способность разрешать проблемы, с которыми он сталкивается.

Позиция психолога. Основное требование – отказаться от попыток играть какую-либо роль; быть самим собой. Главная профессиональная обязанность психолога – создать соответствующий психологический климат, в котором клиент сам бы отказался от защитных механизмов. При этом самое трудное – быть настоящим в общении с клиентом, проявлять уважение, заботу, принятие и понимание клиента.

К. Роджерс указывает на необходимые условия успешного коррекционного процесса, которые относятся к личности психолога и достаточно независимы от частных характеристик самого клиента – это так называемая «триада К. Роджерса»:

- конгруэнтность в отношениях с клиентом;
- безусловная положительная оценка по отношению к клиенту;
- эмпатическое восприятие клиента.

Техники. В работах К. Роджерса выделяется семь этапов коррекционного процесса, знание и полноценное использование которых можно отнести к методической стороне подхода:

1. *Заблокированность внутренней коммуникации* (отсутствуют «Я-сообщения») или сообщения личностных смыслов, отрицается наличие проблем, отсутствует желание к изменениям.

2. *Стадия самовыражения*, когда клиент начинает в атмосфере принятия приоткрывает свои чувства, проблемы, со всеми своими ограничениями и последствиями.

3. *Развитие процесса самораскрытия* и принятия себя клиентом во всей своей сложности, противоречивости, ограниченности и незавершенности.

4. *Формирование отношения к своему феноменологическому миру* как к своему, т.е. преодолевается отчужденность от своего «Я» и, как следствие, возрастает потребность быть собой.

5. *Развитие конгруэнтности, самопринятия и ответственности, установление свободной внутренней коммуникации.* Поведение и самоощущения «Я» становятся органичными, спонтанными, происходит интегрирование всего личностного опыта в единое целое.

6. *Личностные изменения*, открытость себе и миру. Психолог уже становится ненужным, так как достигнута основная цель психокоррекционной работы. Клиент находится в состоянии конгруэнтности с собой и миром, открыт новому опыту, существует

реалистический баланс между «Я»-реальным и «Я»-идеальным.

Основные компоненты роджерсовской психотехники: *установление конгруэнтности, вербализация, отражение эмоций.*

Процесс коррекции можно считать завершенным, когда у клиента появляются следующие относительно постоянные изменения:

- становится более конгруэнтным, открытым для опыта, меньше прибегает к защитам и вследствие этого более реалистичен, объективен, экстенционален в восприятии;
- эффективнее решает свои проблемы;
- улучшается психологическая приспособляемость, приближаясь к оптимальной, уменьшается ранимость;
- восприятие своего «Я»-идеального становится более доступным и реалистичным;
- вследствие увеличения конгруэнтности уменьшается тревожность, а также физиологическое и психическое напряжение;
- повышается степень положительной самооценки;
- оценку и выбор воспринимает локализованными внутри себя, доверяет себе;
- становится более реалистичным, правильно воспринимает окружающих и окружающие воспринимают поведение клиента как более социально зрелое;
- происходят различные изменения в поведении, поскольку увеличивается доля опыта, ассимилированного в «Я-структуру» и увеличивается доля поведения, которое может быть «присвоено» как принадлежащее «Я»;
- поведение становится более креативным, более адаптивным по отношению к каждой новой ситуации и к каждой вновь возникающей проблеме и кроме этого представляет более полное проявление экспрессии его собственных намерений и оценок.

Концепция К.Роджера нашла широкое применение в конфликтологии, в работе с подростками в школе и в психиатрической клинике. Однако существуют и ограничения, которые были известны создателю этой концепции. Так, существует опасность оказания психологической помощи клиенту без обеспечения условий его личностного роста, т.е. наступает эйфория, не имеющая реальных оснований. Для психолога также существует опасность чрезмерной идентификации с личностью и переживаниями клиента. Остается нерешенным вопрос о длительности психокоррекционного эффекта и о том, какие проблемы может создавать для клиента переход от психокоррекционных отношений к реальным повседневной жизни.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Завгородняя, М. В. Детская психокоррекция в играх / М. В. Завгородняя. – М. : Феникс, 2017. – 668 с.
2. Игумнов, С. А. Психотерапия и психокоррекция детей и подростков / С. А. Игумнов. – М. : Института психотерапии, 2011. – 112 с.
3. Истратова, О. Н. Практикум по детской психокоррекции. Игры, упражнения, техники / О. Н. Истратова. – М. : Феникс, 2011. – 352 с.
4. Истратова, О. Н. Практикум по детской психокоррекции. Игры, упражнения, техники / О. Н. Истратова. – М. : Феникс, 2013. – 352 с.
5. Истратова, О. Н. Групповая психокоррекция. Тренинги и роли. Игры для личностного и профессионального развития / Истратова Оксана Николаевна. – М. : Феникс, 2015. – 989 с.
6. Колесникова, Г. И. Основы психопрофилактики и психокоррекции / Г. И. Колесникова. – М. : Феникс, 2011. – 192 с.
7. Колесникова, Г. И. Психокоррекция нарушений развития / Г. И. Колесникова. – М. : Феникс, 2018. – 352 с.
8. Колесникова, Г. И. Специальная психология и специальная педагогика. Психокоррекция нарушений развития. Учебное пособие / Г. И. Колесникова. – М. : Юрайт, 2016. – 348 с.
9. Колесникова, Г. И. Специальная психология и специальная педагогика. Психокоррекция нарушений развития. Учебное пособие для академического бакалавриата / Г. И. Колесникова. – М. : Юрайт, 2017. – 498 с.

АННОТАЦИЯ

Шарафатдинова Айсултан Нуратдиновна. Клиент-центрированный подход К. Роджерса

В этой статье рассмотрены клиент-центрированный подход К. Роджерса, основные компоненты роджерсовской психотехники.

Ключевые слова: клиент, психолог, техника, психологический климат.

SUMMARY

Sharafatdinova A.N. Client-centered approach of K. Rogers

The article discusses the Client-centered approach of K. Rogers, as well as the main components of Roger's psychotechnics.

Key words: client, psychologist, technique, psychological climate.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агилар Валера Хосе Алонсо – аспирант Крымского федерального университета, психолог, преподаватель

Агуреева Елена Юрьевна – магистр психологии, ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров, Российская Федерация

Аптасова Александра Михайловна – студент 2 курса ОУ «Магистр», ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, Донецкая Народная Республика

Бараболя Елена Викторовна – студент 2 курса ОУ «Магистр», ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, Донецкая Народная Республика

Бельтюкова Оксана Витальевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров, Российская Федерация

Бердиханова Гульнара Нурлыбаевна – студент 3 курса ОУ «Бакалавр», Нукусский государственный педагогический институт им. Ажинияза, г. Нукус, Республика Узбекистан

Бойко Ольга Валериевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, Донецкая Народная Республика

Власенко Анастасия Игоревна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности и профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск, Российская Федерация

Воронкина Любовь Борисовна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии личности и профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск, Российская Федерация

Втюрина Татьяна Анатольевна – старший преподаватель кафедры психологии ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров, Российская Федерация

Давыденко Анастасия Павловна – педагог-психолог, муниципальное дошкольное образовательное учреждение «Ясли-сад общеразвивающего типа № 7 «Берёзка» города Ясиноватая», г. Ясиноватая, Донецкая Народная Республика

Зверева Римма Геннадьевна – кандидат психологических наук ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск, Российская Федерация

Зубикова Ирина Владимировна – студент ОУ «Магистр», ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Илларионова Инна Валерьевна – старший преподаватель кафедры возрастной, педагогической и специальной психологии ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», г. Чебоксары, Российская Федерация

Колиниченко Ирина Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности и профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск, Российская Федерация

Кондрашова Марина Вячеславовна – преподаватель кафедры психологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, Донецкая Народная Республика

Мальцева Ирина Вазиховна – студент ОУ «Магистр» факультета педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров, Российская Федерация

Моцкувене Наталья Сергеевна – студент 2 курса ОУ «Магистр», ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, Донецкая Народная Республика

Низовских Нина Аркадьевна – доктор психологических наук, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров, Российская Федерация

Никулина Алевтина Александровна – преподаватель кафедры психологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, Донецкая Народная Республика

Никулина Светлана Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии личности и профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск, Российская Федерация

Новикова Наталья Владимировна – преподаватель кафедры психологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, Донецкая Народная Республика

Передера Ангелина Олеговна – ассистент кафедры психологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, Донецкая Народная Республика

Плетнёва Юлия Сергеевна – преподаватель кафедры психологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, Донецкая Народная Республика

Росинская Ольга Леонидовна – студент 2 курса ОУ «Магистр», ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, Донецкая Народная Республика

Склярченко Ольга Николаевна – старший преподаватель кафедры психологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, Донецкая Народная Республика

Халилова Левиза Джаферовна – студент, ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова», г. Симферополь, Российская Федерация

Храпко Анастасия Марковна – педагог-психолог, ГПОУ «Макеевское многопрофильное профессионально-техническое училище»; аспирант кафедры психологии, ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, Донецкая Народная Республика

Хребина Светлана Владимировна – доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психологии личности и профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск, Российская Федерация

Чевычелова Наталья Васильевна – студент 2 курса ОУ «Магистр», ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, Донецкая Народная Республика

Шарафатдинова Айсултан Нураддиновна – студент 4 курса ОУ «Бакалавр», Нукусский государственный педагогический институт им. Ажинияза, г. Нукус, Республика Узбекистан

AUTHOR CREDENTIALS

Aguilar Valera Jose Alonso, postgraduate student of the Crimean Federal University, psychologist, teacher.

Elena Yu. Agureeva, Master of Psychology, FSBEI HE “Vyatka State University”, Kirov, Russian Federation

Aleksandra M. Aptasova, Second-Year Master Student, SEI HPE “Gorlovka Institute of Foreign Languages”, Gorlovka, Donetsk People’s Republic

Elena V. Barabolya, Second-Year Master Student, SEI HPE “Gorlovka Institute of Foreign Languages”, Gorlovka, Donetsk People’s Republic

Oksana V. Beltyukova, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Psychology, FSBEI HE “Vyatka State University”, Kirov, Russian Federation

Gulnara N. Berdikhanova – third-Year Bachelor Student, Ajiniyaz Nukus State Pedagogical Institute, Nukus, the Republic of Uzbekistan

Olga V. Boiko, Candidate of Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, SEI HPE “Gorlovka Institute of Foreign Languages”, Gorlovka, Donetsk People’s Republic

Anastasiya I. Vlasenko, Candidate of Psychology, Associate Professor, Department of Personality Psychology and Professional Activity, FSBEI HE “Pyatigorsk State University”, Pyatigorsk, Russian Federation

Lyubov B. Voronkina, Candidate of Psychology, Associate Professor, Department of Personality Psychology and Professional

Activity, FSBEI HE “Pyatigorsk State University”, Pyatigorsk, Russian Federation

Tatiana A. Vtyurina, Senior Lecturer, Department of Psychology, FSBEI HE “Vyatka State University”, Kirov, Russian Federation

Anastasia P. Davydenko, Teacher-Psychologist, Municipal Preschool Educational Institution “General Education Kindergarten No 7 Beryozka of Yasinovataya City”, Yasinovataya, Donetsk People’s Republic

Rimma G. Zvereva, Candidate of Psychology, Associate Professor, Department of Personality Psychology and Professional Activity, FSBEI HE “Pyatigorsk State University”, Pyatigorsk, Russian Federation

Irina V. Zubikova, Master Student, FSBEI HE “Herzen State Pedagogical University of Russia”, St. Petersburg, Russian Federation

Inna V. Illarionova, Senior Lecturer, Department of Age-Related, Pedagogical and Special Psychology, FSBEI HE “I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University”, Cheboksary, Russian Federation

Irina A. Kolinichenko, Candidate of Psychology, Associate Professor, Department of Personality Psychology and Professional Activity, FSBEI HE “Pyatigorsk State University”, Pyatigorsk, Russian Federation

Marina V. Kondrashova, Lecturer, Department of Psychology, SEI HPE “Gorlovka Institute of Foreign Languages”, Gorlovka, Donetsk People’s Republic

Irina V. Maltseva, Master Student, Faculty of Pedagogy and Psychology, FSBEI HE “Vyatka State University”, Kirov, Russian Federation

Natalya S. Motskuvene, Second-Year Master Student, SEI HPE “Gorlovka Institute of Foreign Languages”, Gorlovka, Donetsk People’s Republic

Nina A. Nizovskikh, Doctor of Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, FSBEI HE “Vyatka State University”, Kirov, Russian Federation

Alevtina A. Nikulina, Lecturer, Department of Psychology, SEI HPE “Gorlovka Institute of Foreign Languages”, Gorlovka, Donetsk People’s Republic

Svetlana A. Nikulina, Candidate of Psychology, Associate Professor, Department of Personality Psychology and Professional Activity, FSBEI HE “Pyatigorsk State University”, Pyatigorsk, Russian Federation

Natalia V. Novikova, Lecturer, Department of Psychology, SEI HPE “Gorlovka Institute of Foreign Languages”, Gorlovka, Donetsk People’s Republic

Angelina O. Peredera, Assistant Teacher, Department of Psychology, SEI HPE “Gorlovka Institute of Foreign Languages”, Gorlovka, Donetsk People’s Republic

Yulia S. Pletniova, Lecturer, Department of Psychology, SEI HPE “Gorlovka Institute of Foreign Languages”, Gorlovka, Donetsk People’s Republic

Olga L. Rosinskaya, Second-Year Master Student, SEI HPE “Gorlovka Institute of Foreign Languages”, Gorlovka, Donetsk People’s Republic

Olga N. Skliarenko, Senior Lecturer, Department of Psychology, SEI HPE “Gorlovka Institute of Foreign Languages”, Gorlovka, Donetsk People’s Republic

Leviza Dz. Khalilova, Student, SBEI HE RC “F. Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University”, Simferopol, Russian Federation

Anastasia M. Khrapko, Teacher-Psychologist, SPEI “Makeevka Multidisciplinary Vocational School”; Postgraduate Student at the Department of Psychology, SEI HPE “Gorlovka Institute of Foreign Languages”, Gorlovka, Donetsk People’s Republic

Svetlana V. Khrebina, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Personality Psychology and Professional Activity, FSBEI HE “Pyatigorsk State University”, Pyatigorsk, Russian Federation

Natalia V. Chevychelova, Second-Year Master Student, SEI HPE “Gorlovka Institute of Foreign Languages”, Gorlovka, Donetsk People’s Republic

Aysultan N. Sharafatdinova, Fourth-Year Bachelor Student, Ajiniyaz Nukus State Pedagogical Institute, Nukus, the Republic of Uzbekistan

Содержание

<i>Агилар Валера Хосе Алонсо</i> СПЕЦИФИЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО РЕЧИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ, КЛИНИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА И КОРРЕКЦИЯ	3
<i>Агуреева Елена Юрьевна,</i> <i>Втюрина Татьяна Анатольевна,</i> <i>Низовских Нина Аркадьевна</i> МЕНТАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ «ВНУТРЕННЕГО РЕБЁНКА» КАК ЛИЧНОСТНЫЙ РЕСУРС ЧЕЛОВЕКА	8
<i>Аптасова Александра Михайловна</i> ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ СОЗНАНИЯ МОЛОДЁЖИ XXI ВЕКА	19
<i>Бараболя Елена Викторовна</i> ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ ЛИЧНОСТИ ОПТИМИСТОВ И ПЕССИМИСТОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ	24
<i>Бельтюкова Оксана Витальевна,</i> <i>Мальцева Ирина Вазиховна</i> ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОНТОГЕНЕТИЧЕСКОЙ ГИМНАСТИКИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ОСОЗНАННОСТИ У СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ	30
<i>Бердиханова Гульнара Нурлыбаевна</i> ПСИХОЛОГИЯ КАК НАУКА. ЕЕ ЗНАЧИМОСТЬ В СИСТЕМЕ НАУК	36
<i>Бойко Ольга Валерьевна</i> КРИЗИС СЕРЕДИНЫ ЖИЗНИ: ХАРАКТЕР И СПОСОБЫ ПРОЖИВАНИЯ ЛИЧНОСТЬЮ	40
<i>Власенко Анастасия Игоревна,</i> <i>Зверева Римма Геннадьевна</i> ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГА	45
<i>Давыденко Анастасия Павловна</i> МЕТОД АРТ-ТЕРАПИИ КАК СРЕДСТВО КОРРЕКЦИИ НЕГАТИВНЫХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ У ДОШКОЛЬНИКОВ	50
<i>Зубикова Ирина Владимировна</i> ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР МОЛОДОГО ВОЗРАСТА	56

Илларионова Инна Валерьевна РАННЕЕ МАТЕРИНСТВО КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	62
Колениченко Ирина Александровна ОТНОШЕНИЕ К МОРАЛИ И ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОСТИ	67
Кондрашова Марина Вячеславовна МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И СУБЪЕКТНОСТИ У СТУДЕНТОВ	72
Моцкувене Наталья Сергеевна РОЛЬ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОДРОСТКА В ЕГО ПСИХИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ	78
Никулина Алевтина Александровна ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПЕРИОД МОЛОДОСТИ В УСЛОВИЯХ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ	84
Новикова Наталья Владимировна ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ	89
Передера Ангелина Олеговна ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ ЛИЧНОСТИ	96
Плетнёва Юлия Сергеевна СУБЪЕКТ И СУБЪЕКТНАЯ АКТИВНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ	101
Росинская Ольга Леонидовна СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КЛИМАТ В КОЛЛЕКТИВЕ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ТРУДОСПОСОБНОСТИ	108
Склярченко Ольга Николаевна ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕОРИИ ПОКОЛЕНИЙ В УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА	113
Халилова Левиза Джаферовна МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЙ СФЕРЫ ШКОЛЬНИКОВ С НАРУШЕНИЕМ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА	119

<i>Храпко Анастасия Марковна</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ	124
<i>Хребина Светлана Владимировна,</i> <i>Никулина Светлана Анатольевна,</i> <i>Воронкина Любовь Борисовна</i> РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ АГРЕССИВНЫХ ПАТТЕРНОВ ПОВЕДЕНИЯ	132
<i>Чевычелова Наталья Васильевна</i> ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ	140
<i>Шарафатдинова Айсултан Нурадиновна</i> КЛИЕНТ-ЦЕНТРИРОВАННЫЙ ПОДХОД К. РОДЖЕРСА	144
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	150
AUTHOR CREDENTIALS	152

Научное издание

**ГУМАНИТАРНЫЙ
ВЕСТНИК**

Сборник научных трудов

Выпуск 18
Психология

Ответственный редактор *С. Э. Зябрева*
Технический редактор *Н. А. Сытник*
Корректоры *И. А. Андреева, О. Т. Захарова*

*За содержание и достоверность фактов, цитат, имен собственных
и других сведений ответственность несут авторы*

Подписано к изданию 22.04.2022.
Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 8,96. Уч.-изд. л. – 10,0.
Усл.-изд. л. – 9,3.
Тираж 300 экз. Зак. № 14.

Издательство ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
Справка ГЛАВСТАТА ДНР Серия АА № 08-22/1277 от 05.03.2020
284626, ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, 25